

Николай Шавеко

**КОММЕНТАРИЙ
К
ДАО ДЭ ЦЗИН**

(в переводе Ян Хин-шуна)

БОН АНЦА

Ижевск

2019

УДК 141
ББК 87
Ш 14

Шавеко Н.

Ш 14 Комментарий к Дао дэ цзин — 2-е изд. испр. и доп. — Ижевск:
Издательство "Бон Анца" (С. С. Пашкина), 2019. — 239 с.

Данное издание представляет собой комментарий к одному из самых известных религиозных памятников древности — "Дао дэ дзин", название которого можно перевести как "Книга об Истинном Пути и его Благой Силе". Автор комментария в доступной форме излагает и аргументирует основные идеи этого трактата, являющие собой настоящий клад мировой мудрости. Несомненно, что мысли, максимально схожие с излагаемыми здесь, высказывались в разное время известнейшими философами и пророками. Читателю, в свою очередь, предлагается лишь краткое популярное введение в даосское учение, с надеждой на то, что и оно будет способствовать внутреннему перерождению личности.

ISBN 978-5-6041560-4-9

© Шавеко Н., 2014

© Шавеко Н., исправления
и дополнения, 2019

© Ян Хин-шун (наследник)
(перевод), 1972

Предисловие комментатора

Приступая ко столь значительному труду — написанию комментария к одному из величайших религиозных и философских памятников древности — я не мог не сомневаться в успешном его завершении. Но, как говорится, глаза боятся, а руки делают, и я надеюсь, что вышедшее из-под моего пера произведение способно помочь людям ищущим лучше понять запечатленную в веках мудрость. Я не являюсь признанным востоковедом, не имею философского образования. Тем не менее, смею заметить, что имеющееся у меня образование юриста и переводчика существенно помогло мне в написании настоящего комментария. Ведь чем, как ни интерпретацией текстов, занимаются юристы и переводчики? Постыжение смысла слов — это их самая основная практика. К тому же, я на протяжении многих лет интересуюсь как академической философией, так и восточными религиями, и потому имею достаточно ясное представление о вопросах, поднимаемых в комментируемом трактате. Если читатель все же сочтет излишним доверять самоучке, то мне останется лишь пожелать ему успехов в самостоятельном поиске истины. Действительно, нельзя слепо принимать на веру ни один из тезисов ни в одном из комментариев. Поэтому решающими на пути к просветлению всегда остаются личные способности индивида к независимому мышлению и преобразованию своего внутреннего мира.

По поводу нижеследующего комментария хотелось бы добавить, что он ни в коем разе не подменяет собой текст "Дао дэ цзин". Читателю предлагается сначала внимательно прочитать отрывок из самого трактата, название которого можно перевести как Учение об Истинном Пути и его Благой Силе, затем попытаться самостоятельно осмыслить его, и только после этого приступить к изучению комментария. Последний, в свою очередь, призван лишь адаптировать для современного читателя имеющиеся способы выражения духовного учения.

Чтобы избежать кривотолков, предлагаемый комментарий осуществлен к наиболее известному переводу книги о Дао и Дэ, выполненному академиком Ян Хин-шуном [Дао дэ цзин / Пер. и прим. Ян Хин-шуна. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. — 144 с.]. Этот перевод отличается высокой точностью, что, однако, влечет за собой некоторую сухость изложения. Одновременно для сравнения мной часто приводятся переводы, выполненные Юй Каном и Александром Кувшиновым (немного реже — другие переводы, например переводы и комментарии В. В. Малявина и Б. Б. Виноградского а также переводы на английский язык). Перевод Юй Кана называют поэтико-семантическим, потому что он имеет целью не только точно передать смысл оригинала, но и сделать это с использованием подходящих средств выразительности. Таким образом, в нем примиряются содержание и форма. Перевод А. Кувшинова, напротив, в конкретике часто разительно отличается от оригинала. Названный переводчик стремится к широкой образности, в оправдание себе замечая, что оригинальный текст написан в поэтической форме, и мало похож на научный трактат. Истину, свидетельствующую о путях достижения счастья, вряд ли можно выразить через научную теорию, поэтому между "духом" и "буквой" Канона А. Кувшинов выбирает "дух", и, надо сказать, блестяще выражает его в своем переводе. Со своей стороны хочу выразить надежду на то, что сопоставление различных переводов "Дао дэ цзин" поможет читателю лучше осознать глубинное послание, содержащееся в этом религиозно-философском памятнике.

Местами я пытался раскрыть смысл этого послания с помощью сравнения не только переводов, но комментариев других авторов, а также путем цитирования отрывков другого даосского трактата — "Чжуан-цзы" (перевод В. В. Малявина), и проведением аналогий с положениями иных религий и философских систем, что нашло выражение в цитировании Библии, Бхагавадгиты и Упанишад. В то же время, подобные аналогии не означают принципиального единства комментируемого Канона и других учений. Во многом он, напротив, существенно расходится с ними.

Я бы даже сказал, что "Дао дэ цзин" — мощный вызов всем остальным религиям и философиям.

Следует отметить, что данный комментарий совершенно не претендует на научность (которая тут вообще вряд ли возможна). Никто не может заглянуть в душу Лао-цзы и узнать, что тот действительно имел в виду. Для этого следовало бы подробнейшим образом изучать биографию и личностные черты автора, однако соответствующие сведения у нас практически отсутствуют. Доходит до того, что и сам факт существования Лао-цзы некоторыми учеными подвергается сомнению. К слову, не больше нам известно и о другом известном даосе — Чжуан-цзы. Также для понимания истинной сути текста следовало бы отразить основные характеристики эпохи его написания. Однако некоторые ученые предполагают, что изначальный текст дописывался на протяжении последующих веков. Ситуация осложняется тем, что Лао-цзы, по-видимому, специально использовал многозначные слова и выражения. В итоге, научным здесь может быть потенциально только анализ предыдущих комментаторских традиций. Предлагаемый же комментарий представляет собой лишь интуитивное предположение об истинном смысле "Дао дэ цзин", которое может считаться правильным или неправильным.

Говорят, что "Дао дэ цзин" утверждает идею "умеренного наплевательства". В этом смысле он показывает относительную ценность любых социальных идеалов, будь то морального или правового, пред лицом идеала личностного. Но я должен предостеречь читателя от того, чтобы не подменять здоровое разгильдяйство простым цинизмом и ленью. Рассматриваемый трактат не защищает нравственное безразличие, напротив — он призывает к просветлению, а в состоянии просветления человек нравственен, так как свободен от страстей и стяжательства. Вообще, нельзя не отметить, что с точки зрения социального идеала личный идеал относителен в той же мере. Кроме того, причастность к Дао и Дэ есть своего рода решение проблемы поиска своего "этоса" (в аристотелевском смысле), которое может вступать в конфликт с решением поиска нравственной идеи (в кантиан-

ском смысле), но при благоприятных обстоятельствах не противоречит ему.

И последнее. Настоящий комментарий не может и не стремится дать какое-либо представление о религии даосизма: во-первых, существует множество самых различных даосских школ, во-вторых, такие трактаты, как "Дао дэ цзин" и "Чжуан-цзы", некоторые западные исследователи (Г. Крил, М. Стрикман) не без оснований относят к "философии даосизма", имеющей с собственно "религией даосизма" очень мало общего. И хотя другие исследователи пытаются доказать либо то, что даосская религия выросла из даосской философии (К. М. Скиппер), либо то, что эти феномены всегда представляли единую традицию (Е. Торчинов), нельзя не признать яркую обособленность Лао-цзы и Чжуан-цзы, которые едва ли касаются центральной для религии даосизма проблемы долголетия (бессмертия), а также способов его достижения через внешнюю и внутреннюю алхимию (они скорее даже чужды, противны этой проблеме!), ничего не говорят об общинной и монастырской традициях даосизма, о его литургиях, связи с магией и народными верованиями, а разве что указывают на такие общие идеи, как единство всего сущего и первоизданная простота в поведении и в жизни, необходимая для того, чтобы стать частью мирового "потока".

Теперь, когда работа по составлению комментария к "Дао дэ цзин" завершена, мне остается только пожелать успехов в постижении Истинного Пути тем, кто хочет познать смысл жизни и непрекращающуюся радость бытия. Эта книга — для вас!

NB! Предлагаемый на суд читателя комментарий не является комментарием к переводам. Объектом исследования комментатора является оригинальный текст. Мнение комментатора относительно выражаемого тем или иным переводом смысла может отличаться от мнения самого переводчика.

1.

Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем — мать всех вещей. Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну [Дао], а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Оба они одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими. [Переход] от одного глубочайшего к другому — дверь ко всему чудесному.

Комментарий:

1. *"Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао"*. В оригинале эта фраза выглядит так: *"Дао, которое может быть Дао, не есть извечное Дао"*.

Иероглиф "Дао" можно перевести как *дорога, средство, идея, основание, закономерность*. Каждый из этих переводов отражает ту или иную грань Дао.

В философском контексте Дао означает основной принцип бытия, в соответствии с которым развивается все сущее. Можно сказать, что оно является совокупностью всех физических законов (*Логосом*).

В индуизме эквивалентом Дао может служить *Брахман*¹.

¹ Так, в Упанишадах утверждается, в частности, что весь мир насыщен единым Брахманом (неким духовным Первоначалом), как вода насыщена солью, растворенной в ней. Это Первоначало невыразимо и недоступно определению: Брахман "ни велик, ни мал, ни короток, ни длинен... ни окрашен, ни темен... ни с чем не связан; без глаз, без ушей, безо рта, не имеет меры, не имеет ничего ни внутри, ни снаружи". В том же тексте отмечается, что Брахман "не это и не то". В других местах Упанишад Брахман, напротив, отождествляется со всем сущим: он есть разум, жизнь, земля, он есть вода и ветер, пространство и свет и т.п. Тогда утверждается, что Брахман есть "и это и то".

В буддизме термином Дао обозначается *правильный путь к обретению просветления*.

Дао также является выражением конечной, *абсолютной истины*. И поскольку оно не может быть выражено словами, абсолютная истина также не может быть выражена словами. Понятиями ("*именами*") мы огрубляем действительность, "втискиваем" ее в заранее установленные рамки языка. Думая, что описываем окружающий мир, мы описываем лишь наши представления о нем, созданные путем навешивания на него "ярлыков" рационального мышления. "Воистину, в каждом определении есть нечто неопределимое" ("Чжуан-цзы"). Мы мыслим определенными категориями типа "горячо" и "холодно", "верх" и "низ", наша мысль подчиняется созданным ею же логическим законам. Но кто сказал, что верх и низ действительно существует? Ведь у Вселенной их нет. Причем иллюзорны не только абстрактные категории: неужели не ясно, что, говоря "стол", мы лишь самовольно, руководствуясь лишь собственными интересами, вычленим некую совокупность материи из всего остального мира, но это вовсе не значит, что видимый нами стол существует как независимый объект? Правда ли, наконец, что все в мире соотносится с логическими законами мышления, или же мы сами воспринимаем явления именно так, как будто эти законы объективны? Это лишь некоторые примеры того, что слова и понятия только мешают познать истину. Слова — словно карта, но карта еще не есть местность. К этому можно добавить, что, *увлекаясь словами, часто попросту теряешь суть сказанного*. Вот почему дзэн-мастер говорил: "Утверждая, что нечто является чем-то, мы те-

Обе приведенных характеристики Брахмана, несмотря на их противоречие друг другу, очень близки Дао. Противоречие это, как и в случае противоречий в определениях Дао, необходимо отчасти для того, чтобы воспрепятствовать превращению сакрального образа в бессодержательный идол личностного Бога, как это происходит в других религиях. Иной аспект заключается в том, что истинная реальность (идет ли речь о Боге или нет) не может быть выражена в логических понятиях (и это подмечено философами всех времен). Сказанное созвучно комментируемой фразе "*Дао, выраженное словами, не есть Дао*".

ряем это всецело". "Говорящему есть что сказать, однако то, что говорит он, крайне неопределенно" ("Чжуан-цзы"). "Дао дэ цзин" утверждает, что *истину вообще можно лишь почувствовать, осознав свое единство с Первоначалом: став частью всемирного потока (Дао), мы перестаем быть отдельным субъектом, и поэтому начинаем объективно смотреть на вещи*. И тогда нам открывается и индуистский Брахман, и философско-научный Логос, и буддийский путь к просветлению, и оказывается, что мы уже стоим на этом пути.

2. *"Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем — мать всех вещей"*. Под "безымянным" и "обладающим именем" здесь имеется в виду единое Дао (начало мира) и процесс расчленения его на отдельные вещи и понятия, в результате которого Дао оказывается скрыто. Но в некотором смысле, здесь имеется в виду одно и то же: в начале всего было Дао, с появлением же материи оно нашло выражение в вещах. Тогда *"мать всех вещей"* означает, что Дао всегда остается незримо присутствовать в вещах, являя собой силу, которая "вскармливает все живое". Под Дао понимается также "естественный порядок вещей".

Таким образом, из сказанного вытекает, что *лишь следуя естеству, мы находим источник жизнотворной силы, примиряющей нас с миром. Человек должен почувствовать это единство всего в Дао, эту радость естественного (искреннего, отчасти простецкого) поведения, и тем самым обрести счастье*.

Прежде всего, мы не должны отождествлять себя со своим телом, не должны идти у него на поводу. Этому и учат нас большинство религий, но можно посмотреть на эту проблему под немного отличным от религиозного углом. Отождествлять себя со своим телом не стоит не потому, что так хочет некий Бог, угрожая нам наказанием. Что, в сущности, представляет собой наше тело? Будучи открытой системой, оно постоянно взаимодействует с окружающей средой, заимствует из нее энергию, необходимую для жизни; оно подчиняется всеобщим законам природы. Таким образом, оно абсолютно едино с природой. Что такое мое

тело, как не сперматозоид отца и не яйцеклетка матери, не еда, которую я ем, или вода, которую я пью? В нем нет ничего самосущего. В конце концов, в моей еде присутствует материя, принадлежавшая ранее другим живым существам...

Следуя этой логике далее, *мы не должны отождествлять себя также и со своей душой*, поскольку психические процессы, происходящие внутри нас, подчиняются универсальному закону причинности и составляют часть единого мира. На мою душу (личность) оказывает влияние не только мое тело, но другая материя, а также другие души (личность), а она, в свою очередь, воздействует на них. В итоге провести границу между различными "Я" становится затруднительно. Эта мысль развивается, в частности, в рамках буддийского понятия анатман (отсутствия постоянного "Я" личности), согласно которому индивидуального "Я" не существует, ибо т. н. "душа" — это лишь произвольная группировка сменяющих друг друга состояний сознания. Добавим к этому, что само человеческое сознание есть, в сущности, способность вычленять отдельные объекты из общей совокупности материи и систематизировать их. Но не должно ли оно, прежде чем познавать мир, вычленить из мира само себя, разделив все сущее на "субъект" и "объект"? Таким образом, сознание существует лишь потому, что само считает себя таковым. Тот факт, что я мыслю и сознаю, ещё не говорит о том, что я — существую. Возможно, моё сознание и мои мысли принадлежат не мне, а чему-то Высшему...

В связи со сказанным новый смысл обретают требования монотеистических религий прекратить удовлетворять собственные (в том числе нематериальные) желания и начать служить одному только Богу. "Дао дэ цзин" не упоминает Бога и ничего не говорит о необходимости служить Ему. Однако: как я могу стремиться достичь личного счастья, если меня не существует в принципе, а есть только Единое Дао? В этом отказе от личного счастья комментируемый трактат близок монотеистическим религиям. При этом как он, так и эти религии, в конечном итоге открывают дорогу такому счастью! (Как это возможно, должно стать ясным из дальнейших комментариев.)

3. *"Поэтому, кто свободен от страстей, видит его [Дао чудесную тайну], а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме". "Страсти" — это, прежде всего, эгоистические материальные желания, не сводящиеся к удовлетворению физиологических склонностей: под ними понимаются также и потребности в самоутверждении, самореализации, любви. Наш ум постоянно мечется в поисках путей удовлетворения этих потребностей. Мы напоминаем себе, что должны сделать то-то и то-то, оправдываем необходимость постоянного стресса, жертвуем сначала минутами, а потом годами ради иллюзорных целей. Эта мелочность затуманивает наш рассудок, делает нас рабами вещей. Если же мы их рабы, то они — наши враги. Отсюда становится невозможной гармония с внешним миром. Однако именно эта гармония — залог счастья.*

Добавим, что "духовные страсти" также суть "страсти", и гипертрофированное желание превзойти зависимость от материальных мелочей также может навредить нам. Духовная попытка превзойти себя свидетельствует о том, что мы находимся в конфликте с самим собой, тогда как гармония достигается не конфликтом, а принятием (т.н. "недеянием", см. текст №2). *"Чудесную тайну Дао"* можно постичь только выбрав срединный путь.

В этом смысле "безымянное" и "обладающее именем" различны. Безымянное есть то, что лежит за пределом страстей.

(Отметим также смысл, который вкладывает в комментируемую фразу переводчик Р. Хенрик: *"Те, кто постоянно имеет желания, тем самым будут видеть лишь то, что хотят видеть".*)

4. Важно отметить, что для обозначения слова "имя" в комментируемом тексте в оригинале используется иероглиф "мин", который можно перевести и как "слово", "словесный облик", "мыслимая форма", и как "слава", "почесть", "титул". Если мы говорим об "имени" как о словесной форме, то отмечаем, что *словами не выразить истину*. Но можно говорить об "имени" и как о почести. В этом смысле мы отмечаем, что *любые почести*

непостоянны, и мы не должны стремиться во что бы то ни стало обрести их; иными словами, мы должны стать свободными от страстей. Об обоих этих вариантах толкования уже сказано выше, и оба они сводятся к необходимости *осознания единства всего сущего*.

5. *"Оба они одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими"*. Только что нам стало более-менее ясно, что мы должны освобождаться от желаний, связанных с осознанием нами самих себя в качестве индивидуального "Я". Однако тут же столкнулись с фразой иного содержания. Она гласит, что отказ от всяческих стремлений и его противоположность — суть одно и то же.

Здесь нужно выделить два аспекта. Первый заключается в том, что нам не следует кидаться из крайности материального в крайность духовного. *Аскетизм, в частности, чреват бесконечными угрызениями совести, потерей интереса к жизни и возрастанием подсознательной злобы*. И причина этого достаточно очевидна для любого религиозного наставника. Ицхак Меир Альтер, например, писал: "Кто постоянно говорит и рассуждает о содеянном им зле, не перестает думать о совершенной подлости, тот погружен в то, о чем он думает, полностью поглощен этим, и, таким образом, он пребывает в подлости... его дух огрубел, сердце покрылось плесенью, и к тому же он впал в уныние". Таким образом, аскетизм также может препятствовать человеческой свободе (в данном случае: свободе выбора между добром и злом). Между тем, именно в свободе и заключается "срединный путь" Дао.

И здесь мы имеем дело со вторым аспектом рассматриваемой фразы. *Освобождение от страстей (как следует уже из самого этого слова) необходимо для обретения свободы, но вовсе не подразумевает их умерщвления*. Отождествляя себя с миром, мы служим ему, служим всем людям, однако сохраняем и представление о собственном "Я", собственных желаниях и мыслях (наряду с осознанием их в некотором смысле иллюзорность!). Как совместить это?

Ключом к пониманию данной концепции является принцип *максимального осознания себя и собственной жизни*. Иными словами, нам нужно постараться тотально присутствовать *в настоящем моменте*. Прошлое и будущее — это иллюзия, в действительности существует лишь настоящее. *Зачастую мы несвободны в своих поступках, потому что на нас давит предшествующий опыт, бессознательный страх повторения ошибок, чреватых несчастьями в будущем. Так прошлое и будущее сковывают нас*. Но если мы действительно погрузимся в настоящий момент, всецело осознавая его и забыв на миг о том, кто мы есть, что мы пережили и что может случиться с нами в будущем, то наши действия получают определенную свободу². В этом состоянии мы способны служить и помогать людям, ни от чего не отрекаясь, ибо вне времени концепция отречения просто теряет смысл! Поступки обретают спонтанность и непринужденность. В такой *естественности*, которая в различных случаях может выражаться как в потреблении, так и в воздержании, и состоит срединный путь Дао.

Таким образом, крайний аскетизм так же далек от Дао, как непрерывное потворство сиюминутным прихотям. Здесь необходимо найти "золотую середину". Вот почему сказано: *"[переход] от одного глубочайшего к другому — дверь ко всему чудесному"*. В переводе А. Кувшинова эта фраза звучит так: *"Видеть в чудесном чудесное — вот ключ ко всем тайнам мира"*. Иными словами, здесь говорится о том, что гармония достигается особым состоянием сознания ("видения"), освобождающим от страстей, но не умерщвляющим их. Это состояние можно назвать *состоянием тотальной осознанности*, в которой-то мир и предстает чудесным, а жизнь — прекрасной. Почему так происходит? Потому что именно *будучи сознательным, человек освобождается от страстей, предрассудков и комплексов, и снова принадлежит самому себе. Обретенная свобода дарует ему радость; открывается "чудо жизни"*. По этому поводу еще говорят, что

² Подробнее о том, что значит жить настоящим моментом, как этого добиться и какая в этом польза см. в работе Э. Толле "Сила настоящего".

у радости как таковой нет причины, причины есть только у подавленности, и заключаются они в несвободе и неосознанности (непринадлежности самому себе). Итак, если мы ограничиваем себя в еде, сексе, общении, то должны ясно осознавать, для чего мы это делаем. *Истинные причины аскетизма должны быть постигнуты нами "всем существом" (осознанны).* Тогда и только тогда самоограничение будет полезным, в противном случае оно — лишь паническое бегство от реальности.

б. Скажем и о том, что в переводе А. Кувшинова слово "*страсти*" заменено словом "*стремления*", что также открывает новые просторы для толкования. Духовные ли, материальные — стремления остаются стремлениями, они беспрестанно занимают наш ум, и мы не замечаем, как мельчаем в потоке серых будней. И те и другие стремления — следствия зависимостей, которые также можно подразделить на два вида. *Одни зависимости исходят из потребностей материальных, будь это желание насытить желудок или почувствовать собственную значимость. Другие зависимости проистекают от словечка "должен" в нашей голове ("мой ребенок должен поступить в институт", "я должен успеть все, что запланировал"), которое рождает беспокойное состояние ума.* Они могут считаться духовными, однако это не означает их полезности. Часто это слово "должен" служит добру службу материальным стремлениям, все больше загоняя нас в сансару. Животное или маленький ребенок, увидев лакомство и не имея возможности его получить, быстро забудут о нем, и только взрослый человек способен заикнуться на мысли "о, я должен это получить!", и стать одержимым. Итак, мы должны избавиться от всякой зависимости. "*Свобода от стремлений*" (см. п.3) есть "*бытие в настоящем моменте*" (см. п.4), как у животных или маленьких детей. Будучи свободными, мы не перестаем жить, творить и наслаждаться, однако больше не строим планов своей жизни, поскольку невозможно построить план одного лишь настоящего мгновения: так мы становимся "свободными от стремлений".

В этом контексте комментируемая выше фраза "*Оба они одного и того же происхождения, но с разными названиями, вместе*

они называются *глубочайшими*" должна относиться не к "имеющему страсти" и "свободному от страстей", не к безымянному и поименованному, а к небу (духовному) и земле (материальному). "[Переход] от одного глубочайшего к другому — дверь ко всему чудесному" означает, что *чудо жизни открывается тому, кто может моментально уловить необходимость перехода от духовного к материальному и наоборот*. Духовное и материальное едины, и в этом — одно из центральных положений "Дао дэ цзин". В Бхагавадгите также говорится: "Подобно тому, как пламя светильника горит ровно в тихом месте, йог, обуздавший ум, всегда остается спокоен, устремив внутренний взор на свое истинное "Я"". Это истинное "Я" и есть единая, подлинно (!) духовная сущность, познав которую, человек обретает спокойствие и перестает стремиться не только "сделать карьеру" или "купить престижный автомобиль", но и также "попасть в рай", "справиться со своей греховностью" и пр. Как комментирует Б. Виноградский, следует устремиться туда, где Небо и Земля еще не начали быть.

7. Отметим, что в переводе Юй Кана вообще отсутствует слово "*страсти*". Фраза "*кто свободен от страстей, видит его [Дао чудесную тайну], а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме*" выглядит в этом переводе так: "*постоянного Небытия жажда — созерцаю Ее [матери всех вещей] Сокровенное, Бытия постоянного жажда — созерцаю Ее формы*". Таким образом, про Небытие и Бытие (нематериальное первоначало мира и материю) можно сказать: "*Оба они одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими*". Тем самым снова подчеркивается единство духовного и материального, недопустимость бесповоротного отказа от одного из них в пользу другого.

8. В комментариях Ю. Полежаевой "*тот, кто свободен от страстей*" есть человек, использующий интуитивный способ познания, а тот, "*кто имеет страсти*" — это человек, который не поднимается выше рациональной логики, и не видит ничего за пределом существующих в его языке понятий.

2.

Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что добро является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно оформляются, высокое и низкое взаимно определяют, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее следуют друг за другом. Поэтому совершенномудрый, совершая дела, предпочитает недеяние; осуществляя учение, не прибегает к словам; вызывая изменения вещей, [он] не осуществляет их сам; создавая, не обладает [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагает к этому усилий; успешно завершая [что-либо], не гордится. Поскольку не гордится, его заслуги не могут быть отброшены.

Комментарий:

1. В первой части данного текста говорится о единстве противоположных начал. *Человек должен понять, что все, в сущности, едино, поэтому не нужно ни к чему стремиться, но и отвергать что-либо тоже не стоит.* В чем практическая польза такого понимания? Наиболее ярко ее отражает фраза *"Когда все узнают, что добро является добром, возникает и зло"*. Дело в том, что добра и зла как таковых не существует. *Ни одно явление или событие не является ни добрым ни злым само по себе, все дело лишь в нашем отношении к ним.* Само это различие появляется вместе с субъектом, который исходя из своих интересов, либо из интересов других субъектов, начинает делить вещи на хорошие и плохие. Но именно поэтому такое деление оказывается субъективным, то есть условным и несовершенным, и в некотором смысле ошибочным. *Итак, любое событие можно воспринять как благо, ведь во всем есть свои плюсы (стоит только увидеть их, но мы часто забываем это сделать), а что*

касается минусов, так они всецело зависят от наших потребностей. Изменив свои потребности, мы сменим зло на добро. Вот почему все религии говорят нам о необходимости усмирять свои вожеления: ведь устранив потребность, мы тем самым сделаем мир добрее. Часто такой подход более чем разумен. Так, в современной западной цивилизации производители товаров при помощи рекламы пытаются заставить нас хотеть все больше и больше вещей, подстегивая наши потребности. Но судя по вышесказанному, счастье как раз в независимости от рекламы: навязывание потребностей может продолжаться бесконечно, а средства для их удовлетворения у всех ограничены, поэтому идя на поводу у потребностей мы неизбежно идем к страданиям. Между тем, выражаясь словами А. Солженицына, "совсем не уровень благополучия делает счастье людей, а — отношения сердец и наша точка зрения на нашу жизнь. И то и другое — всегда в нашей власти, а значит, человек всегда счастлив, если он хочет этого, и никто не может ему помешать".

Итак, приняв сущее таким, каково оно есть, мы больше не имеем нужды различать плохое и хорошее, красивое и безобразное. *Все становится красивым и добрым само собой*, обретая общую гармонию (единство). Если же мы начинаем говорить, будто что-то является красивым или добрым, то уже заранее как бы подразумеваем, что другое нечто, соответственно, является некрасивым и злым. Получается, что все плохое и безобразное входит в наш мир путем искусственного членения, вызванного недовольством и неприятием. Совершенно мудрый же просто позволяет вещам быть, предоставляет им свободу, и сам пытается *просто быть*, и потому счастлив. Современная цивилизация добила много, но могут ли ее представители похвастаться гармонией и счастьем? Наоборот, гармония и счастье утеряны, и обрести их вновь во многом помогает отказ от цивилизации, в т. ч. от бесконечной гонки за добрым, истинным, прекрасным и т. д. Как пишет Б. Виноградский, непривязка к успеху и есть успех. Более того, счастья не бывает без страдания, поскольку вещи познаются в сравнении. Традиционное даосское изображение "инь

и ян" является наглядным выражением этой концепции: всегда есть черное в белом и белое в черном, иначе эти понятия не существовали бы. Но именно поэтому современная индустрия развлечений, заточенная на получение удовольствий, не может сделать человека счастливым — для этого нужно как минимум позволить человеку иногда страдать, чтобы не забывать иной опыт. Когда же медиа настаивают на том, что удовольствие есть признак успеха, а неудовольствие — признак неполноценности, когда депрессия в массовом сознании воспринимается как болезнь, а не как нормальное состояние грусти, достичь счастья оказывается невозможным.

(В "Чжуан-цзы" подчеркивается такой частный момент. Ссоры между людьми возникают только потому, что люди начинают проводить различия между вещами. При этом: "Каждый знает то, что доступно ему, и не видит того, что доступно другому". Но стоит только понять, что различий не существует, все ссоры разрешаются сами собой.)

2. Во второй части данного текста впервые упоминается ключевой для "Дао дэ цзин" термин *"недеяние"* ("у вэй"). В каком-то смысле это — преобразование своего внутреннего мира (работа над своими потребностями) в противоположность преобразованию мира внешнего. Именно этим *"недеяние"* отличается от *"деяния"*: *это не полное отсутствие действия, не индифферентная пассивность, а скорее внутреннее действие взамен внешнему.*

Однако этот термин можно понимать и по-другому. Если мы имеем средства для удовлетворения потребности, то почему бы нам не удовлетворить ее при условии, что это не повлечет неприятных последствий (еще больших потребностей)? Как было сказано ранее, Дао не есть аскетизм, Оно — золотая середина (не случайно в рассматриваемом тексте идет речь о гармонии различных звуков). И потому преобразование внешнего мира принимается им не в меньшей степени, чем преобразование внутреннего. И то и другое, однако, лишь в той мере, в какой это не вредит свободе и осознанности (свобода и осознанность тесно

связаны, поскольку свобода — это, в сущности, следование разуму; посредством разума мы понимаем, какие из наших поступков ведут к благу, то есть соответствуют нашим истинным интересам, а какие являются выражением бессознательных комплексов и навязанных желаний, причиняющих нам лишь страдания).

Рассмотрим, как это понимание связано с первым значением "недеяния". Мы выяснили, что добро и зло зависят от субъективного взгляда. Мы знаем также, что субъекта не существует, поскольку все в мире едино. Таким образом, *ни добра, ни зла не существует в принципе*. Будучи единым с миром, человек должен принимать абсолютно все, что преподносит ему судьба (судьба — это, по сути, естественный порядок вещей, то есть Дао). *Все, что является в настоящем моменте, должно быть принято полностью и безоговорочно*. Речь не идет о принятии прошлого и будущего, поскольку их нет. Нам не нужно думать о том, как нам жилось раньше, и что светит нам в будущем. И то и другое — иллюзии, не имеющие отношение к подлинной жизни, и не нужно размениваться на то, чтобы принять иллюзию.

В этом состоянии тотального принятия человек, тем не менее, сохраняет некий простор для действия. Однако *действие уже не обусловлено неконтролируемыми страстями, страхами, комплексами или надеждами*. Оно носит *спонтанный и естественный характер*. Здесь мы должны пояснить, что потакание несправедливости, насилию и лжи под предлогом "недеяния" есть, собственно говоря, лишь прикрытая форма эгоизма, поэтому "недеяние" не означает абсолютное попустительство, и вполне может подразумевать борьбу с нечестным поведением и безнравственными людьми. Одновременно, если вы не обременены страхами и надеждами, то отстаивание вами своих личных интересов априори не будет противоречить нравственности. В целом, естественное поведение это поведение *в высшей степени осознанное, а значит разумное*.

Таким образом, "недеяние" — это также спонтанная активность. Это не то что бы отсутствие всякого действия, но уж точно отсутствие грандиозных планов на будущее. Как сказано

в Евангелие: "не заботьтесь о завтрашнем дне... довольно для каждого дня своей заботы". В переводе А. Кувшинова фраза "мудрый человек предпочитает недеяние" выглядит следующим образом: *"Мудрый живет себе спокойно, свободный от необходимости заниматься делами"*. Здесь можно заметить, что мудрый человек совсем не обязательно ничего не делает, но он, по крайней мере, *свободен от забот, которые других людей зачастую доводят до тяжелого стресса и глубокой подавленности*. Он знает, что правильное действие лишено насилия, естественно и ненавязчиво.

Понятие "недеяния" тесно связано с идеей *действия ради действия*. Если ты живешь настоящим моментом, и действуешь спонтанно, то тебя мало интересует результат, к которому приведет твоё действие. Но именно *бесстрастность этого действия и привносит в него благодать*. Кто не боится потерять (упустить выгоду), тот не совершит злой поступок. Большинство людей, напротив, потеряли свою душу в бесконечной жажде наживы. И даже когда речь идет об их духовном росте, они не желают применять никакие духовные практики, пока им не помашешь перед носом словами типа "рай" или "просветление". Но стремление к просветлению — это такая же зависимость, такое же витание в облаке мечтаний о будущем. Причем эти мечтания становятся принципиально неосуществимыми, ибо стоит нам только подумать, что после многочисленных духовных практик мы стали ближе к нирване, тут же проявится наша гордыня, и все успехи в этой области сойдут на нет. Таким образом, стремящийся к просветлению изводит себя не меньше, чем тот, кто стремится к материальным богатствам. Настоящая же духовность предполагает отказ в том числе и от просветления (а настоящая свобода — свободу в том числе и от свободы!). Если вы гоняетесь за просветлением, вы будете видеть круги на воде вместо камня, который их вызвал. Вот почему Дао отвергает обычную религиозность, уделяя внимание самому процессу действия, а не его результату. И даже медитация практикуется не для просветления, а просто так, ради нее же самой! "Даосизм" означает "учение

пути", и в самом этом названии будто подчеркивается: важен сам путь, а не цель, важно "как" ты делаешь, а не "что" ты делаешь. Полностью концентрируясь на процессе делания, вы пребываете в настоящем моменте, что очень важно. Попробуйте читать книжку не для того, чтобы найти в ней умные мысли и не для того, чтобы получить эстетическое удовольствие от чтения. Читайте ради самого чтения! Попробуйте есть не с тем, чтобы насытиться, и не чтобы получить физическое удовольствие, а просто так. Полностью сконцентрируйтесь на том занятии, которое вы делаете, и тогда вы откроете для себя новое измерение вещей: вы испытаете новые ощущения, и почувствуете, что действительно живете ("переживаете" момент). В буддийских монастырях практикуют специальные упражнения "действия ради действия". В процессе этих упражнений монахи выполняют совершенно бесполезные с точки зрения обыденного сознания действия: рисуют вилами на воде, подметают двор с помощью тонкого прутика, стоят на одной ноге и пр. Смысл же в том, чтобы переключить свое внимание с цели деятельности на сам процесс. Только с помощью таких упражнений можно *отбросить все задние мысли и почувствовать настоящий момент, а заодно — вспомнить давно забытое детское чувство игры ради игры, а не ради того, чтобы закончить ее побыстрее*. В индуистском трактате "Бхагавадгита" подобные практики объединяются общим названием "карма-йога". В одноименной главе этой книги говорится следующее: "Тот из людей разумен, кто видит бездействие в действии и действие в бездействии; его положение трансцендентально, хотя он и занят разнообразной деятельностью... Отказавшись от всякой привязанности к результатам своей деятельности, всегда удовлетворенный и ни от чего не зависящий, он не совершает действий, приносящих плоды, хотя и занят постоянно всевозможными делами". Таким образом, здесь говорится о необходимости избегать как отказа от действий, так и привязанности к их результатам.

3. Существует такая притча: "Ученик спросил Мастера: "Что есть Дао?". "Дао — это повседневная жизнь" — ответил Мастер.

"А можно ли этому научиться?" — спросил Ученик. "Если ты попробуешь учиться, — ответил Мастер, — то будешь от него далеко". "Но если я не буду учиться, то как я смогу узнать, что это Дао?" — спросил Ученик. Тогда Мастер ответил: "Дао не принадлежит воспринимаемому миру. Также не принадлежит он и миру невоспринимаемому. Если ты хочешь достичь истинного Дао — отдайся свободе, какая есть у Неба. Ты не назовешь это ни хорошим, ни плохим". В этой притче "повседневная жизнь" означает концентрацию на настоящем моменте, на том занятии, которым вы заняты именно сейчас, будь то мытье посуды или лежание на диване. Когда ученик спрашивает, как можно этому научиться, то он противоречит самому высказыванию: повседневная жизнь как раз и состоит в отсутствии подобных стремлений. Так же и добродетель не состоит ни в самом стремлении совершать добро, ни в добрых поступках ("ни в воспринимаемом, ни в невоспринимаемом", это не нужно пытаться понять умом). Она заключается в "безграничной свободе" (в том числе от собственных комплексов и влечений), в тотальном принятии мира и осознании отсутствия в нем "хорошего и плохого". *Действительно свободный человек не станет совершать зла; напротив, как подмечено многими философами, следствием свободы является любовь.* Только после внутреннего освобождения можно начинать действия, но тогда вам уже не понадобятся указания ("учеба") — вы будете действовать естественно.

4. *"...осуществляя учение, не прибегает к словам".* В последнее время, по-видимому, развелось множество шарлатанов, обещающих людям духовное пробуждение, но не обладающими ни достаточными знаниями в области духа, ни энергетикой просветленного. Они много говорят, но мало что из себя представляют. Это и не удивительно, ибо умение говорить еще не означает знание того, о чем говорится; вот и большинство "учителей мудрости" просто пересказывают ранее заученные чужие мысли. В противоположность этому можно вспомнить дзэн-буддистскую традицию передачи знания "от сердца к сердцу": мастера дзэн не пишут философские трактаты, обосновывающие

их взгляды, они пытаются донести истину до ученика без помощи слов, и для каждого ученика способ донесения должен быть индивидуальным. В "Дао дэ цзин" также утверждается, что абсолютная истина, которая только и может сделать нас счастливыми, непередаваема словами. Даосы говорят: "Учитель учит не словами, но всем телом". Это может означать, что *учителю нужно доказывать истинность своих слов не логическими аргументами, а демонстрацией своих реальных возможностей, своего счастья и радости*. Так и Иисус подтверждал свои слова чудесами. Здесь, кстати, можно вспомнить библейское изречение: "Ибо Царство Божие не в слове, а в силе".

5. *"...вызывая изменения вещей, [он] не осуществляет их сам", "приводя в движение, не прилагает к этому усилий"*. Здесь имеется в виду все то же недеяние, или внутренняя работа. Измени себя и ты изменишь реальность вокруг себя. Как говорится, *смейся, и весь мир будет смеяться вместе с тобой; плачь — и ты будешь плакать в одиночестве*. Это очень эффективный способ воздействия на мир. (В английской версии Стивена Митчелла предложен такой вариант: *"Вещи возникают, и он позволяет им быть; вещи исчезают, и он позволяет им уйти"*).

6. *"...создавая, не обладает [тем, что создано]", "успешно завершая [что-либо], не гордится"*. Подлинное самораскрытие своей внутренней сущности несовместимо с принципом обладания (собственничеством). Собственничество может проявляться не только по отношению к материальным вещам, но и к своим титулам, достижениям, качествам, а также взглядам. Совершенномудрый не отождествляет себя ни с чем из перечисленного. Вместо того, чтобы пытаться что-то "иметь", он пытается просто "быть". И поэтому ему нельзя навредить, отобрав у него какие-то вещи или прилюдно унизив его. Этим вы не затронете того, что ему действительно дорого. Но то, что ему действительно дорого, отобрать вы не сможете. В этом смысле такой человек непобедим; он *самодостаточен*.

В даосском трактате "Чжуан-цзы" аналогично сказанному утверждается: "Мудрый человек не имеет ничего своего. Боже-

ственный человек не имеет заслуг. Духовный человек не имеет имени".

Для совершенномудрого гораздо важнее творить и создавать, чем обладать созданным, поэтому он уже по сути своей — слуга народа и человеколюбец. Он находит удовольствие в самом акте творчества, в игре своих возможностей, а не в тупом удовлетворении инстинктов. Но даже в потреблении он приветствует сам процесс, а не результат в виде мысли "я это пробовал", "я это имею", "я там побывал". В этом "действии ради действия" и состоит "недеяние". Не случайно в переводе А. Кувшинова рассматриваемый текст кончается фразой *"Ведь только тот, кто не останавливается, ничего не теряет"*. Здесь имеется в виду непривязанность к продуктам своего и чужого труда, а не тот факт, что большинство людей постоянно куда-то стремятся и что-то делают, прекращая суетиться лишь в гробу.

В переводе Юй Кана смысл фразы тот же. Он пишет: кто не занимает постов, тот не будет свергнут. Это, конечно, не означает, что любые посты бессмысленны. Суть здесь в том, что нам не стоит утопать в стремлениях (скажем, в стремлении занять какой-нибудь пост), *не нужно коллекционировать плюсы в ежедневнике, тем самым упуская жизнь меж пальцев; вместо этого следует осознавать каждый момент своей жизни*. И тогда жизнь откроется вам, и вы забудете про лишения.

Фраза *"вызывая изменения вещей, [он] не осуществляет их сам"* у Юй Кана переведена следующим образом: *"[Он] занят сущим всем ради сущего, не отказывая"*. В этом можно увидеть все тот же намек на действие ради действия, а не результата. Ведь даже стремление к добру может быть разным. *Тот, кто хочет во что бы то ни стало быть благодетельным и добрым, начнет внушать свою доброту и себе и другим, и тем самым погрузится в самообман и лицедейство* (см. текст №38). Чтобы этого избежать, надо всего-то заниматься "сущим ради сущего", а не ради плюсов в ежедневнике.

3.

Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор. Если не ценить редких предметов, то не будет воров среди народа. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца народа. Поэтому управляя [страной] совершенномудрый делает сердца [подданных] пустыми, а желудки — полными. [Его управление] ослабляет их волю и укрепляет их кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знание не смели бы действовать. Осуществление недеяния всегда приносит спокойствие.

Комментарий:

1. *"Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор"*. В этой строке критикуется традиционное конфуцианское понятие *"ученого мужа"* (в этом переводе — *"мудреца"*). Даосизм вообще во многом противопоставляется конфуцианству. В одной из даосских притч Конфуций спрашивает радостного, но крайне бедного старика о причинах его радости. И это неправильный вопрос: *радость не имеет причин, существуют только причины ее отсутствия, сводящиеся к тому, что вы сами не позволяете радости быть*; спрашивать о причинах радости — все равно, что спрашивать *"почему Бог существует?"*, но ведь если Он существует, то Он просто существует, и это сразу дает нам определенную картину мира, определенную модель поведения, зачем еще спрашивать о причинах существования Бога? Конфуцианство не понимает этого, поэтому его *"мудрецы"* постоянно заняты коллекционированием полезного знания, которое, якобы, сделает их счастливыми. Они недалеко ушли от бизнесменов, которые наживают бесполезные материальные богатства (о таких говорится уже в следующем предложении рассматриваемого текста). В итоге эти *"мудрецы"* как бы *"цепляются"* за приобретенные нелегким трудом знания, не желают их отпускать. Так

они становятся предвзятыми в спорах и кичливыми в беседах. Вот почему говорится, что *"мудрецы рождают ссоры в народе"*. В "Чжуан-цзы" говорится, что пребывание на Пути ведет к тому, что в какой-то момент человек останавливается в накоплении знаний, и больше не желает познавать, почему происходят те или иные события: "Знать, как остановиться на неизвестном — это и есть совершенство".

Исследователь В. В. Малявин отмечает, что под "мудрецами" в конфуцианской традиции понимаются те, кто достоин государственной службы, то есть просто "умелые люди", *часто жаждущие денег и славы, часто почитающие изящные манеры и красивые речи вместо истины и души*. Эти "мудрецы" не имеют ничего общего с совершенномудрым, следующим Дао. Не трудно догадаться, что почитание таких "псевдомудрецов" порождает соперничество среди людей, а значит и взаимную вражду. Если же не почитать их, люди перестанут выделяться и выслуживаться друг перед другом, исчезнут лицедейство и лицемерие. Об этом и говорится в комментируемом отрывке. Дао не против любого знания, оно против "знания ради знания" информационного общества, против негативных последствий "профессиональной деформации" личности, против "общества специалистов", в котором каждый знает что-то, но никто не знает главного.

По Б. Виногородскому, "знающие люди не решаются действовать", то есть придерживаются тактики недеяния.

2. *"Если не ценить редких предметов, то не будет воров среди народа. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца народа"*. Современная рыночная экономика во многом ориентирована на преформирование потребностей человека. Мы странным образом хотим именно то, что рынок готов нам предложить, а стоит это предложение странным образом именно столько, сколько мы максимум готовы за это отдать, чтобы при этом все же осталось немного денег на удовлетворение естественных физиологических потребностей (в пище, воде, тепле и пр.). Вещь ломается

именно тогда, когда нам только-только удалось скопить денег на покупку новой вещи, а нормы труда повышаются именно тогда, когда появляется возможность (техническая, организационная, кадровая) производить больше. Таким образом, *рыночная экономика по своей сути направлена на то, чтобы "выжать" из человека максимум денег и рабочей силы, после чего оставить его не вполне удовлетворенным*. Р. Генон пишет: "Современная цивилизация стремится искусственно создавать все новые и новые потребности, и... этих потребностей всегда будет больше, нежели она сможет удовлетворить, и раз ступив на этот путь, будет крайне сложно остановиться, а кроме того, для подобной остановки нет никаких весомых причин... Раньше для людей не составляло никакого труда обходиться без вещей, о существовании которых они и не подозревали, и к которым никогда и не стремились. Сегодня, напротив, им тягостно выносить отсутствие определенных вещей, так как они привыкли считать их необходимыми, и в конечном итоге, они действительно стали для них необходимы".

Применительно к комментируемому тексту отметим: *"редкие"* предметы стоят дороже, сама их ограниченность повышает наше желание ими обладать, но часто эта "редкость" формируется торговцами искусственно; точно так же и *"зависть"* (то есть желание иметь какую-либо вещь) искусственно формируется через рекламу, которая воздействует на наши низменные инстинкты (*"волнует наши сердца"*).

Потребление вообще перестало быть осознанным, превратившись в удовлетворение не действительных желаний, а искусственно подогреваемой игры воображения: мы "пьем" рекламные бренды, используем "здоровое" мыло, и жуем жвачку "от кариеса". Мы не чувствуем реального вкуса и запаха вещей, не сосредоточены на действительном в настоящем моменте, не "открыты миру" в процессе потребления. Пробуя на вкус, мы больше заняты мыслью о том, что обычно считается вкусным. Созерцая прекрасное, мы заняты скорее не самим созерцанием, а мыслью о том, что является прекрасным. Вероятно, во многом поэтому наши желания превращаются в навязчивую страсть.

Не менее отчужденным, чем потребление, является, к слову, и сам труд, ибо очень и очень многие люди в условиях разделения труда, т. е. декларативной возможности выбрать профессию "по душе", всю жизнь вынуждены заниматься совсем не тем, что им действительно нравится. Специализация сама по себе делает человека односторонним, ухудшает его возможности развиваться сразу в нескольких направлениях. Отсюда постоянное чувство отчуждения от общественных механизмов и неизвестности мира. Но даже в своей профессии зачастую нельзя делать то, что эта профессия изначально предполагает. Представьте себе писателя, который вынужден писать фельетоны вместо романов, потому что таковы требования рынка. Или представьте себе врача, который вместо помощи больным вынужден целыми днями заполнять их медицинские карты и писать отчеты для начальства. Конечно, можно обосновать ценность романов и отчетов, но факт в том, что специализация на самом деле не дает человеку подлинного самовыражения. "Честный юрист" вообще выглядит почти оксюмороном, поскольку ввиду расклада на рынке юридических услуг, построенном во многом на мошенничестве, честный юрист с большой вероятностью разорится, т. е. уже не сможет быть юристом. И причиной тому снова доминирующее значение прибыли для современной капиталистической формации.

Вообще, *вся наша цивилизация ориентирована на то, чтобы иметь не "много", а "больше"*, и это преподносится как нечто естественное как в производстве, так и в потреблении. Принцип "бесконечного наполнения" (см. текст №9), однако, не способствует счастью — лишь делает из нас роботов, отчужденных от собственной жизни.

Итак, если трактовать комментируемую здесь фразу радикальным образом, то недалеко до коммунизма, давно зарекомендовавшего себя с негативной стороны. Но если попытаться извлечь из нее чуть больше смысла, то она может стать основой для критики современной экономической системы, *априори не способной разнообразием товаров сделать чело-*

века не только по-настоящему счастливым, но и даже банально удовлетворенным (удовлетворенный потребитель не выигран никому).

"Если переоценивать возможность обладания, люди начнут воровать" (перевод С. Митчелла).

Дело, таким образом, не в том, чтобы уменьшать любые возможности ради уменьшения возможности совершать преступления — это слишком примитивное истолкование комментируемой фразы; Дао выступает не за золотую клетку, а за свободу.

3. *"...совершенномудрый делает сердца [подданных] пустыми, а желудки — полными"*. Эта фраза может показаться парадоксальной, но, тем не менее, имеет вполне тривиальное объяснение. На Востоке именно живот, а не голова или сердце, считается средоточием жизненной силы человека, поэтому используемое здесь слово "живот" имеет также значение *"душа, внутренний мир"*. Живот — это также *"утроба"*, то есть некое первоначало жизни. Слово "сердце", напротив, должно пониматься как олицетворение слепых чувств. Таким образом, в рассматриваемой фразе говорится о необходимости освободиться от каждодневных привязанностей, и постоянно помнить о том, что является действительно главным в жизни. Так и в Библии говорится: "Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное". Здесь под "духом" понимается то же, что и под "сердцем" в "Дао дэ цзин", а именно неконтролируемые страсти, гордыню и стяжательство.

Одновременно комментируемую фразу можно понимать как призыв быть проще, не увязать на повседневных проблемах. (У С. Митчелла: *"Управляя людьми, совершенномудрый опустошает их рассудок, но наполняет их суть"* (The Master leads by emptying people's minds and filling their cores)).

4. *"[Его управление] ослабляет их волю и укрепляет их кости"*. Здесь опять же, под волей подразумеваются страсти, а под костями — дух, то есть незримый скелет, на котором держится тело.

5. *"...стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей"*. Рациональное познание неспособно постичь истину внутреннего мира (истину о счастье человека), ее можно лишь *интуитивно почувствовать*. Ее нельзя удержать, можно только коснуться, поскольку, начав размышлять о ней, мы расщепим единое целое на мелкие кусочки. В каком-то смысле, она подобна цветку: мы можем любоваться им, но сорвав, погубим его. Эта фраза — укор всей современной западной цивилизации, стремящейся познать мир в мельчайших деталях, но тем самым теряющей свою опору. Ибо мы находимся в беспрестанном поиске, хотим узнать все больше и больше о мире, экспериментируя, насилуем природу, думая, что так сможем повысить свой уровень жизни, однако не понимаем, что *для счастья нужно совсем немного, и большинство наших знаний в этом отношении просто бесполезны*. Мы как глупцы, которые вместо обретения просветления постоянно задаются бессмысленными вопросами типа "могут ли деревья и животные достигнуть просветления?". Не нужно никуда бежать, не нужно ничего делать и ничего узнавать. Нужно просто созерцать цветок, *"увидеть чудесное в чудесном"*. Если бы люди "золотого миллиарда" в один миг осознали, какой непоправимый урон нанесли они окружающей природе, сколько неимоверных страданий причинили они братьям своим меньшим, какой дисбаланс в уровне жизни различных стран они породили благодаря "веку знаний", то, несомненно, согласились бы, что *"имеющие знание не должны даже посметь действовать"*. Но не нужно даже вспоминать о глобальных проблемах этого мира, чтобы понять вред рационализаторства. Совершая изо дня в день, казалось бы, разумные и обоснованные поступки, не чувствуете ли вы при этом подспудно, будто в целом что-то идет не так, что логичные с виду поступки загоняют вас то ли в тупик, то ли в изнуряющий безжизненный круговорот, а ваша жизнь проходит впустую? Если это так, то перед вами "первый звонок". И сегодня философы все больше говорят о *бездуховности современной рациональности*, на смену которой должна прийти рациональность, служащая подлинно че-

ловеческим ценностям; высказывается в философской среде и идея перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации. Даосизм изначально отвергал любой технократизм и предлагал не покорять природу, а скорее просить у нее милостыни, подстраиваться под нее, не нарушая ее гармонии. Другое значение комментируемой фразы состоит в том, что настоящий учитель не стремится наполнить головы учеников знаниями фактов, а пытается сделать так, чтобы они поняли суть.

Что касается важности отсутствия страстей, то об этом говорилось ранее в комментарии к тексту №1. Данная мысль достаточно хорошо известна и по другим религиозным доктринам.

В целом же рассматриваемая фраза логично вытекает из пп. 1 и 2 ком. Она, к слову, отвергает все еще очень распространенное сегодня понимание общественного прогресса как уровня развития прежде всего производительных сил (т.е. материальных богатств) и информатизации общества (т.е. знаний). "Дао дэ цзин" выступает здесь за *интуитивную умеренность как в материальных богатствах, так и в знаниях*. (Не случайно в книге Экклезиаста сказано: "Во многих знаниях — много печали; кто умножает знания — умножает скорбь").

б. *"Осуществление надеяния всегда приносит спокойствие"*. В переводе А. Кувшинова понятие надеяния выражено более ясно: *"Когда ты действуешь свободно, без задних мыслей, только тогда ты не связан ничем"*.

4.

Дао — пусто, но в применении неисчерпаемо. О, глубочайшее! Оно кажется праотцом всех вещей. Если притупить его пронизательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим. Я не знаю, чье оно порождение, [я лишь знаю, что] оно предшествует небесному владыке.

Комментарий:

1. *"Дао — пусто, но в применении неисчерпаемо"*. Пустота — одно из ключевых понятий рассматриваемого трактата. В самом первом приближении оно имеет три аспекта: 1) *все в мире слито в Единое*, следовательно не существует множества отдельных материальных вещей: "все вещи — рождающиеся и погибающие — друг друга проникают и сходятся воедино" ("Чжуан-цзы") (см. тексты №1, 11); 2) *любые оценки явлений относительны*, в действительности не существует ни мудрости, ни посредственности, ни правды, ни заблуждений (см. текст 2); 3) *чтобы обрести гармонию, необходимо освободить свой ум от беспокойных блужданий мыслей*, связанных с множеством материальных вещей и их оценкой, сделать ум "пустым". Итак, если вы хотите следовать Дао, прежде всего вы должны очистить свой ум от всех прежних знаний. Заниматься самосовершенствованием, не сделав ум "пустым" — все равно, что "отгонять мух тухлятиной". Ибо для того, чтобы познать истину в том значении, в котором это слово характерно для "Дао дэ цзин", не нужно быть университетским профессором, *нужно лишь уметь чувствовать себя*. На Востоке существует множество духовных практик (йога, медитация), с помощью которых человек учится чувствовать свое тело и *концентрировать свой ум на единичных объектах или мыслях* (преодолевая захлапленность ума бесполезными мыслями, т. н. "ментальный шум"). В результате он понимает, что *нечто, живущее в нем, обладает реальной силой, способной преобразовывать окружающий мир, и это нечто и есть сущность (первоначало) всего мира, держащая его в единстве, а не только сущность отдельного человека*. Так природа снова становится тождественной человеку, как это было в первобытную эпоху антропоморфного мировоззрения, но только теперь на новом уровне. Теперь, глядя вокруг, человек может воодушевленно повторить мысли толстовского героя Пьера Безухова: "И все это мое, и все это во мне, и все это я!". И это — свидетельство того, что Дао *"в при-*

менении неисчерпаемо", то есть обладает огромной энергией (см. тексты №6, 10).

(В.В. Малявин отмечает, что для обозначения слова "пустота" в оригинале комментируемого предложения используется иероглиф ("чун"), отличный от традиционного. Имеется в виду некая "полезная пустота", которая предоставляет человеку пространство для деятельности. "Иероглиф чун, — пишет названный автор далее, — означает также "пронзать", "заполнять", и в этом качестве соотносится с таким важным определением Пути, как способность "сообщать", пронизывать различные планы бытия...". С. Митчелл сродни этому сравнивает "вечную пустоту" с "бесконечными возможностями (потенциями)".)

2. *"Если притупить его пронизательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим"*. Это значит: "Если перестать зазубривать учебники, умножая иллюзию образованности, на миг абстрагироваться от хаотичности окружающей жизни и стать свободным от блеска материальных ценностей, то мы узрим Дао". В переводе А. Кувшинова фраза приобретает интересный оттенок: *"Ты [Дао как праотец] сохраняешь его [то есть своего семейства] остроту, не даешь превратиться в хаос бесчисленным его нитям, наполняешь гармонией его сияние, уравниваешь между собой все бранные его существа"*. Таким образом, Дао помогает нам помнить о главном в жизни, не потеряться в монотонных буднях, знать цену вещам (наслаждаясь ими, не стать их рабами), а также помнить о том, что все люди во многом похожи, у всех есть внутренний мир, есть свои заветные мечты, и что все они, в общем-то, заслуживают понимания и сострадания. Помня об этом, мы избавляемся от эгоизма и эгоцентричности. В переводе Юй Кана комментируемая фраза выглядит так: *"Принижая свои достоинства, умиряю свое смятение, сочетаюсь со своим сиянием: уравниваю свои свойства"*. Здесь (равно как и в схожем переводе В.В. Малявина) особо подчеркивается мысль о том, что для обретения гармонии необходимо перестать стремиться к почестям, богатствам и зна-

ниям. В целом отметим, что в любом из рассмотренных переводов разными словами выражен один и тот же смысл.

В переводе Б. Виноградского: *"На Пути: острые концы нужно сглаживать, запутанные узлы нужно рубить, сияние света нужно смягчать"*, то есть — искать срединный путь.

3. *"Я не знаю, чье оно порождение, [я лишь знаю, что] оно предшествует небесному владыке"*. В Китае императора называют Сыном Неба. В комментируемом предложении, как отмечают некоторые комментаторы, указывается на то, что император не выше Дао, он также должен следовать ему, чтобы быть счастливым и считаться мудрым руководителем.

Можно придать сказанному и другой смысл: чем называть имя Бога всуе, лучше пойми Его суть.

5.

Небо и земля не обладают человеколюбием, и предоставляют всем живым существам возможность жить собственной жизнью. Совершенномудрый не обладает человеколюбием и предоставляет народу возможность жить собственной жизнью. Разве пространство между небом и землей не похоже на кузнечный мех? Чем больше [в нем] пустоты, тем дольше [он] действует, чем сильнее [в нем] движение, тем больше [из него] выходит [ветер]. Тот, кто много говорит, часто терпит неудачу, поэтому лучше соблюдать меру.

Комментарий:

1. *"Небо и земля не обладают человеколюбием...."* Человеколюбие — центральное понятие конфуцианства. Дао во многом противоположно конфуцианству, поскольку выступает за *"недеяние"* вместо действия и *созерцание* вместо познания, тогда как конфуцианство направлено на преобразование окружающего мира рациональным путем. Отсюда — отрицание даосизмом человеколюбия. Все социальные явления и поступки

людей должны быть подчинены естественной необходимости. Вмешательство в частную жизнь, попытки изменить реальность неоправданны априори, ибо являются выражением *несогласия с данностью*. Непринятие действительности, в свою очередь, есть источник *тревог*. Означает ли это, что мы не должны быть добродетельными? Отнюдь. Во-первых, *человек, принимающий данность, не стяжает, и потому способен на большое благодеяние*. Во-вторых, в комментируемом предложении *отвергается благодеяние лишь как смысл жизни*. Не следует думать, что мы непременно должны кому-то помочь, что-то исправить. Этот мир сложно прогнуть под наши мечты, и всякая добродетель не преминет оказаться ничтожно малой. Но гораздо лучше будет, если каждый попытается помочь, прежде всего, самому себе. А для этого необходимо следовать Дао. Дзэн-мастер Кодо Саваки как-то сказал не очень приличную, но очень верную фразу: "Мы не можем даже пернуть за своего ближнего. Каждый из нас должен жить свою собственную жизнь".

2. "...и предоставляют всем живым существам возможность жить собственной жизнью". В оригинале здесь используется понятие *"соломенного чучела собаки"*. Такое чучело применяется при похоронах для "отвлечения" злых духов, после чего выбрасывается либо сжигается. В переносном значении "соломенное чучело собаки" означает ненужную, бесполезную вещь. В итоге, рассматриваемое предложение можно перевести так (А. Кувшинов): *"Небо и земля лишены сострадания, вся тьма вещей для них подобна соломенному чучелу собаки, что используют при жертвоприношениях"*. Здесь еще раз подчеркивается, что *все едино*, и желание материально помочь другим людям — это нечто "наносное", то есть не самое важное в жизни. Слово "сострадание" в этом переводе, в свою очередь, не должно вводить в заблуждение относительно сказанного ранее. *Дао не приемлет сострадание лишь именно в смысле "страдания"*: если один человек страдает, то чем лучше, если страдать будет еще и кто-то другой?! Но сострадание в плане умения почувствовать других людей, побороть свою эгоцентричность, не причиняющее

в действительности излишних страданий сострадающему, безусловно должно приветствоваться.

3. *"Совершенномудрый не обладает человеколюбием и предоставляет народу возможность жить собственной жизнью"*. В переводе А. Кувшинова: *"И мудрый не имеет сострадания, он понимает, что все люди — и родные, и близкие — подобны "соломенной собаке"*. В переводе Юй Кана все сущее и люди — *"что собаки и травы"*. Человек, особенно с учетом того вреда, который он нанес природе, не может считаться высшей ступенью эволюции. *Мы не должны возвеличивать себя над остальным сущим, а значит помощь человеку объективно ничем не лучше помощи травинке.*

4. Приведенные выше строки в переводе С. Митчелла: *"Дао не занимает чью-либо сторону: оно порождает как хорошее, так и плохое. Совершенномудрый не занимает чью-либо сторону: он приветствует и святых, и грешников"*. Данный "нейтралитет" связан с практикой недеяния и тем воззрением, что добра и зла как таковых не существует, а счастья можно достичь только путем абсолютного принятия сущего. См., напр., ком. к тексту №2.

5. *"Чем больше [в нем] пустоты..."* — см. тексты №4, 11. *"Тот, кто много говорит, часто терпит неудачу, поэтому лучше соблюдать меру"* — см. текст №37. В этих предложениях развивается та же мысль, что присутствовала и в начале текста, а именно мысль о пользе недеяния. Как и в добродетели, в кузнечных мехах и разговорах важны пустота и бездействие (молчание, чистое созерцание и т. п.). *Прислушавшись к самим себе, к тишине вокруг нас, мы почувствуем давно забытое измерение жизни. И тогда нам станет ясно, какие действия и слова необходимы, а какие излишни.* (Таким образом, действия и слова все же присутствуют, хотя мы и говорим о недеянии; это и значит *"лучше соблюдать меру"*).

6. *"Тот, кто много говорит, часто терпит неудачу, поэтому лучше соблюдать меру..."*. Сравни с библейским: "При многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои — разумен" (Притч. 10:19). Или: "Молясь, не говорите лишнего" (Мф. 6:7).

6.

Превращения невидимого [Дао] бесконечны. [Дао] — глубочайшие врата рождения. Глубочайшие врата рождения — корень неба и земли. [Оно] существует [вечно] подобно нескончаемой нити, и его действие неисчерпаемо.

Комментарий:

1. *"Превращения невидимого [Дао] бесконечны"*. Под *"невидимым"* понимается бессмертная пустота, лежащая в основе вещей, и являющаяся *"глубочайшим началом всего"* (см. тексты №4,11). В оригинале используется слово "долина", которое единодушно трактуется китайскими комментаторами именно как аллегория "пустоты", все в себя вбирающей, и при том ничем не владеющей, все питающей, не имеющей пределов, и никогда не умирающей. Бесконечность превращений пустоты, в свою очередь, напоминает нам: что бы мы ни делали, результаты будут бренными и преходящими. И потому *не нужно погружаться в мирские заботы — проекции Дао, лучше увидеть само Дао*. Прожив жизнь в таком мировоззрении, мы в итоге сможем сказать, что жили действительно не зря, что жизнь, богатая и многообразная, стоит того, чтобы ее прожить. Здесь уместно привести фрагмент перевода текста №73, выполненный А. Кувшиновым: *"Лишая себя удовольствия жить легко и без забот, они [люди — прим.] лишают себя возможности наслаждаться жизнью. Воистину, лишь тот не имеет преград, кто не строит их сам"*. Таким образом, осознавая пустоту и единство сущего, не погружаясь в заботы, мы получим возможность наслаждаться жизнью. Если же мы будем обращать внимание на "превращения Дао", то лишь воздвигнем себе же самим преграды. О суетности преходящего говорится и в Библии: "Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь" (Еккл. 1:7).

Было бы величайшей профанацией интерпретировать призыв наслаждаться жизнью как идею эгоизма. Конечно, Дао против эгоизма. Но Дао говорит в то же время (в переводе Б. Виногородского): *"Когда прикасаешься движением к этой тайне, пусть усилие будет подобным тончайшей ниточке. Пользуясь этим усилием, не допускай ни малейшего натяжения"*. Это означает: если твой дух напряжен, подумай, возможно ты делаешь что-то не так, ты нарушаешь гармонию; эгоизм преодолевается не напряжением, а простым погружением в "момент Сейчас".

2. *"...и его действие неисчерпаемо"*. Дао не истощается, потому что действует посредством недеяния, не прилагая усилий (см. текст №2). Единый с Дао не станет под конец своего века уставшим от жизни и нудным стариком, ибо он был свободен от стресса, житейских неурядиц, ударов судьбы, и все это не подорвало его жизненные силы. В конце жизни он будет походить скорее на добросердечную бабушку, ибо всегда знал, что судьба его зависит не от того, что происходило с ним в прошлом, а от того, как он реагировал на это в единственно данный ему настоящий момент. *Ложная мыслительная конструкция под названием "моя жизнь" не может быть ни для кого удовлетворительной*: великих и знаменитых людей вряд ли можно считать более счастливыми, чем простых и неизвестных. По-настоящему счастлив тот, кто не цепляется за эту мыслительную конструкцию, не пытается оценивать свою жизнь как состоявшуюся или несостоявшуюся, хорошую или плохую, а живет единственно настоящим моментом, в котором, если призадуматься, никогда не бывает горя. Это и есть канал связи с неисчерпаемым Дао.

3. В переводе Юй Кана *"глубочайшие врата рождения"* заменены словом *"женское"*. Действительно, в оригинале используется слово *"родительница, самка"* ("пинь"). Многие говорят, что Дао очень близко женскому началу, которое, в отличие от мужского, нацелено не на преобразование, а на *принятие*, не на борьбу, а на *терпение и заботу*. Дао соответствует недея-

ние — так же и женщинам (больше, чем мужчинам) свойственна *мягкость и ненапористость*. Утверждается, далее, что мужской ум погружен в заботы и обязательства, стремится обладать и властвовать, тогда как женщины лучше *чувствуют собственное тело*, а значит и свое действительное бытие. Однако в этом аспекте не следует преувеличивать. Существует точка зрения, что поскольку женщины чувствительны к материальному, они и обращены в основном к нему, поэтому собственничество свойственно скорее им, а не мужчинам. Таким образом, как в мужчине, так и в женщине имеются определенные потенции, которые, будучи реализованными, ведут к просветлению, но, будучи гиперболизированы, становятся причиной собственничества и бесконечного недовольства.

В. В. Малявин полагает, что автор "Дао дэ цзин" говорит о женском начале в самом широком смысле, то есть как о *"силе рождения и жизненного роста"*. Женственность, таким образом, является здесь своего рода символом единения человека с основой жизни, обретения им смысла жизни. В индуизме также распространено учение о том, что все мы имеем женскую природу, однако там женственность олицетворяет подчинение личностному Богу. В комментируемом же трактате ничего не говорится о личностном Боге: женственность здесь — это, прежде всего, символ осознания человеком "Бога" (*творческой потенции*) в себе самом и во всем живом.

7.

Небо и земля — долговечны. Небо и земля долговечны потому, что они существуют не для себя. Вот почему они могут быть долговечными. Поэтому совершенномудрый человек ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется. Не происходит ли это оттого, что он пренебрегает личными [интересами]? Напротив, [он действует] согласно своим личным [интересам].

Комментарий:

1. Вероятно, каждый из нас замечал описанный здесь парадокс жизни. *Когда мы из всех сил стремимся к чему-то, то никак не можем достигнуть цели, но стоит нам отбросить эту цель, как она осуществляется сама собой.* Так, многие соглаются, что бесконечно стремясь к счастью, мы тем самым отрезаем себе дорогу к нему. Это происходит потому, что счастье само по себе заключается в отсутствии подобных стремлений. Представим также и другую ситуацию. Некий человек сильно боится одиночества, вследствие чего постоянно ищет опору во всяческих компаниях, ищет слияния с различными сообществами. Так постепенно он жертвует своей индивидуальностью, а с ней теряет и свою ценность. Со временем коллектив перестает видеть в этом человеке что-либо достойное внимания, а члены коллектива обнаруживают фальшь в каждом слове и каждом поступке этого человека, который готов сделать все что угодно, лишь бы понравился окружающим. Люди отворачиваются от него, да и сам он ощущает внутреннее опустошение из-за слияния с массой. В конце концов, это оборачивается острым чувством одиночества. В действительности, *избавиться от чувства одиночества можно было лишь приняв его.* Оставшись один, такой человек получил бы возможность заглянуть вглубь себя, выявить свои подсознательные страхи, причины этих страхов, и тогда чувство одиночества исчезло бы само собой. Точно так же, если человек хочет повстречать настоящую любовь, он может быть чересчур требовательным к предполагаемому партнеру, и это лишь оттолкнет последнего. Истина, которую следует понять этому человеку, такова: ему следует не искать "подходящую кандидатуру", а самому научиться любить, что подразумевает, помимо прочего, умение принимать людей такими, какие они есть. *Если ты умеешь любить, то и тебя полюбят.* В итоге цель достигается не тогда, когда ты судорожно ищешь принца на белом коне, а когда спокойно принимаешь его отсутствие. Рассмотрим еще пару примеров. В экономике есть понятие "пара-

докса бережливости", который можно истолковать следующим образом: если ты пытаешься увеличить свое богатство за счет сбережений, это ведет к уменьшению потребления в настоящем, то есть того же самого богатства, кроме того, сбережения постепенно обесцениваются. Далее, в свое время великий мудрец Сократ восклицал: "Что за странная это вещь, друзья, — то, что люди зовут "приятным"! И как удивительно, на мой взгляд, относится оно к тому, что принято считать его противоположностью, — к мучительному! Вместе разом они в человеке не уживаются, но, если кто гонится за одним и его настигает, он чуть ли не против воли получает и второе: они словно срослись в одной вершине". Таким образом, тот, *кто хочет много иметь, не должен бояться много отдавать, иначе он достигнет противоположности своей цели.* Попробуем теперь экстраполировать сказанное на комментируемый текст. Поскольку ранее говорилось о важности психологического слияния с единым, а также недеяния (непланирования), то резонно возникают следующие вопросы. Не получится ли так, что следуя этим принципам и не заботясь поэтому о завтрашнем дне, я попросту умру с голоду? В сравнении со Вселенной моя жизнь — лишь *"соломенное чучело собаки"*, Дао нисколько не потеряет от моей смерти; следовательно, я должен перестать дорожить своей жизнью? "Дао дэ цзин" дает ответ на эти провокационные вопросы. Этот трактат предлагает нам провести со своей жизнью глобальный эксперимент, обещая, что *перестав цепляться за жизнь, мы как раз таки и обретем жизнь, в то время как из-за постоянных "цепляний" настоящая жизнь лишь утекает от нас, словно песок сквозь пальцы* (поэтому и утверждается (см. ком. к тексту №1, 11), что индивидуальное "я" — это лишь иллюзия, и только отбросив эту иллюзию, мы и явимся на свет). Отчасти это объясняется тем, что в пограничных ситуациях, например в ситуации большого горя, близкой смерти, мы начинаем смотреть на мир совсем по-другому, отбрасываем все неважное и *концентрируемся на жизни как таковой.* Надо сказать, в христианстве четко прослеживается та же мысль. Христианство говорит нам о том, что

мы должны всецело вручить себя в руки Господа, довериться ему, стать его рабами. Означает ли это, что мы теряем свою жизнь, свою свободу? Напротив, только так мы можем их спасти. Вот почему в Библии говорится: "если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода"³. Эту мысль усвоила и традиция дзэн, с той лишь разницей, что в этой традиции не принято аргумен-

³ Более подробно парадоксальный эффект "недеяния" применительно к христианству раскрывается К. Льюисом в книге "Просто христианство", которая завершается следующими словами (очевидно, навеянными Евангелием от Матфея, 6:25-34): "По-настоящему отдайте себя, без сожалений откажитесь от своего "я", и взамен Христос действительно даст вам настоящее "я", истинную личность: однако вы не должны приходить к Нему только ради этого. Если ваше личное "я" — это все, что вас волнует, значит, ваш путь к Нему еще не начинался. Самый первый шаг на этом пути — постараться забыть о себе. Ваше подлинное новое "я" (личное "я" Христа, но и ваше, и ваше только потому, что оно — Его) не придет к вам до тех пор, пока вы стараетесь найти его. Оно придет, когда вы станете искать Христа. Это звучит странно, правда? Но тот же самый принцип действует и в других областях. Даже в общественной жизни вы не сумеете произвести хорошего впечатления, пока не перестанете думать о том, какое впечатление производите. То же самое относится к литературе и искусству: ни один человек, больше всего заботящийся об оригинальности, никогда оригинальным не станет; и наоборот, если вы просто стараетесь выразить истину (нимало не заботясь о том, как часто до вас говорили о ней другие), — девять против одного, что вы действительно окажетесь оригинальным, даже не замечая этого. Принцип этот пронизывает всю жизнь, сверху донизу. Отдайте себя — и вы обретете себя. Пожертвуйте жизнью — и вы спасете ее. Предавайте смерти свое тщеславие, свои самые сокровенные желания каждый день и свое тело — в конце, отдайте каждую частицу своего существа — и вы найдете жизнь вечную. Не удерживайте ничего. То, что не умерло в вас, не воскреснет из мертвых. Будете искать "себя" — и ваши уделом станут лишь ненависть, одиночество, отчаяние, гнев и гибель. Но если вы будете искать Христа, то найдете Его, и "все остальное приложится вам". Остается только добавить, что "Дао Дэ цзин" очень близко изложенной мысли, но вместо слова "Христос" здесь звучит слово "Дао".

тировать тезисы логическим путем. Поэтому, когда дзэн-мастеру Кодо Саваки задали вопрос типа "как можно не умереть с голоду, если жить только настоящим мгновением?", он хлестко ответил: "Тебе не хватает на жизнь? Тогда просто умри!" (добавив к этому: "Ты живешь, чтобы работать, или работаешь, чтобы жить?").

Автор даосского трактата "Баопу-цзы" Гэ Хун оспаривает ту точку зрения, что Лао-цзы и Чжуан-цзы ставили знак равенства между жизнью и смертью. В конечном счете, пишет он, каждое существо стремится жить, и это естественно, поэтому не нужно, например, пренебрегать лечением болезней, или голодать до изнеможения.

2. Тот, кто возмущен тем, что Дао не приемлет человеколюбия (текст №5), теперь может ясно убедиться в том, что тем самым добродетель сама по себе вовсе не отвергается. *Не стремитесь к человеколюбию — и тогда вы обретете его.*

3. *"Поэтому совершенномудрый человек ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется".* Совершенномудрый не жалеет о том, что зарабатывает меньше других, что известен меньше, чем его друзья и т. п. Он отказывается от стремления к богатству и славе ("*ставит себя позади других*"), и тем самым оказывается впереди, потому что сосредотачивает свое внимание на действительно важном. Неудачники говорят: "ах, я женился не на той!", "я выбрал не ту карьеру", "никто не заметил мои таланты!"; они причитают: "если бы только родители сказали мне в молодости...", "если б система не была такой...". Совершенномудрый не мыслит таким образом, он не связывает себя со своим прошлым, он *интересуется только настоящим моментом и теми ситуациями, которые в нем имеются* (важно не прошлое, а то, как оно мешает получать удовлетворение сегодняшним днем). Более того, с точки зрения совершенномудрого успешные люди не лучше неудачников, потому что загоняют себя в рамки мыслительных конструкций типа: "я самый известный", "кажется, я богаче, чем мои знакомые". Когда успешные

люди теряют то, что имели, это становится для них настоящим крахом, потому что, в сущности, вместе с вещами они теряют и свою личность: больше они никто. Конечно, они могут утешать себя тем, что они хотя бы раньше были известны и богаты, но это опять же только мыслительная конструкция, это лишь очередная внутренняя *зависимость*. Тогда как совершенномудрый больше всего ценит внутреннюю свободу, ибо без нее невозможна радость бытия. Из этого сравнения совершенномудрого с успешными и неуспешными людьми должно стать ясным, что означает фраза *"он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется"*: речь идет о бытии человека, свободном от размышлений о состоятельности или несостоятельности своей судьбы.

Обратим внимание на комментируемые строки в переводе Юй Кана: *"Вот отчего постигший: плоть свою отстраняет, плоть — пропуская; плотью своей небрегает, плоть — оберегая"*. Как мне стать хозяином своего тела? Пренебречь телом. Как мне постичь свою душу? Обратившись к телу. Это кажется парадоксальным, но это так. В первом случае речь идет о разумном ограничении своих телесных вожделений: контролировать их значит властвовать над собой. Во втором случае говорится о необходимости концентрироваться на своем теле, своих ощущениях, чтобы полностью прочувствовать настоящий момент, ощутить себя существующим здесь-и-сейчас, и тем самым очистить свою душу.

Рассмотренная парадоксальность имеется и в учении Иисуса Христа: "Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее" (Лк. 17:33).

8.

Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и не борется [с ними]. Она находится там, где люди не желали бы быть. Поэтому она похожа на Дао. [Человек, обладающий высшей добродетелью, так же как и вода],

должен селиться ближе к земле; его сердце должно следовать внутренним побуждениям; в отношениях с людьми он должен быть дружелюбным; в словах должен быть искренним; в управлении [страной] должен быть последовательным, в делах должен исходить из возможностей; в действиях должен учитывать время. Поскольку [он], так же как и вода, не борется с вещами, [он] не совершает ошибок.

Комментарий:

1. *"Вода приносит пользу всем существам и не борется [с ними]"*. Эта фраза — напоминание о необходимости *тотального принятия*, ибо вода не имеет собственной формы и бесконечно уступчива. В состоянии тотального принятия мы следуем недеянию, ибо в нем состоит совершенство. "Вода по своей природе такова, что если ее не мутить, она сама по себе станет чистой; если ее не взбалтывать, она сама по себе станет ровной" ("Чжуан-цзы"). Но, как видно из дальнейшего повествования, принятие данности *не означает "недеяние" в буквальном смысле* (то есть отрицание любой цели и любого действия). Во-первых, иначе не говорилось бы впоследствии об управлении страной и других "делах". Во-вторых, на правильное понимание "недеяния" указывает фраза *"его сердце должно следовать внутренним побуждениям"*. Эти внутренние побуждения означают спонтанность и беспристрастность в действиях (см. текст №2). Совершенномудрый *"в делах должен исходить из возможностей"*. Иными словами, обычно нашими желаниями движет подсознательный страх, алчность, жажда контроля, необходимость укреплять иллюзию собственного "Я", но совершенномудрый принимает то, что есть, и потому мотивы его действий иные. Он просто делает то, что кажется ему приемлемым в той или иной ситуации, а именно то, что подсказывает ему его *чистый, незамутненный предрассудками разум*. Если у него нет возможности что-либо изменить, он это принимает, если же у него есть возможность сделать хотя бы что-то, он будет делать это, не думая

о том, насколько малы его шансы на успех. Таким образом, совершенномудрый исходит из возможностей, а не из страхов или надежд. Это и есть подлинная свобода. Еще у древнегреческого философа Демокрита читаем: "Свободным я считаю того, кто ни на что не надеется и ничего не боится".

Цзян Шэн напоминает: "Хотя Лао-цзы учил людей не соперничать, это не значит, что он хотел, чтобы люди были безвольными и вялыми и ничего не умели. Он лишь учил людей не драться за выгоду и избегать великого бедствия войны. Он учил творить благо и ценить землю, ценить глубину, ценить доброту, ценить порядок, ценить умение и ценить обстоятельства времени. Это означает бороться внутри, а не вовне, бороться за то, чтобы не бороться, получать все, не домогаясь ничего" (по В. В. Малявину). Не это ли имел в виду и Христос, призывавший в духе недеяния подставлять вторую щеку, когда ударили по первой?

2. *"...должен селиться ближе к земле"*. Этим нас остерегают от жадности карьерного роста, бесконечного стремления к чему-либо, а также от крайней духовности.

Что касается карьеризма, полезно отметить перевод Юй Кана, согласно которому совершенномудрый, как и вода *"обитает в местах, полагаемых многими низменными"*. Вообще, совершенномудрый не считает свою должность частью себя, и не видит в ней смысл жизни, поэтому его самодостаточность не зависит от его карьеры. Так, высокопоставленный китайский чиновник Сунь Шуао как-то сказал: "Если чтут мою должность, то я, очевидно, тут ни при чем. А если чтут меня, то это не относится к моей должности". В Библии, в свою очередь, читаем: "Кто унижает себя, тот возвысится" (Мф. 23:12).

Что касается крайней духовности, то имеется в виду, что мы не должны бежать от этого мира, в том числе от своих страстей и вожделений, ведь только признав их наличие, мы перестанем себя обманывать, и станем свободными от них. Это, собственно, и есть *подлинная духовность*, в противоположность самоистязанию путем намеренных лишений. В отношении той

же карьеры подлинная духовность не означает, что мы должны намеренно отказываться от высоких должностей и приучать себя к низшим. Духовность предполагает лишь правильное отношение к карьерным перспективам, правильную расстановку ценностей.

3. *"...его сердце должно следовать внутренним побуждениям"*. У С. Митчелла: *"В мышлении быть проще"* (то есть: не "накручивать", не "заикливаться", не создавать проблем на пустом месте).

4. *"...в словах должен быть искренним"*. Ложь порождается размышлениями о последствиях и стремлением их избежать. Если же мы не повелись на иллюзию времени, и не переживаем о последствиях, то ничто не мешает нам говорить правду (и в целом, быть добродетельными). Мы больше не размышляем о том, что с нами сделают за неосторожно сказанную правду. Более того, в такой ситуации мы не сможем сказать ничего, кроме правды, поскольку, как говорится в "Дао дэ цзин" далее, *"если созерцание станет чистым, то невозможны заблуждения"*.

5. *"...в управлении [страной] должен быть последовательным"*. В других переводах эта фраза трактуется так, что управление должно соответствовать *спокойствию*, или чему-то *"главному"*. У С. Митчелла: *"в управлении не должен пытаться контролировать"*.

6. *"...в делах должен исходить из возможностей"*. По С. Митчеллу: *заниматься нужно тем, что приносит удовольствие, работать там, где нравится, где ты получаешь удовлетворение от своих действий*.

7. *"...в действиях должен учитывать время"*. При определенном толковании эта фраза может противоречить концепции "бытия в настоящем моменте" (см. текст №2), однако здесь возможны и другие толкования. Например, "учитывание времени" может проявляться в *осознании бренности материального мира*. В таком случае фраза несет в себе важный смысл.

У Юй Кана этот отрывок переведен следующим образом: *"Преображения — своевременны"*. Это можно понять так, что *преоб-*

разовывать материальный мир и наслаждаться вещами нужно тогда, когда имеется соответствующая возможность; когда же таковой нет, необходимо тотально принимать данность. Таким образом, мы не уходим от чувственных наслаждений, но и попадаем в зависимость от них, не прекращаем деятельность, но и не забываем наслаждаться ее плодами. Эта позиция вполне естественна: нет ничего плохого в том, чтобы иногда баловать себя сладостями, однако если вы съедите слишком много сладкого, то вашему организму станет плохо, и в таком случае лучше воздержаться. *Современный человек болен, потому что во всем хочет дойти до крайности:* он пьет слишком много алкоголя, и страдает от похмелья, он покупает слишком много ненужных вещей под различными предлогами (например, необходимость поздравить знакомых с общепринятым праздником) и вечно испытывает нужду в деньгах. Никто не запрещает вам наслаждаться жизнью, но действительно ли вы наслаждаетесь, ведя себя таким образом? Не является ли такое поведение лишь панической попыткой урвать от жизни хотя бы что-нибудь, когда она на глазах проходит мимо? *Современный труд стал почти сплошь интеллектуальным, но это скорее беда, чем достижение, потому что уставая интеллектуально, мы уже не хотим думать над тем, что есть наша жизнь, и каков ее смысл.* Абсолютная праздность, развлечение и желание забыться становятся в этих условиях чуть ли не первой физиологической потребностью. Отсюда это крайняя тяга к материальному разврату (особенно в выходные дни). Мы не хотим думать, поэтому современно общество — это общество конформистов. Но, не представляя собой ничего духовно, мы все-таки пытаемся создать впечатление собственной значимости, пытаемся оправдать свою жизнь (будто она вовсе не проходит мимо), поэтому современное общество — это общество выскочек и показушников (в экономической науке применительно к поведению человека не случайно активно развиваются такие понятия, как эффект сноба и эффект Веблена⁴).

⁴ Эффект Веблена заключается в том, что некоторые люди покупают дорогие товары только для того, чтобы подчеркнуть свой статус,

8. *"Поскольку [он], так же как и вода, не борется с вещами, [он] не совершает ошибок"*. Если человек не попадает в зависимость от вещей, то он не делает и ошибок. Поэтому если кому-то живется плохо, он не может обвинить в этом совершенномудрого, практикующего недеяние. Ему следует винить лишь себя, потому что каждый сам должен позаботиться о собственном счастье, а для этого — осознать свой внутренний мир и перестать сопротивляться данности, перестать сравнивать и конкурировать. Только тогда наступит всеобщая гармония.

Итак, автор "Дао дэ цзин" сравнивает Дао с водой, которая, как гласит нам наука, является главным условием существования и развития жизни на Земле. Круговорот воды в природе показывает, что она находится и высоко в облаках, и глубоко под землей. Но у нее нет предпочтений относительно направлений, она просто течет. Вода не ставит целью питать мир, но делает это. Быть как вода — это высшее достижение для даосов: быть единым с миром, питать мир и приносить жизнь не по рациональному выбору, а просто потому, что это естественно.

9.

Лучше ничего не делать, чем стремиться к тому, чтобы что-либо наполнить. Если [чем-либо] острым [все время] пользоваться, оно не сможет долго сохранить свою [остроту]. Если зал наполнен золотом и яшмой, то никто не в силах их уберечь. Если богатые и знатные проявляют кичливость, они сами навлекают на себя беду. Когда дело завершено, человек [должен] устранился. В этом закон небесного Дао.

даже если фактическая полезность этих товаров равна нулю, поэтому чем выше цена товара, тем больше может быть на него спрос. Эффект сноба, в свою очередь, состоит в том, что некоторые люди покупают уникальные товары, которых нет у других, только для того, чтобы выделиться из толпы, опять же — даже если фактическая полезность этих товаров равна нулю.

Комментарий:

1. *"Лучше ничего не делать, чем стремиться к тому, чтобы что-либо наполнить"*. Иными словами, лучше вовремя остановиться, чем до крайности наполнять (наполнив сосуд до краев, мы скованы, боясь пролить содержимое). В самом деле, мы совершенно не замечаем, как пытаемся наполнить свою жизнь чем попало. Мы ходим в кино и на концерты, посещаем различные кружки, и часто — лишь для того, чтобы убить свое время. *Огромная оупляющая индустрия развлечений, столь процветающая сегодня во всем мире, направлена на то, чтобы человек постоянно испытывал какие-то ощущения. В действительности, это ни что иное, как попытка бегство из настоящего момента.* Но в какое-то мгновение наступает пресыщение, и мы не находим выхода из этой ситуации. Видя в качестве иной альтернативы лишь безмерную скуку, мы, ведомые страхом одиночества, пытаемся насытиться еще больше, и лишь замыкаем таким образом порочный круг. Но если бы мы попытались покончить с бесконечным *"наполнением себя"* (своего внутреннего мира), вместо этого *"заглянув внутрь себя"*, то увидели бы там не страшную скуку, но Дао. *Пустота — это признак чистоты, а не бедности.*

У Б. Виноградского: *"Не нужно совершать действия по удержанию и заполнению чего-то"*.

2. *"Если [чем-либо] острым [все время] пользоваться, оно не сможет долго сохранить свою [остроту]"*. Во всем необходима мера, и нам не стоит ни наполнять сосуд через край, ни оттачивать что-либо слишком остро. И если мы кидаемся мудрыми фразами направо и налево, то вскоре они потеряют свою силу.

Данная фраза также может пониматься в стиле *"ничто не долговечно в этом мире"* (как, собственно, и весь рассматриваемый текст, в частности предыдущая фраза про бесполезность *"наполнения"* и последующая про недолговечность *"золота и яшмы"*). Китайские комментаторы пишут: Солнце, достигнув зенита, клонится к закату, Луна меняет свои формы, четыре времени когда

сменяют друг друга, что же говорить о человеке? Достижения его изменяются, но *мудрый, достигнув успеха, не держится за него, поэтому он не "переполняется" и не "заостряется" сверх меры*. Таким образом, рассматриваемая фраза предупреждает нас о бесполезности многих наших стремлений.

Однако данные строки можно трактовать и таким образом, что *постоянно убегая от скуки, мы пытаемся обмануть самих себя, но "утаить шило в мешке" невозможно, и потому все наши попытки оказываются тщетными*. В этом случае комментируемая фраза, как и предыдущая, имеет несколько общий оттенок, обыгрывая психологические причины бесполезных стремлений. Юй Кан переводит ее следующим образом: *"Спрятанное, но острое, — не утаить долго"*. Альтернативной такому бегству от очевидного может стать попытка *"заглянуть скуке в лицо"*, то есть признать ее наличие, выяснить ее причину, коей выступает отчужденность от мира, и подумать над способами преодоления этой отчужденности.

3. *"Если зал наполнен золотом и яшмой, то никто не в силах их уберечь"*. Чем больше мы имеем, тем больше мы можем потерять, и потому богатство рождает страх. Нельзя быть счастливым, постоянно испытывая страх потери. Отсюда, *богатство измеряется не в том, чем ты обладаешь, а в том, что ты готов отдать*.

В английской версии С. Митчелла: *"Постоянно стремись к деньгам и безопасности, и тогда твое сердце никогда не раскроется"*.

Этот же переводчик так осмысливает следующую фразу (*"если богатые и знатные проявляют кичливость, они сами навлекают на себя беду"*): *"Беспокоясь о том, одобряют ли твои действия другие люди, ты рискуешь навсегда остаться рабом этих людей"*.

4. *"Когда дело завершено, человек [должен] устраниваться"*. Здесь снова говорится о *недопустимости собственности, отождествления себя с принадлежащими тебе вещами, взглядами и качествами* (см. текст №2, ком. 6). Та же самая мысль присут-

ствует в трактате и далее, например, говорится, что мы должны *"создавая, не обладать [тем, что создано]"* (см. текст №10).

По Б. Виногородскому: *"Когда приходит успех, личность должна отступить и убраться себя"*. Автор комментирует свой перевод так: "Может быть, мы достигаем успеха благодаря нашим усилиям, но есть еще значительная доля промысла, то есть невозможно достичь успеха без божественного участия. Потому мудро ведет себя тот, кто способен всегда удалиться за сцену, когда начинается признание и успех".

Возможно и толкование, отличное от вышеприведенного, а именно: *когда человек достигает больших успехов, он теряет себя как личность, и забывает про свою истинную суть*. Поэтому он не только "должен устраниваться, когда дело окончено", но также хорошенько подумать, браться ли вообще за это дело, и доводить ли его до конца. Рассудок часто подсказывает, что в наших действиях имеется некий смысл. Однако иногда стоит вспомнить и о других, помимо рассудка, способах познания. Вы можете, например, интуитивно чувствовать, будто что-то идет не так, как надо, и вы занимаетесь не тем, чем хотели бы. В таком случае каковы бы ни были перспективы достигнуть успеха, становится ясно, что это не тот успех, который нужен именно вам.

5. В.В. Малявин в своих комментариях к данному тексту ссылкой на Хешан-гуна пытается предостеречь "любителей совершенствовать все и вся от чрезмерной увлеченности этим занятием, ведь оно, во-первых, привязывает человека к тому, что тот сумел совершить, делает его рабом собственных успехов и, во-вторых, так или иначе грозит большими неприятностями в мире, пронизанном соперничеством, завистью и злобой. Вообще говоря, стремление к совершенству от природы присуще людям, и отказываться от него равносильно нравственному самоубийству, но только тот извлечет из него пользу, кто поймет, что настоящий результат совершенствования — внутреннее удовлетворение, открытие незыблемой опоры своей жизни в самом себе, а не в пустых понятиях света".

10.

Если душа и тело будут в единстве, можно ли сохранить его? Если сделать дух мягким, можно ли стать [бесстрастным] подобно новорожденному? Если созерцание станет чистым, возможны ли тогда заблуждения? Можно ли любить народ и управлять страной, не прибегая к мудрости? Возможны ли превращения в природе, если следовать мягкости? Возможно ли осуществление надеяния, если познать все взаимоотношения в природе? Создавать и воспитывать [сущее], создавая, не обладать [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагать к этому усилий; руководя, не считать себя властелином — вот что называется глубочайшим дэ.

Комментарий:

1. *"Если душа и тело будут в единстве, можно ли сохранить его?"*. Здесь спрашивается: возможна ли подлинная гармония? И на этот вопрос можно ответить утвердительно: да, возможна, то есть единство души и тела можно сохранить. В этом в единстве души и тела и заключается подлинное (а значит и неизменное) бытие. В переводе А. Кувшинова также подчеркивается, что *"если всем сердцем стремиться к одному"*, то можно *"освободиться от утрат"*.

2. *"Если сделать дух мягким, можно ли стать [бесстрастным] подобно новорожденному?"*. Пикассо говорил, что хочет рисовать как ребенок. Взрослым очень трудно добиться непосредственного, как у ребенка, незамутненного (страхами, желаниями, моральными ценностями) взгляда на мир, детской непосредственности и искренности. Но если мы освободимся от стремлений (*"размягчим дух"*), то сможем максимально приблизиться к этому (см. также тексты №1, 20, 28, 55). В связи с этим интересно отметить, что авторство "Дао дэ цзин" приписывают некому мудрецу Лао-Цзы, чье имя можно перевести как одновре-

менно "старый младенец" и "старый учитель". Вообще, смысл поставленного вопроса таков: осуществляя тотальное принятие, возможно ли стать искренним и радующимся бытию, словно ребенок? И снова на этот вопрос следует ответить утвердительно.

Словом "дух" в комментируемой фразе переведен китайский термин *ци*, который обычно трактуют как "жизненная сила", "жизненная энергия" (см. текст №42).

3. *"Можно ли любить народ и управлять страной, не прибегая к мудрости?"*. Вероятно, что тут имеется в виду не настоящая мудрость, а бесконечное стремление узнавать что-либо новое, искусственно членить явления на части, далее составлять всевозможные классификации этих частей и при этом считать данное занятие подлинным познанием. Тогда управление страной и любовь к народу должны обойтись без этого. Таким образом, мы снова отвечаем на поставленный вопрос утвердительно. В этом вопросе, по сути, сосредоточена критика конфуцианского идеала "ученого мужа" и современной западной науки (см. текст №3). Но если под мудростью мы подразумеваем настоящую мудрость, то конечно должны согласиться с тем, что без глубокого познания бытия невозможны ни хорошее управление, ни любовь (последняя предполагает, что мы знаем объект любви, и то, как мы можем облагодетельствовать его). Тогда на поставленный вопрос нужно ответить отрицательно.

4. *"Возможны ли превращения в природе, если следовать мягкости?"*. В оригинале используется иероглиф, который означает "женщина, самка". Женщинам действительно свойственна мягкость в том плане, что им лучше, чем мужчинам, удается *принимать сложившиеся обстоятельства*. Недеяние заложено в них природой. Возможны ли тогда изменения? И снова ответ — да. Ибо когда мы принимаем вещи "как они есть", то они начинают меняться сами собой (см. ком. 7, и текст №7).

5. *"Возможно ли осуществление недеяния, если познать все взаимоотношения в природе?"*. У С. Митчелла: *"Можете ли вы оставить свой ум и таким образом познать всё сущее?"*. В переводе А. Кувшинова: *"Узреть все возможные тайны мира, можно*

ли этого достичь, освободившись от дел?". Очередной раз ответим — да. *Тайны мира постигаются не с помощью научных наблюдений и экспериментов, а отстранением от всего этого.* Современная наука характеризуется стремлением к доскональному изучению мельчайших подробностей окружающего мира. Но совершенно очевидно, что эти детальные знания не имеют никакой ценности без последующего объединения их в единую целостную картину мира, и без рассмотрения их через призму общечеловеческих ценностей. Между тем, современная наука никак не может выработать такую картину мира, а современная философия, превратившись из основы жизнедеятельности в одну из умирающих частных наук, не справляется, и даже намеренно отказывается от задачи по выработке общечеловеческих ценностей, наряду с другими науками утопая в разнообразных мелочах и стремясь не столько решать имеющиеся реальные проблемы, сколько выдумывать новые фиктивные (но зато оригинальные). Одновременно само это нежелание объединять все знания в единое мировоззрение проистекает из чрезмерной зависимости и из забвения истины.

б. *"...создавая, не обладать [тем, что создано]"*. Аналогичная фраза встречалась в тексте №2, в ком. 6 к которому были отчасти раскрыты понятия собственности (ориентации на обладание) и самодостаточности (ориентации на бытие). Теперь следует сказать о них подробнее⁵. Итак, "быть" в отличие от "иметь" как раз означает "находить все необходимое в себе самом, не цепляясь за вещи"; "быть" — значит быть самодостаточным. *Человек, ориентирующийся на бытие, обладает большой творческой энергией, хочет расти и развиваться, изливаться вовне, он испытывает глубокий интерес к миру, высоко ценит свободу, в том числе от самого себя, пытается использовать свои возможности на благо мира и людей, проявляет любовь, заботу и самопожертвование.* Во многом он похож на ребенка, который еще не прижат жизненными об-

⁵ Подробно два этих фундаментальных принципа жизни описаны в работе Э. Фромма "Иметь или быть?".

стоятельствами, не способен заглянуть далеко в свое будущее, и вследствие этого бескорыстен и добродушен. Разница между таким человеком и ребенком лишь в том, что первый действует осознанно, и в действительности превосходит в своем развитии не только ребенка, но и взрослого (в частности, он уже способен заглянуть достаточно далеко в будущее, но не видит в этом нужды, равно как не видит оснований для лицедейства и эгоизма). "Модус бытия имеет в качестве своих предпосылок независимость, свободу и наличие критического разума. Его основная характерная черта — это активность не в смысле внешней активности, занятости, а в смысле внутренней активности, продуктивного использования своих человеческих потенциалов" (Э. Фромм). В противоположность сказанному модус обладания — это восприятие своего счастья в русле количества имеющейся собственности. Человеку, находящемуся в модусе обладания, будет стыдно признаться, что у него нет личного автомобиля, или что он не посетил тот или иной популярный курорт. Такой человек воспринимает и себя самого (свои навыки, качества, успехи и неудачи), и других людей в качестве вещей. Тем самым он отчуждает себя от настоящей жизни, от душевного общения и высокой любви, от чувства гармонии и счастья. В буддизме этот способ поведения описан как "ненасытность", а иудаизм и христианство называют его "алчностью"; он превращает всех и вся в нечто безжизненное, подчиняющееся чужой власти.

Различия модуса обладания и модуса бытия можно проследить на конкретных примерах.

В модусе бытия человек пытается сделать вновь полученное знание частью собственной системы мышления, "пропустить знание через себя", а не просто запомнить или записать его. В модусе обладания знание воспринимается как вещь. Человек, заболевший собственничеством, в споре может быть просто непримирим, так как воспринимает свое знание как собственность, от которой зависит его значимость. Как пишет Э. Фромм, "индивидам такого типа свежие мысли или идеи относительно какого-либо предмета внушают немалое беспокойство, ибо все

новое ставит под сомнение ту фиксированную сумму знаний, которой они обладают".

Находясь в модусе бытия, человек не заботится специально о том, что о нем подумают другие, в то время как в модусе обладания человек всегда ведет себя слово кандидат на вакантную должность.

Типичная форма проявления собственности — *влюбленность*, при которой объект воспринимается как нечто, удовлетворяющее мои потребности. Типичная форма бытия — *любовь*, которая, напротив, подразумевает отношение к объекту как к самоцели, независимо от того, какие мои потребности он удовлетворяет.

В модусе обладания человек пытается обрести власть над другими людьми путем обмана, угроз или подкупа. Власть же человека, находящегося в модусе бытия, основана исключительно на авторитете, который честно он заслужил, и в ней нет места принуждению. *Истинная власть основана на доверии и уважении, а не на страхе и принуждении.*

7. *"...приводя в движение, не прилагать к этому усилий"*. Как говорилось ранее, *"высшая добродетель подобна воде"*. Вода не прилагает усилий, но, тем не менее, она *точит камень*. Так наглядно проявляется ее сила. Точно так же, если люди не будут сопротивляться вещам, но лишь делать то, что они должны делать (следовать естественному "потoku" Дао), то вещи будут изменяться сами собой. Этот парадокс подробно обсуждался в тексте №7.

8. *"...руководя, не считать себя властелином"*. Стремление человека властвовать над другими людьми — зачастую лишь признак его слабости. Он попросту боится других, не чувствует себя в безопасности рядом с ними, и поэтому хочет подчинить их себе. Он сам, таким образом, признает свою слабость. Причем здесь можно говорить не только о физической, но и психологической слабости. Желаящий властвовать не чувствует себя полноценным человеком. Для того, чтобы думать о себе хорошо, ему нужно ощущать себя властелином. В противном случае он

чувствует себя ущемленным. В психологии такие люди называются садистами. Этот термин употребляется в достаточно широком значении ко всем психологически незрелым личностям, "отгрызающимся" на других.

9. *"...вот что называется глубочайшим дэ".* Иероглиф "Дэ" можно перевести по-разному: *внутренняя чистота, сила духа, милость, истина, идеал, качество.* Если подумать, все эти понятия могут означать одно и то же явление, описать которое словами достаточно трудно. Тем не менее, оно знакомо каждому из нас. Всякий раз, когда мы преодолеваем усталость, страх и подавленность, вновь находя в себе силы сделать что-либо необходимое, мы имеем дело с источником духовных сил внутри нас. Именно эта сила помогает нам преодолевать жизненные трудности, оставаясь при этом самим собой, и принимать мир и людей такими, какие они есть. Именно она позволяет нам безо всякого сожаления махнуть на все рукой, когда дело провалено, успокоиться, расслабиться и по-человечески отдохнуть. Благодаря ей мы оказываемся способными запросто уволиться с нелюбимой работы, не имея при этом средств к существованию, или простить предательство друга, отказавшись от мести и, следовательно, бессмысленной вражды. Эта сила, о которой идет речь, и есть то, что называют Дэ. Традиционный перевод иероглифа "Дэ" — добродетель, однако данное слово давно уже стало безжизненным и пустым, поэтому лучше переводить этот иероглиф как "жизненная сила", "могущество духа" и т.п. словосочетаниями. *По сути, Дэ — это внутренние психологические резервы нашего организма.* Эти резервы, пожалуй, бесконечны — так велико в нас стремление жить. Поэтому думается, что самоубийцы, преодолевшие в себе желание жить, просто не смогли найти доступ к данным резервам, которые, тем не менее, у них имелись. Многим знакомо чувство совершенного отчаяния, сопровождающееся осознанием своей абсолютной беспомощности и крайне негативными мыслями. В такие моменты пропадает всякая надежда на пусть даже не очень светлое будущее, опускаются руки. Но не зря говорят: утро вечера мудренее. Кому-то достаточно лишь хорошень-

ко выспаться, чтобы снова обрести бодрость духа. Так или иначе, чувство безысходности рано или поздно проходит, и Дэ снова является нам во всем своем сиянии. Тогда нам кажется, что мы заново родились, будто и не случилось ничего плохого. И это — подтверждение *неиссякаемости Дэ*. Важно отметить, что Дэ является эманацией (проявлением) Дао, и доступно нам только тогда, когда мы следуем истинному Пути. Это есть качественное состояние, которое порождается правильным служением Дао.

10. В качестве примечания рассмотрим английский перевод первой половины комментируемого текста, выполненный С. Митчеллом: *"Можешь ли ты освободить свой ум от бесконечных блужданий, и внять изначальному единству? Можешь ли ты сделать свое тело податливым, словно у новорожденного? Способен ли ты очистить свой внутренний взор до такой степени, чтобы не видеть ничего, кроме света? Возможно ли для тебя любить людей и помогать им, не примешивая собственных амбиций? Можешь ли ты решать дела путем позволения событиям течь своим чередом? Решишься ли ты отступить от собственного мнения, дабы суметь познать все сущее?"*.

11.

Тридцать спиц соединяются в одной ступице [образуя колесо], но употребление колеса зависит от пустоты между [спицами]. Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нем. Вот почему полезность [чего-либо] имеющегося зависит от пустоты в нем.

Комментарий:

Ранее (ком. к тексту №1, п.2) говорилось о том, что наше собственное "Я" — лишь иллюзия. В действительности очень слож-

но "вырвать" это я из остального мира и определить его границы. Но ту же самую логику можно распространить на все остальные явления. Например, я вижу письменный стол, но этот стол состоит из ножек, полок, выдвигаемых ящиков и т.д., и каждая отдельная часть этого стола не является им. Так почему же мы говорим о столе? Это искусственное понятие, созданное нами для обозначения определенной группы явлений. *Сама группировка явлений выполняется на наше сугубо практическое усмотрение.* С тем же успехом мы могли бы говорить, что существуют только ножки, полки, столешница, но не сам стол. Хотя на самом деле не существует и их, так как все это можно свести к атомам и элементарным частицам. В то же время, сами элементарные частицы указывают лишь на некую границу, существующую сегодня в научном знании, а не на самостоятельную сущность. Теоретически, делить частицы на более мелкие можно бесконечно, пускай сегодня и нет физической возможности сделать это. Из этого следует иллюзорность всех конкретных материальных вещей.

Не следует забывать, что мельчайшие частицы материи являются одновременно волнами, то есть *материальный мир, в сущности, состоит из неуловимых волн энергии* (см. о теории корпускулярно-волнового дуализма)! Уже в этой связи можно было вспомнить о концепции всеобъемлющей пустоты. Одновременно расстояние между "частицами" (волнами) материи в атоме, а именно между нуклонами и электронами, в сто тысяч раз превосходит размер атомного ядра, из чего следует, например, что *99% человеческого тела занимает пустота.*

Таким образом, не существует объективных границ между вещами: все они формируются лишь нашим умом ("системой координат" самого наблюдателя). Сами же вещи практически полностью состоят из пустого пространства.

Более того, если мы говорим не о самих вещах, а о причинных связях между ними, то и здесь обнаруживается иллюзорность, давно раскрытая выдающимися философами. Так, Дэвид Юм указывал на то, что мы не можем никаким способом доказать наличие причинно-следственных связей между вещами, так как

никогда точно не знаем, что произойдет в будущем, а можем говорить лишь о прошлом. Причинная связь недоказуема, так как сама является средством, с помощью которого возможно всякое доказывание. Иммануил Кант, в связи с этим, полагал, что принцип причинности вообще заложен в самом нашем сознании, так как без этого принципа мы вообще не смогли бы воспринимать и познавать мир, но эта "заложенность в сознании" еще не значит, что причинность существует объективно.

Итак, мы сами "придумали" и вещи и соотношения между ними. На самом же деле мир един, целостен, сплошен и всеобъемлющ. (А согласно И. Канту, "придуманы" человеком также пространство и время). Вот почему говорят, что мир пустотен. "Пустота" — быть может, не слишком обоснованный ответ на вопрос "что реально существует?", но все же он напоминает нам об ограниченности нашего познания, о том, что все видимое вокруг — не более чем продукт определенного способа восприятия мира. Некоторые комментаторы пишут, что под пустотой следует понимать то, что мы не видим, а не отсутствие чего-то. В современной трактовке это могут быть глубокие уровни микромира, "тёмное" вещество Вселенной, или нечто ещё более невидимое и неизвестное, но пронизывающее всё, как, например, магнитные поля или гравитационные волны, но ещё более фундаментальное, или, возможно, всё фундаментальное, взятое вместе, как исток единичностей, составляющая творческую силу существования.

На описываемую проблематику можно посмотреть и под другим углом. Письменный стол не существует независимо. Раньше он был деревом, потом к нему были приложены усилия лесорубов, плотников и столяров; в будущем он станет дровами. Вся эта цепь явлений тесно взаимосвязана, и выделить каждое из них можно только искусственно, посредством субъективного усмотрения. Таким образом, *ни индивидуальная душа, ни что-либо материальное не существует самостоятельно*. Когда же мы спросим себя, что же реально существует, то вряд ли сможем найти лучший ответ, чем Дао. А "Дао — пусто" (см. текст №4).

Указанное обстоятельство очень важно понять, чтобы осознать тотальную связанность всего в мире и достигнуть таким образом гармонии с миром. В индуистских Упанишадах сродни этому говорится: "От смерти к смерти идет тот, кто видит что-либо подобное различию". В буддийских сутрах аналогично: "Как на пустоту взирай ты на этот мир. Разрушив обычное понимание себя, ты поборешь и смерть. Владыка смерти не узрит того, кто так смотрит на мир" (Сутта-нипата). Обе цитаты можно интерпретировать как отрицание личностного "Я", приводящее логически и к отрицанию всякого эгоизма. Быть пустым означает также освободить свой ум.

Представления о пустотности не тождественно нигилизму и солипсизму. Во-первых, пустотность не отрицает всякое знание, а лишь показывает относительность имеющегося знания. Во-вторых, пустотность не отрицает всецело внешний материальный мир, а лишь говорит о необходимости некоторого отстранения от него в своем сознании (одновременно ставя под сомнение и внутренний субъективный мир солипсиста). В буддизме представления о пустоте развиваются в учении о "таковости", в индуизме — в учении о "недвойственности". Как в буддизме, так в и индуизме неведение пустотности обозначается термином "авидья" (незнание собственной природы и искажение восприятия внешнего мира через ум).

Следует остерегаться восприятия пустоты как понятия, потому что понятий не существует. Такое восприятие лишь отдалит нас от истины. Идея заключается в том, чтобы не быть связанными умозрительными заключениями, ведь именно они делают нас зависимыми от материального мира, заставляют страдать (тогда как в действительности ни материального мира, ни рая, ни ада не существует). В этом смысле пустота — пуста.

В буддизме учение о пустоте не преподают как теорию. Вместо этого ученику задают решить ту или иную задачу (т. н. "коан"), которая сама по себе не имеет решения, но призвана вырвать ум из плена повседневного видения, открыв пустоту как непосредственное ощущение. Примером такого коана может быть вопрос:

"Что есть хлопок одной ладони?". Если же вы попробуете продемонстрировать буддисту свое "понимание" несуществования материальных вещей путем рациональных суждений, то вероятно, получите в ответ сильный удар палкой, за которым последует вопрос: "Если ничего не существует, тогда откуда взялись твоя боль и твой гнев?".

12.

Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух. Пять вкусовых ощущений притупляют вкус. Быстрая езда и охота волнуют сердце. Драгоценные вещи заставляют человека совершать преступления. Поэтому совершенномудрый стремится к тому, чтобы сделать жизнь сытой, а не к тому, чтобы иметь красивые вещи. Он отказывается от последнего и ограничивается первым.

Комментарий:

1. *"Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух. Пять вкусовых ощущений притупляют вкус"*. Ян Хин-шун пишет: "Пять цветов — желтый, красный, синий, белый, черный; пять звуков — пять вариаций гаммы в китайской музыке; пять вкусовых ощущений — сладкий, кислый, горький, острый, соленый. Здесь Лао-цзы предостерегает от стремления к роскоши, призывает к умеренности и скромности". Пожалуй, излишне объяснять, чем плоха роскошь: каждый человек интуитивно чувствует ее *развращающее воздействие* и понимает, что именно *редкость предметов и повышает наслаждение ими*, тогда как часто использование предметов делает их безвкусными и неинтересными; и в целом, каждый человек имеет неоднократно возможность осознать, что *счастье не в вещах, а в отношении к ним*, что означает: *в свободе от них* (см. тексты №2,9).

2. *"Быстрая езда и охота волнуют сердце"*. В переводе А. Кувшинова: *"Когда в погоне за добычей мчишься по полю во*

весь опор, сердце твое делается безудержно слепым". Эта фраза также имеет отношение к развращающему воздействию роскоши. У С. Митчелла в английском переводе: *"Мысли делают рассудок слабым; из-за вожделений увядает сердце"*. У Б. Виноградского: "...в пылу азарта своей постоянной и бессмысленной охоты человек впадает в безумие, перестает управлять своими чувствами, и именно это его свойство чаще всего используют другие люди, подсовывая ему влекущую его добычу, с помощью которой его можно завлечь куда угодно. Подготовь желанный образ, вынай, что влечет человека, и по сути он твой".

3. *"...совершенномудрый стремится к тому, чтобы сделать жизнь сытой, а не к тому, чтобы иметь красивые вещи"*. См. ком. 3 к тексту №3. Мы наблюдаем намек на "живот" — центр жизненной энергии. Понятие "сытости" можно истолковать также как довольство малым (например, наличием только пищи, а не просторного жилья или престижной работы). В любом случае совершенномудрый ищет счастье в себе, в своем внутреннем мире, а не во внешних событиях и вещах — таков смысл этой фразы. В переводе ее Юй Каном этот смысл становится очевидным: *"постигший внутренним занятием — не занят зримым"*. Сходный перевод и у Б. Виноградского.

13.

Слава и позор подобны страху. Знатность подобна великому несчастью в жизни. Что значит слава и позор подобны страху? Это значит, что нижестоящие люди приобретают славу со страхом и теряют ее также со страхом. Это и называется — слава и позор подобны страху. Что значит знатность подобна великому несчастью в жизни? Это значит, что я имею великое несчастье, потому что я [дорожу] самим собой. Когда я не буду дорожить самим собой, тогда у меня не будет и несчастья. Поэтому знатный, самоотверженно служа людям, может жить среди них. Гуманный, самоотверженно служа людям, может находиться среди них.

Комментарий:

1. В самом этом тексте даны достаточно ясные комментарии относительно того, как следует его понимать. Дополнительно см. ком. к текстам №7, 9 (п.3).

Перевод А. Кувшинова имеет тот же смысл, но относится не к славе, позору и знатности, а к любви (имеется в виду влюбленность, ибо истинная любовь, как учил Христос, противоположна страху) благосклонности и обиденным ценностям: *"Любовь и благосклонность причиняют одни беспокойства. То, что ценится высоко, наносит наибольший вред твоему телу. Но почему любовь и благосклонность причиняют одни беспокойства? Любовь делает тебя зависимым: сначала боишься ее не найти, потом боишься ее потерять. Вот почему любовь и благосклонность причиняют одни беспокойства. Но почему же то, что высоко ценится, наносит вред твоему телу? Когда люди действуют с целью собственной выгоды, они причиняют себе наибольший вред. Когда же ты достиг того, что у тебя отсутствует стремление к собственной выгоде, то как же можно причинить тебе вред?"*.

В переводе Юй Кана те же строки гласят о том, что *благосклонность и немилость* — суть одно, а кроме того, нет разницы между *знатностью и страданием*.

В английском переводе С. Митчелла, в свою очередь, поясняется, почему равнозначны успех и неудача: *"Движешься ли ты по лестнице вверх или вниз, твоя позиция является шаткой, и только тот, кто стоит обеими ногами на земле, может сохранить равновесие"*. Здесь же утверждается, что равнозначны *страх и надежда*: и то и другое суть фантомы, которые возникают ввиду того, что мы мыслим себя как отдельную личность; когда же мы не сознаем себя как отдельную личность (см. ком. 2 к тексту №1), то соответственно нет места никаким фантомам (заблуждениям, обычно свойственным личностям).

У Б. Виноградского: *"Переживание как почестей, так и позора нужно рассматривать лишь как предупреждение об опасности"*.

2. *"Поэтому знатный, самоотверженно служа людям, может жить среди них. Гуманный, самоотверженно служа людям, может находиться среди них"*. Это значит: совершенномудрый чувствует свое единство со всеми людьми, поэтому если и стремится к выгоде, то не к собственной, а к выгоде всех людей. В предыдущем предложении говорилось о том, почему вредны эгоистические стремления. Теперь говорится о пользе, которая последует за отрешением от "эго". У Ю. Полежаевой в стихотворной форме об этом сказано: *"Поэтому, себя над миром в личном мненьи поднимая / Ты лишь зависишь от него сильней / Тогда как жизнь служенью людям посвящая / Весь мир любя и принимая / Заслужишь ты доверие людей"*. Б. Виноградский поясняет: "...только когда мир для тебя становится... совершенно равнозначным переживанию собственного тела, тогда тебе можно доверить владение этим миром".

3. Приведем отрывок из комментария В. В. Малявина к данному тексту: "Мудрость есть прежде всего способность не полагаться на внешнее, ибо все внешнее — призрачно. Это не значит, конечно, что мудрый живет в шизофренической отрешенности от мира. Напротив, внутреннее прозрение, о котором толкует Лао-цзы [предполагаемый автор "Дао дэ цзин" — прим.], снимает ложное противопоставление своего "я" и мира, а вместе с тем — бремя субъективного существования. По этой же причине такое прозрение в высшей степени практично. Настоящая мудрость несет в себе счастливый парадокс: чем меньше мы думаем о себе, тем большего достигаем в мире. К тому, кто воистину избавился от зуда властвования, власть придет сама, ведь источник власти — сама свобода. Самая простая и самая труднодостижимая истина: чтобы быть совершенным, нужно решиться не быть. Мудрость Лао-цзы — не секрет личного совершенства и не секрет властвования в мире. Она есть секрет нераздельности того и другого".

14.

Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышим.

мым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино. Его верх не освещен, его низ не затемнен. Оно бесконечно и не может быть названо. Оно снова возвращается к небытию. И вот называют его формой без форм, образом без существа. Поэтому называют его неясным и туманным. Встречаюсь с ним и не вижу лица его, следую за ним и не вижу спины его. Придерживаясь древнего Дао, чтобы овладеть существующим вещами, можно познать древнее начало. Это называется принципом Дао.

Комментарий:

1. *"Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим"*. Как было сказано ранее (тексты №№1, 11), истина неуловима для рассудка и органов чувств. Она открывается только тем, кто отбросил эти инструменты познания, равно как и само познание, и погрузился в пустоту. Что это значит? *"Видеть — не значит просто смотреть, это значит пребывать в покое, слившись с окружающим. Внимать звукам — не значит просто слушать, это значит быть безмолвным и пустым"*. Таков перевод А. Кувшинова, точно отражающий скрытый смысл этого текста. Далее, однако, этот переводчик позволяет себе литературное отступление от оригинала, и третье предложение звучит у него совершенно иначе: *"Соблюдать умеренность — это не значит ограничивать себя подобно скряге, но значит осуществлять это постепенно, как бы в тайне от себя самого"*. Данный тезис, хотя и кажется неуместным, но все же согласуется с общим содержанием "Дао Дэ цзин" (см., напр., ком. к тексту №1, п.5).

2. *"Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино"*. Здесь подразумевается источник трех вышеназванных признаков (либо источник правил, если следовать переводу А. Кувшинова, который признаки Дао перевел как пра-

вила жизни). Подчеркивается два момента: единство всего сущего и невозможность постичь это единство обычными инструментами познания (сущее *"неясно и туманно"*, или же, в красивом переводе Б. Б. Виноградского — *"трепетное и мерцающее"*).

3. *"Его верх не освещен, его низ не затемнен"*. Налицо утверждение об иллюзорности всех высших устремлений. Добра и зла не существует, следовательно не существует и достойной похвалы добродетели. Не стоит говорить, что те или иные "высокие чувства" делают из нас "настоящих людей": ничто человеческое не чуждо нам, и все это надо принять. *Неприятие рождает страдание, а также искаженное видение реальности*. Конечно, можно возразить, что иногда именно неприятие зла и борьба с ним вызывают в человеке чувство осмысленности, полноценности его жизни, порождают некий прилив сил в стремлении к справедливости. Но, согласно *"Дао дэ цзин"*, в этом случае человек как бы признает само наличие зла, и в этом состоит его "принятие". Если бы он не находился в состоянии принятия, он бы чувствовал страх, связанный с возможным торжеством зла, при этом не желал бы даже думать о таком торжестве. Таким образом, *"Дао дэ цзин"* не выступает против борьбы со злом как таковой; эта книга выступает скорее против часто присущей такой борьбе панике и отчаянию, и против внешнего принуждения к этой борьбе (ибо высшей ценностью является свобода как возможность самостоятельного осознания человеком ценности добра).

4. *"Придерживаясь древнего Дао, чтобы овладеть существующими вещами, можно познать древнее начало"*. Пытаясь обладать вещами, мы становимся их рабами. Отказываясь от вещей, мы становимся их господами. В данной фразе идет речь об искусстве управления своим внутренним состоянием в настоящем моменте через интуитивное чувствование меры.

15.

В древности тот, кто был способен к учености, знал мельчайшие и тончайшие [вещи]. Но другим их глубина неведома. По-

сколько она неведома, [я] произвольно даю [им] описание: они были робкими, как будто переходили зимой поток; они были нерешительными, как будто боялись своих соседей; они были важными, как гости; они были осторожными, как будто переходили по тающему льду; они были просты, подобно неотделанному дереву; они были необъятными, подобно долине; они были непроницаемыми, подобно мутной воде. Это были те, которые, соблюдая спокойствие, умели грязное сделать чистым. Это были те, которые своим умением сделать долговечное движение спокойным, содействовали жизни. Они соблюдали Дао и не желали многого. Не желая многого, они ограничивались тем, что существует, и не создавали нового.

Комментарий:

1. *"В древности тот, кто был способен к учености, знал мельчайшие и тончайшие [вещи]". "Дао дэ цзин"* кажется нам очень древней книгой. Но уже в период ее написания люди ностальгировали по прошлым временам. Это объясняется не только склонностью некоторых людей считать, что раньше было лучше, чем теперь. Дело в том, что в определенную эпоху, начало которой можно соотнести как раз со временем написания *"Дао дэ цзин"*, сознание человека развилось настолько, что он перестал считать себя частью природы, ощутив себя как автономную личность. Одновременно он осознал и свое одиночество, могущество и безразличие окружающего мира, и свою беспомощность перед ним. Возникшие в ту эпоху религии, в том числе даосизм, направлены как раз на решение этой новой психологической проблемы. В Древней Греции в то же самое время возникла философия, и первые философы занимались как раз поиском утраченного первоначала мира. Но можно ли они найти его, всецело отдаваясь изучению внешних форм, вместо познания своей внутренней сущности? Рассматриваемая здесь фраза служит напоминанием, что истинная ученость состоит не в исследовании и преобразовании материи (*"они ограничивались тем что суще-*

ствует, и не создавали нового"), а в единении с ней. Это чувство сложно было описать на вновь возникшем рационалистическом языке, его нельзя постичь логическими умозаключениями, поэтому автор трактата *"произвольно дает описание"* истинного ученого.

2. Итак, как видно из дальнейшего повествования, совершенномудрый человек:

ровен и спокоен (то, что здесь переведено как "робок"),

чуток, бдителен, внимателен и осмотрителен ("нерешителен"),

сохраняет свое достоинство, благопристойен и сдержан подобно гостю ("важен"),

раскрыт вовне, отзывчив, искренен (иными словами, душа его открыта миру словно "тающее озеро, освобождающееся ото льда" или "долина"),

не цепляется за свои вещи, взгляды и принципы, обладает широтой взгляда ("зыбок" характером, словно тающий лед),

надежен, прост в общении и не кичится (интересно, что в современном языке с "неотделанным деревом" и "крепким дубом" ассоциируются не мудрецы, а глупцы и неудачники, что показывает, как сильно мы сбились с истинного пути: примерами могут служить слова "чурбан", "дубина" и др.).

непонятен большинству людей, подобно "мутной воде" производит скорее отталкивающее впечатление. Это обусловлено тем, что большинство людей подчинены своим страхам, и потому не приемлют ничего незнакомого и непонятного. Человек без страхов, *излучающий свет в мир* ("делающий грязное чистым") и *"содействующий жизни"* кажется им опасным, так как посягает на их самость (ложное ощущение собственного "Я"). Между тем, как говорится в "Чжуан-цзы", "приверженность человека Изначальному доказывается отсутствием страха". "Непроницаемость мутной воды" можно также трактовать как *цельность природы* совершенномудрого.

В "Чжуан-цзы" также сказано о том, какими были настоящие люди древности. Для лучшего понимания приведу здесь произ-

вольную выдержку из этого философского памятника: "Настоящие люди древности не противились своему уделу одиноких, не красовались перед людьми и не загадывали на будущее. Такие люди не сожалели о своих промахах и не гордились своими удачами. Они поднимались на высоты, не ведая страха, погружались в воду, не замочив себя, входили в огонь и не обжигались [т. е. не зависели от материального — прим.]. Таково знание, которое рождается из наших устремлений к Великому Пути. Настоящие люди древности спали без сновидений [по Фрейдю это означает, что у этих людей не было конфликта с их бессознательным, т. е. они были полностью осознающими — прим.], просыпались без тревог, всякую пищу находили одинаково вкусной, и дыхание в них исходило из их сокровеннейших глубин... Скромные и уступчивые, они говорили сбивчиво и с трудом, словно заикались... Не предавая забвению исток всех вещей, не устремляясь мыслью к концу всего сущего, они радовались дарованному им, но забывали о нем, когда лишались этого. Вот что значит "не вредить Пути умствованием, не подменять небесное человеческим". Таковы были настоящие люди... Они были покойны и уверены в себе, но не упрямы. Они были открыты миру и всеобъемлительны, но красоваться не любили. Жили с легкой душой и как бы в свое удовольствие, делали лишь то, чего нельзя было не делать. Решительны были они и делали все по-своему".

3. *"Не желая многого, они ограничивались тем, что существует, и не создавали нового"*. То, что действительно существует — это настоящий момент. Желать многое и поэтому пытаться создавать новое — означает попасть в рабство иллюзии времени. Существует несколько достаточно известных и простых методик "погружения в настоящее". Все они сводятся к тому, что человек должен попытаться ощутить себя присутствующим здесь, в данном конкретном месте, и сейчас, в данное конкретное время, а также ощутить собственное тело и осознать, что оно — его.

Итак, посмотрите вокруг и попытайтесь обратить внимание на мельчайшие детали вашего окружения: люди, предметы, их движение. Прислушайтесь к витающим в воздухе звукам (лай со-

баки, рев мотора), либо тишине. Если вы говорите с кем-либо, сосредоточьтесь на его голосе. Не формируйте свою оценку происходящего, не пытайтесь понять его причины, просто наблюдайте. Почувствуйте пространство вокруг себя, ощутите себя в нем. Почувствуйте собственное тело, легкое покалывание в своих мышцах, проследите свое дыхание. Не позволяйте мыслям уйти от созерцания окружения, слушания, либо от концентрации на своем теле (дыхании и пр.), позабудьте на миг обо всех проблемах. Повторяйте эту практику ежедневно.

Также попробуйте закрыть глаза и вообразить, что вокруг вас находится светящаяся субстанция. Вдохните ее, и представьте, что она наполняет ваше тело. Через некоторое время медленно откройте глаза. Находитесь в приобретенном состоянии пока вам так комфортно.

Попробуйте также практику осознания собственной смертности: подумайте о том, что вы рано или поздно исчезнете, а ваше тело сравняется с землей. Это поможет вам осознать никчемность многих ваших стремлений и снова обратить внимание на главное, начать ценить каждое мгновение жизни.

Б. Виноградский: "Ощущения должны осознаваться, а осознаваться они будут только посредством предельно спокойного дыхания".

В "Чжуан-цзы" говорится о совершенномудром: "Став в сердце своем "ясной зарей", он смог прозреть Одинокое. А прозревши в себе Одинокое, он смог быть вне прошлого и настоящего. Превзойдя различие между прошлым и настоящим, он смог быть там, где нет ни рождения, ни смерти". Таким образом, только в сознательном отречении от власти времени и состоит бессмертие.

16.

Нужно сделать [свое сердце] предельно беспристрастным, твердо сохранять покой, и тогда все вещи будут изменяться сами собой, а нам останется лишь созерцать их возвращение. [В мире] — большое разнообразие вещей, но [все они] воз-

вращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к сущности. Возвращение к сущности называется постоянством. Знание постоянства называется [достижением] ясности, а незнание постоянства приводит к беспорядку и [в результате] — к злу. Знающий постоянство становится совершенным; тот, кто достиг совершенства, становится справедливым; тот, кто обрел справедливость, становится государем. Тот, кто становится государем, следует небу. Тот, кто следует небу, следует Дао. Тот, кто следует Дао, вечен и до конца жизни [такой государь] не будет подвергаться опасности.

Комментарий:

1. Слово *"беспристрастный"* у Юй Кана и В.В. Малявина переведено точнее — *"пустой"*. О смысле этого см. тексты №4,11; в английской версии С. Митчелла на этом месте: *"очисти свой ум от всех мыслей..."*.

Далее, *"...все вещи будут изменяться сами собой"* — см. тексты №1 (п. 5 ком.), 2 (п.2 ком.), 7, 10 (п. 7 ком.), 37, 40.

Итак, в первом предложении комментируемого текста дается указание на то, что нам необходимо делать. В последующих предложениях говорится о том, что посредством таких действий (а точнее — недействий) мы обретаем смысл жизни, становимся добрыми и счастливыми. Это связано с тем, что мы осознаем бренность всех материальных форм, и соответственно — относительную важность их преобразования. Все, что касается мира материальных форм, в том числе нашего тела, перестает быть для нас проблемным. В конце концов, все возвращается к своему источнику — Дао. И если мы чувствуем этот источник внутри себя, то для нас не существует проблем, даже тех, что связаны с поддержанием жизнеспособности нашего организма, не говоря уже о других материальных заботах, потому что мы становимся едиными с главным, и так обретаем блаженство и бессмертие. Это и есть *"возвращение к сущности"*.

2. *"Возвращение к сущности называется постоянством. Знание постоянства называется [достижением] ясности"*. В переводе А. Кувшинова возвращение к сущности означает *"исполнить свою судьбу"*, в переводе Юй Кана это *"возвращение к предначертанному"*. Таким образом, речь идет об *обретении смысла жизни*. Когда мы познаем смысл жизни, то наши изматывающие метания прекращаются, и мы обретаем постоянство. *"Ясность"* как следствие постоянства выступает синонимом *осознанности, просветленности, а также Божественного Света* (у В. В. Малявина это именно *"просветленность"*).

3. *"...незнание постоянства приводит к беспорядку"*, то есть к обыденной суетности, "волчьим метаниям" и последующим несчастьям (*"и [в результате] — к злу"*). *"Не осознавая постоянство, суетишься, а от этого только неудачи"* (перевод Б. Виноградского). Таким образом, *знание смысла жизни делает человека добрым и счастливым, а незнание — злым и несчастным*.

4. *"Знающий постоянство становится совершенным; тот, кто достиг совершенства, становится справедливым"*. По Юй Кану, такой человек становится *"Великодушным"*.

5. *"...тот, кто обрел справедливость, становится государем"*. Под государем здесь, очевидно, подразумевается человек, обретший власть над самим собой. Если так, то он становится правителем всего мира. Не случайно мудрецы говорят, что *величайшая власть — это власть над собой*. Такая власть открывает возможность счастья (см. текст 2, п. 1 ком.). Можно сказать, что *государь — это синоним слова "просветленный человек"*.

6. Как уже говорилось ранее, под Дао можно понимать *"естественный порядок вещей"*. Необходимо пояснить, что это значит, чтобы понять фразу *"следовать Дао"*. Дело в том, что физические законы этого мира полностью детерминируют наше существование, и с учетом этого говорить о свободе воли человека в высшей степени несостоятельно. Нас никто не спрашивал, хотим мы родиться или нет. Мы не знаем, когда и по чьей воле умрем. Мы не выбирали наш пол, наследственность, а также родителей, которые нас воспитывали. Так выбираем ли мы самих

себя, являемся ли мы хозяевами собственных жизней? Мы имеем множество желаний, но контролируем ли мы факторы, под влиянием которых эти желания сформировались? Человек, говорят даосские философы, — это полет стрелы: она движется туда, куда послала ее рука лучника. Это и есть "естественный порядок вещей", или "естественный жизненный путь". Единственное наше отличие от стрел в том, что мы мним себя свободными. Но если так, то *никто не может винить ни себя, ни других в том, что происходит; никто не может считать себя ни лучше, ни хуже других*. Все мы — одно, а добра и зла не существует в принципе. "Следовать Дао" означает осознать эту истину. Не случайно выше по тексту говорится об осознании постоянства и обретении власти над собой ("*бытии государем*"): власть есть ни что иное, как знание истины.

7. Тот, кто следует Дао, "вечен", но только потому, что само Дао вечно, то есть вечен скорее единый мировой поток, чем чья-либо индивидуальность, которая на самом деле есть лишь иллюзия.

17.

Лучший правитель тот, о ком народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа его любить и возвышать. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает. Поэтому, кто не заслуживает доверия, тот не пользуется доверием [у людей]. Кто вдумчив и сдержан в словах, успешно совершает дела, и народ говорит, что он следует естественности.

Комментарий:

1. "*Лучший правитель тот, о ком народ знает лишь то, что он существует*". Этот вывод логично следует из концепции недеяния, бессмысленности преобразования брэнной материи (см. тексты №2,5). Лучшие материальные условия могут лишь на

время дать людям чувство удовлетворения, но даже это чувство нельзя сравнить с ощущением счастья. Последнее не зависит от материального благополучия, оно зависит от нашего отношения к миру. Чаше же стремление к материальному благополучию и само это благополучие оборачиваются вечным недовольством и лишними переживаниями. И все потому, что стремление к материальным преобразованиям сродни борьбе со следствиями вместо причин. Вот почему лучший правитель стремится к иному: он пытается воздействовать на глубинные причины болезни, а не только на ее симптомы. В переводе А. Кувшинова лучшим правителем является тот, кто *"дарует сознание всем своим подданным, но при этом не стремится облагодетельствовать или наградить их, не стремится внушить к себе страх, не стремится внушить к себе трепет"*. Итак, сознание — ключ к настоящему счастью.

2. У Юй Кана комментируемый фрагмент выглядит так: *"О высшем Властителе знают лишь то, что он существует. За ним следует тот, о ком — добрая слава. За этим же — тот, кого страшатся. За тем — тот, кого презирают"*. Схожий перевод у Б. Виногородского.

Как видим, добрая слава о правителе еще ничего не значит. С одной стороны, мы все понимаем, что высокий рейтинг популярности политика связан не столько с его делами, сколько с умением показать себя, работой его имиджмейкеров, финансовыми и другими ресурсами этого политика и его способностью контролировать СМИ. С другой стороны, если бы мы действительно это понимали, то описанная закономерность перестала бы действовать, а имиджмейкеры потеряли бы работу. Остается признать, что мы не понимаем и не распознаем конкретные случаи манипуляции нашим сознанием. Поэтому *"Дао дэ цзин"* лишний раз напоминает нам о том, что *"добрая слава"* правителей связана ни с чем иным, как с тем, что они поистине *"требуют от народа их любить и возвышать"*.

3. *"Поэтому, кто не заслуживает доверия, тот не пользуется доверием [у людей]"*. У Юй Кана читаем: *"Кто не преиспол-*

нен доверия, тому и не доверяют". Речь идет о т.н. "правиле бумеранга": на добро тебе обычно воздается добром, на зло — злом. Если ты не доверяешь людям, то ты скрытен и извилист в общении, поэтому тебе тоже перестают доверять. Так теряется возможность ощутить радость межличностной близости и взаимопонимания. В государственных делах последствия аналогичны, но более глобальны. Если правитель не доверяет народу, и ограничивает его свободу в чем-либо (это всегда делается под предлогом, что народ "еще не созрел" для такой свободы), то народ перестает доверять правителю, воспринимая его как тирана. Отсюда — правовой нигилизм, nepoтизм и коррупция. Все это — следствия недоверия народа действующей власти.

У Б. Виноградского: *"Если в тебе недостаточно веры, то и мир не верит тебе"*. Этот автор указывает на значимость веры для человека: *"Ибо существует только то, во что веришь по-настоящему"*.

4. *"Кто вдумчив и сдержан в словах, успешно совершает дела, и народ говорит, что он следует естественности"*. У Б. Виноградского: *"Будь внимательным, придавай ценность словам, которые изрекаешь. Тогда сами достигаются успехи и вершатся дела. Представители всех родов считают, что высшее я находится в состоянии произвольной естественности"*. Важно подчеркнуть, что именно сдержанность (в словах и т.д.), а не распутство (словоблудие и т.д.) отождествляется с произвольной естественностью. Естественное поведение это не рабство у страстей и инстинктов, а освобождение от них путем изменения мoдyса бытия, простой активизации сознания.

5. Что касается перевода А. Кувшинова, у него на месте фразы о доверии значится: *"Тот, кто слепо верит, тот не знает; тот, кто видит сам, не верит слепо"*. Другие варианты перевода: *"нуждающийся в доказательствах не знает; тот кто видит сам, в доказательствах не нуждается"*, либо *"доказывающий не знает, знающий не доказывает"*. Последний вариант перевода — отличная вакцина против нынешней болтологии (см. также аналогичные высказывания в текстах №56, 81, а также ком. к тексту №37).

Когда устранили великое Дао, появились "человеколюбие" и "справедливость". Когда появилось мудрствование, возникло и великое лицемерие. Когда шесть родственников в раздоре, тогда появляются "сыновняя почитательность" и "отцовская любовь". Когда в государстве царит беспорядок, тогда появляются "верные слуги".

Комментарий:

1. Аналогичное по смыслу высказывание имеется в тексте №38, который, вероятно, и сподвиг дзэн-мастера Сун Сана утверждать: *"Когда Дао потеряно, приходит доброта. Когда доброта потеряна, приходит нравственность. Когда нравственность потеряна, приходит ритуал. Ритуал это шелуха истинной веры, начало хаоса"*. Примечательно, что в конфуцианстве именно ритуал ("ли") является важнейшим понятием. Согласно Конфуцию, если мы будем соблюдать некоторую совокупность правил, то сможем достичь благополучия. Философия Дао, равно как и дзэн-буддизм, напротив, считают следование каким-либо строгим правилам менее или совсем не важным, а иногда даже излишним и вредным. Согласно этой философии, наше благополучие зависит от нашей способности к недеянию, то есть от *степени свободы от принципов и норм* (тех же конфуцианских правил), а также от *уровня развития нашей осознанности*. Принципы и нормы (типа требований *"отцовской любви"* и *"сыновней почитательности"*) нужны тем, кто не способен к самостоятельному мышлению: таким людям необходимы постоянные подсказки, они нуждаются в опоре. Но *действительно разумный человек не нуждается в опоре*. Ее отсутствие не нагоняет на него страха, так как в любой конкретной ситуации его разум подскажет ему, как следует поступить. Отсутствие определенности не является для него поводом для истерии. Соответственно, совер-

шенномудрый не нуждается в заранее обговоренной нравственности. Нет нужды ему и доказывать другим свою нравственность. Поскольку это — человек, полностью осознающий и объективно воспринимающий реальность, принимающий ее такой, какая она есть, постольку в нем нет стязательства или злобы. Он нравственен сам по себе. Итак, мы видим, что описанная идеология видит благополучие в подлинной свободе, отличной от вседозволенности. Такая свобода сможет заменить прежнюю нравственность (те же конфуцианские *"человеколюбие"* и *"справедливость"*, *"сыновнюю почитательность"* и *"отцовскую любовь"*), причем делает это весьма успешно.

Важно, что сами понятия прежней нравственности не отрицаются всецело. Так, Чжуан-цзы говорил, что Дао не отвергает сыновней почитательности, просто последняя не исчерпывает смысл первого, вследствие чего совершенномудрый и не ориентируется на нее. Совершенномудрый подобен путнику, который достигнув города, не видит той горы, которую проходил часом раньше, ибо та слишком далека от него. Эта гора, быть может, и служила ему ориентиром когда-то, но теперь он продвинулся вперед, и имеет другие ориентиры.

Вероятно, что лишь совершенномудруму дозволено отбросить нравственность. Если человек не достиг совершенства, следование строгим нравственным правилам, ведение аскетичного образа жизни, как правило, благоприятно сказывается на его развитии. И только тогда, когда делание добра входит в привычку, у человека возникает осознание добра — тогда он может обойтись без привычек. Аналогично, если мы пытаемся овладеть каким-либо видом спорта или игрой на музыкальном инструменте, то сначала мы строго следуем рекомендациям учителя, но со временем становимся способными осознавать свое тело, и заставлять его делать именно то, что от него требуется: привычка в начале, сознательность в конце.

Но значит ли это, что мы должны учить именно нравственности и справедливости, а не Дао? Ведь они лишь временные и относительные пристанища, и мы можем утратить покой в бес-

конечной погоне за добродетелями. По всей видимости, мы должны научить главному, а именно осознанному, бесстрашному, простому и бесхитроственному существованию, непривязанности к вещам и людям, тогда нравственность и справедливость появятся сами собой.

Что будет, если мы поставим справедливость и нравственность превыше всего, и начнем запрещать любое поведение, которое расходится с указанными идеалами? К сожалению, подобные сумасбродные идеи очень часто исходят из уст чиновников и религиозных деятелей. На этот счет в "Чжуан-цзы" сказано: "В старину Желтый Владыка впервые растревожил сердца людей человечностью и долгом... Нынче казненные лежат друг на друге, закованные в колодки теснят друг друга, приговоренные к смерти стоят друг за другом. А между закованными в кандалы и наручники ходят на цыпочках и размахивают руками последователи Конфуция и Мо Ди. Куда уж дальше! Большого позора и бесстыдства придумать нельзя! Неужели не видно, что их мудрость и знание служат долоту и ошейнику? Что их человечность и долг служат кандалам и наручникам?". Таким образом, следует учить главному, вместо того, чтобы исправлять недостатки, возникшие вследствие отсутствия главного.

2. *"Когда устранили великое Дао, появились "человеколюбие" и "справедливость"".* Другой аспект этой фразы заключается в следующем: "человеколюбие" — это чувство любви внутри нас, ощущение жизненной силы, желание бескорыстно совершать добрые дела, при этом важно помнить, что это чувство непосредственно связано со вселенской энергией — с Дао, и мы можем говорить о самосущном "человеколюбии" (то есть о "человеколюбии" как простой совокупности психических процессов в наших телах) только когда забыли о главном — о рождающем этом человеколюбие. Если трактовать данное положение радикально, то получится следующее: точно так же, как безликое требование "справедливости" возникает, когда люди забыли подлинную свободу (осознанность существования), так и обособленное понятие "человеколюбия" появляется там, где люди

забыли о любви как таковой, то есть о любви как о состоянии сознания, безотносительно к конкретному объекту. Ибо любить человека не то что бы нужно, это скорее приятно: любовь дарит радость. Поэтому мы должны стремиться не к человеколюбию, а в принципе к тому, чтобы свет любви исходил от нас, и тогда человеколюбие родится само собой. На практике это должно означать: нельзя любить конкретного человека, не полюбив весь мир как таковой, в противном случае это уже не любовь, а собственничество; нельзя "жадничать" своей любовью, скрупулезно экономя жизненную энергию, иначе накопленная внутри вас любовь превратится в эгоизм; напротив, следует верить в неиссякаемость своей любви, своего терпения и своих жизненных сил; нельзя требовать любви от других, так как из несвободы любви возникнуть не может. Вообще, комментаторы указывают, что "Дао дэ цзин" требует лишь перестать беспокоиться о человечности и справедливости, но не отрицает их.

3. "Когда появилось мудрствование, возникло и великое лицемерие". Когда человеку говорят, что он должен делать то-то и то-то, быть таким-то, чувствовать то, что необходимо (например, скорбь на похоронах, радость на торжественных мероприятиях), это вызывает его явный или неявный протест. Он начинает лицедействовать, врать и притворяться (изображать из себя "верного слугу"). Аналогично, когда человеку ставят завышенную планку, он отчаивается. Отчаяние отравляет его душу, и в итоге такой человек начинает отравлять окружающий мир. Начинается все с пессимистических мыслей о том, что люди — совсем не разумные, а очень даже глупые и беспомощные существа, вредящие сами себе, более того, существа мерзкие и злые, неспособные на подлинную любовь и бескорыстное добро. Пессимизм переходит в безразличие ко всему окружающему, в отрицание ценности жизни, то есть нигилизм. Отсюда — рукой подать до тотального эгоизма и преступлений, равно как и до самоубийства. Вот почему Дао не приемлет слишком строгий путь нравственности: возможно, что сама навязчивая нравственность является причиной еще большей безнравственности людей.

Так, требование сострадания — это по сути требование страдания, но излишнее страдание не всегда хорошо. Другой пример: требование всегда усмирять свой гнев ошибочно, поскольку сам по себе гнев не плох, он естественен, он может быть праведным гневом, в то время как подавление естественных чувств само может оказаться пагубным.

Вообще, в сфере нравственности очень сложно проследить ту меру количества, которая предопределяет переход от одного качества (добро) к другому (зло). Человек, пытающийся раз и навсегда точно сформулировать некоторое нравственное правило, рискует оказаться попросту "мудрствующим лицемером", постоянно твердящим другим людям о том, как им следует себя вести, и забывая о том, что и самому неплохо было бы перейти в вопросе нравственности от теории к практике.

Здесь также следует отметить, что обычная мораль предполагает культивирование страха перед порицающим общественным мнением, а религиозная мораль давит на психику с помощью угроз со стороны Божества, в итоге обе эти морали угнетают человека, превращают его в марионетку, тогда как *подлинная мораль должна способствовать самоутверждению человека, должна служить человеку, вместо того, чтобы стращать его*. Подлинная мораль не приемлет идеала самоотречения. Касаемо эгоистических страстей она просто показывает, что эти страсти на самом деле не относятся к "эго", то есть не приносят пользы для личности, и тем самым она помогает преодолевать их. Таким образом, здесь речь идет не об отречение от себя, которое неприемлемо, а отречения от неправильного представления о себе, от неверной жизненной установки и пр. Так самоотречение превращается в самоосвобождение.

Мораль совершенномудрого такова, что он следует ей с легкостью, свободой и бескорытием. Происходит это потому, что он максимально осознает действительность, ничего не приукрашает и не отвергает своим взором, вследствие чего самолично понимает необходимость того или иного поступка и совершает его добровольно. Должное оказывается здесь одновременно

желаемым. Можно сказать, что это человек, духовно развившийся до такой степени, чтобы самому понимать, что такое хорошо, а что такое плохо, безотносительно к общественному мнению или религиозным догматам. Он готов вступить в дискуссию по поводу вопросов нравственности с другими людьми, готов понести наказание, если вдруг нарушит общественные устои, но не готов отказаться от истины.

19.

Когда будут устранены мудрствование и ученость, тогда народ будет счастливее во сто крат; когда будут устранены "человеколюбие" и "справедливость", тогда народ возвратится к сыновней почтительности и отцовской любви; когда будут уничтожены хитрость и нажива, тогда исчезнут воры и разбойники. Все эти три вещи [происходят] от недостатка знаний. Поэтому нужно указывать людям, что они должны быть простыми и скромными, уменьшать личные [желания] и освободиться от страстей.

Комментарий:

1. Изложенные в этом тексте мысли полностью дублируют ранее высказанные.

"Когда будут устранены мудрствование и ученость, тогда народ будет счастливее во сто крат" — см. текст №3 (п. 5 ком.),

"...когда будут устранены "человеколюбие" и "справедливость", тогда народ возвратится к сыновней почтительности и отцовской любви" — см. тексты №5, 18,

"...когда будут уничтожены хитрость и нажива, тогда исчезнут воры и разбойники" — см. текст №3 (п. 2 ком.), текст №1 (п. 6 ком.).

2. *"...когда будут устранены "человеколюбие" и "справедливость", тогда народ возвратится к сыновней почтительности и отцовской любви"* — как верно отмечал китайский император Сюань-цзун, в этих сроках автор требует перестать беспокоиться

о человечности и справедливости, но вовсе не отвергает эти моральные принципы.

Также отметим, что имеется в виду возвращение к *естественной, искренней* сыновней почтительности и отцовской любви, происходящее спонтанно, само собой, а не возвращение к клише-заповедям типа "сыновняя почтительность" и "отцовская любовь", которые критиковались в тексте №18. "Дети изначально уважают старших, старшие для них почти как боги, а родители любят детей не потому, что их этому учат" (Б. Виноградский).

3. У В. В. Маякина строки *"нужно указывать людям, что они должны быть простыми и скромными"* имеют другой смысловой оттенок: *"Будь безыскусен, храни первозданную цельность"*.

Здесь проглядывается намек на негативные последствия специализации труда. Если человек искусен в чем-то одном, то он добьется в этом больших успехов, но не потеряет ли он себя как цельную личность? Общество, практикующее специализацию труда, может многое выиграть материально, но станут ли его члены счастливее? (см. текст №3, ком. п. 2).

Первейшее следствие специализации труда — это однообразность выполняемых изо дня в день действий. Работа специалиста зачастую монотонна и скучна, и не доставляет никакого удовольствия.

Второе следствие — отчуждение человека от продукта собственного труда. Занимаясь всем и сразу, ты не сможешь достичь успеха и получить прибыль, ибо в условиях специализации выживает только узкий специалист. Тебе приходится сокращать круг своих интересов. В итоге, как отмечал К. Маркс, мы приходим к ситуации, когда "предмет, производимый трудом... противостоит труду как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя". Человек лишается свободы, самолично убивает в себе творческое начало. И поскольку такое "отрицание человеком себя" оказывается совершенно необходимым для поддержания его физического существования, постольку "жизнь оказывается лишь средством к жизни" (К. Маркс).

Третье следствие специализации труда — зарождающая *одномерность мышления*, неспособность принять или хотя бы просто понять мировоззрение человека другой профессии. Одномерность мышления тесно связана со специализацией труда потому, что последняя заставляет человеческий интеллект работать только в каком-то одном, достаточно узком направлении. По сути, это означает лишение рассудка, поскольку рассудок превращается в средство для достижения совершенно недалеких практических результатов — в прибор для производства приборов (по Бергсону).

Притом, что сама "компетентность так называемых специалистов зачастую является чистой иллюзией или, по меньшей мере, ограничена чрезвычайно узкими рамками" (Р. Генон).

20.

Когда будет уничтожена ученость, тогда не будет и печали. Как ничтожна разница между обещанием и лестью, и как велика разница между добром и злом! Надо избегать того, чего люди боятся. О! Как хаотичен [мир], где все еще не установлен порядок. Все люди радостны, как будто присутствуют на торжественном угощении или празднуют наступление весны. Только я один спокоен и не выставляю себя на свет. Я подобен ребенку, который не явился в мир. О! Я несусь! Кажется нет места, где мог бы я остановиться. Все люди полны желаний, только я один подобен тому, кто отказался от всего. Я сердце глупого человека. О, как оно пусто! Все люди полны света, только я один подобен тому, кто погружен во мрак. Все люди пытливы, только я один равнодушен. Я подобен тому, кто не сетует в мирском просторе и не знает, где ему остановиться. Все люди проявляют свою способность, и только я один похож на глупого и низкого. Только я один отличаюсь от других тем, что вижу основу в еде.

Комментарий:

1. *"Когда будет уничтожена ученость, тогда не будет и печали"*. Это предложение может иметь несколько смыслов:

А) См. текст №3 (п. 5 ком.).

Б) В другом переводе *"ученость"* заменена *"верностью вещам"*, что образует новый смысл фразы, также прекрасно согласующийся с общей идеей *"Дао дэ цзин"* — см. текст №2 (п.6 ком.).

В) Наконец, в англоязычной версии *"Дао дэ цзин"* в переводе Стивена Митчелла названные строчки выглядят так: *"Прекрати беспрестанно думать, и таким образом положи конец своим проблемам"* (см. п. 3 ком. к тексту №56, п. 1 ком. к тексту №4).

Отметим, комментируемая фраза вовсе не говорит об устранении всякого знания или культе незнания. Речь идет лишь о вреде чрезмерной погони за знанием: *"Наша жизнь имеет предел, а знанию предела нет. Имея предел, гнаться за беспредельным губельно"* (*"Чжуан-цзы"*). Этому вторят индуистские Упанишады, напоминающие нам о том, что *следует лишь приобрести одно знание особого рода, и тогда все обыденное знание станет уже не нужным*: *"В слепую тьму вступают те, которые чтят незнание. Словно еще в большую тьму — те, которые наслаждались в знании"*. Но что же это за знание особого рода, которое нам все же необходимо? В *"Чжуан-цзы"* о нем говорится следующим образом: *"Люди древности в своих знаниях достигли предела. Чего же они достигли? Они знали, что изначально вещи не существуют, — вот предел, вот вся бездна смысла, и добавить к этому нечего. Те, кто шли за ними, считали, что вещи существуют, но нет границ между вещами. Те, кто шли потом, считали, что границы между вещами существуют, но никакая вещь не может быть "этим" или "тем" [т.е. что ни об одной вещи нельзя сказать что-либо определенное — прим.]. Противопоставление "этого" и "того" — вот причина затемнения Пути"*. Таким образом, все нужное знание рождается из одного-единственного знания-осознания единства сущего.

2. *"Как ничтожна разница между обещанием и лестью, и как велика разница между добром и злом!"*. Одно дело — говорить о добре, другое дело — совершать его. Человек, постоянно стремящийся к чему-либо, загоняет себя в тупик (см. текст №1, пп.3,5,6 ком.), и в итоге может прийти в отчаяние (см. текст №18, п. 3 ком.). Поэтому Дао заключается не в постоянном стремлении к добру, а в *отрицании добра и зла, отрицании успеха и неуспеха, в нивелировке разницы между поруганьем и похвалой* (но! — мы можем возвести мысль о том, что между добром и злом нет никакой разницы (см. текст №2) в ранг очередной сухой концепции, и тем самым обесценить ее, сделать ее безжизненной, поэтому автор данного трактата играет на противоречиях, говоря теперь уже об огромной разнице между добром и злом).

В переводе А. Кувшинова этот путь Дао выражается следующим образом: *"Пытаясь оказать добро другим, мы причиняем им зло, разве не стоит нам отказаться от этого?"*. У Юй Кана читаем: *"Хвалить ли, хулить, — не одно ли и то же? Что зло, что добро, — уж так ли несхожи?"*. У Б.Б. Виноградского через риторические вопросы прослеживается та же мысль: *"Как далеко отстоят друг от друга почтительность и пренебрежение? Как далеко отстоят друг от друга добро и зло?"*

3. *"Надо избегать того, чего люди боятся"*. Вероятно, имеется в виду, что нужно бороться с самими источниками человеческих страхов, находящимися внутри человека, вместо того, чтобы устранять их внешние "поводы". Это и называется "перестать стремиться оказать добро другим". Если вы действительно хотите сделать кому-то добро, то попытайтесь помочь этому человеку изменить его внутренний мир. Но будьте осторожны — это не должно перерасти в гнетущее нравоучение!

В переводе А. Кувшинова рассматриваемая фраза выглядит так: *"То, чего страшатся люди, чего они не могут не бояться, так это оказаться в одиночестве, оставленным всеми, но никому не миновать этого!"*. Итак, мы должны преодолеть свою неполноценность, освободившись от страхов. Сделать это можно, только приняв их, осознав, что причины страха "не миновать"

(см. текст №2 (п.2 ком.), 7). Мы должны безусловно принять все сущее. Тогда нам уже не нужна будет ни ученость, ни верность вещам, а страх исчезнет сам собой.

Интересный перевод предлагает Б.Б. Виногородский: *"Если человека боятся, то и он не может не бояться"*. Здесь указывается на тонкий психологический факт: человек, пытающийся внушить страх другим, на самом деле просто неуверен в себе, и поэтому пытается создать "страшный образ".

Все приведенные переводы можно лаконично выразить в одной фразе: "Следует преодолевать страх путем осознания его ничтожности". Или же библейским: "В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви" (1 Ин. 4:18).

4. *"О! Я несусь! Кажется нет места, где мог бы я остановиться. Все люди полны желаний, только я один подобен тому, кто отказался от всего"*. Рассказчик отказался от накопления вещей и выбрал "ориентацию на бытие" (см. тексты №2, 10 (п. 6 ком)). Вот что значит "Я — сердце глупого человека". Глупцом кажется тот, кто не стяжает и не пытается "урвать кусок".

5. *"О, как оно пусто!"* — см. тексты №4, 11.

6. *"Все люди пытливы, только я один равнодушен"*. Счастье не в количестве знаний (см. текст №3, п. 5 ком., текст №20, п. 1 ком.). Напротив, *тот, кто стремиться много знать, часто движим чувством неуверенности в себе, боязнь прослыть глупцом*. Тот, кто стремится не к количеству, а к качеству знаний, должен осознать лишь одно, но сделать это всем сердцем. Тогда он может и называть себя равнодушным, но в переводе Юй Кана выбрано другое слово — *безмятежность...*

7. *"Только я один отличаюсь от других тем, что вижу основу в еде"*. Эта мысль уже обсуждалась в текстах №3 (п. 3 ком.) и №12 (п. 3 ком.), когда обсуждался символ "живота" как центра духовной энергии человека. Иными словами, *"видеть основу в еде"* значит видеть ее в своем *внутреннем психическом мире*.

Здесь также имеется намек на *отсутствие необходимости следовать строгой нравственности* (см. тексты №1, 18). Так

Дао критикует не только современное потребительское общество, но и традиционные религиозные ценности. Дзэн-буддизм во многом перенял даосскую философию, поэтому можно привести в пример одну дзэнскую притчу на этот счет: "Некто спросил мастера дзэн, в чем суть его духовной практики. Тот ответил: Когда я хочу есть — я ем. Когда хочу спать — я сплю". Может показаться, что этот мастер не делает ничего особенного, однако именно тот, кто жаждет чего-то особенного, как правило, и является эгоистом. В действительности же этот мастер делает очень многое. В продолжении притчи он говорит: "Когда вы едите, то вы делаете тысячу и одну вещь: вы думаете, мечтаете, воображаете, вспоминаете. Вы не только едите. Когда я ем, то я просто ем: тогда существует только еда и ничего больше". Таким образом, *сосредоточенность на еде служит, с одной стороны, способом самодисциплины, практикой сосредоточенного созерцания, а с другой — позволяет не упускать чувственную полноту жизни.* В даосских трактатах подчеркивается ценность радости жизни, полноты жизненных чувств.

В переводе Б. Виноградского: *"...в первую очередь я питаю то, что меня порождает"*. Таким образом, видеть основу в еде — значит видеть основу в Дао.

8. В целом комментируемый текст сводится к противопоставлению совершенному мудрому обычным людям. В связи с этим хотелось бы отметить замечания, встречающиеся в литературе по этому поводу. Даосский мудрец может казаться со стороны совсем обычным, даже неприметным, вероятно скромным человеком, ибо он все преодолевает и не стремится выделиться. Но в то же время он как будто "не от мира сего", и потому может показаться то ли сумасшедшим, то ли просто оригинальным человеком. Он живет своей собственной жизнью, своим исключительным взглядом на мир. Он живет богатством своего внутреннего мира, что позволяет ему ощущать свою жизнь как жизнь таковую; и так он *всцело погружен в жизнь.* В согласии с принципом недеяния в даосском трактате "Гуань Инь-цзы" утверждается: в том, что мудрый говорит, делает и мыслит, он не отличается от обык-

новенных людей, а в том, что мудрый не говорит, не делает и не мыслит, он отличается от обыкновенных людей.

21.

Содержание великого Дэ подчиняется только Дао. Дао бестелесно. Дао туманно и неопределенно. Однако в него туманности и неопределенности содержатся образы. Оно туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности скрыты вещи. Оно глубоко и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью. С древних времен до наших дней его имя не исчезает. Только следуя ему можно познать начало всех вещей. Каким образом мы познаем начало всех вещей? Только благодаря ему.

Комментарий:

1. *"Содержание великого Дэ подчиняется только Дао"*. Вы почувствуете благодатную силу в душе (Дэ) только тогда, когда увидите и примете действительность такой, какая она есть (Дао). В частности, вы почувствуете бодрость духа только тогда, когда примете свою наличную депрессию. Но при этом бодрость духа не должна быть неким "стимулом для принятия депрессии", когда мысли развиваются следующим образом: "хорошо, я буду терпеть свою депрессию, потому что таким образом снова смогу прийти к оптимизму". На самом деле само это "терпение" уже подразумевает "неприятие", и ни к какому оптимизму вы этим способом не придете. *"Принятие" есть нечто большее чем "терпение"*.

2. *"Дао бестелесно"*. Действительность не сводится к вещам. Скорее это то изначальное, что движет вещами. Физики уже давно вывели, что существует две формы материи: вещество и поле.

3. *"Дао туманно и неопределенно"*. Действительность нельзя выразить словами. В английском переводе Стивена Митчелла в начале данного текста значится следующее: *"Дао несхватываемо, как же мудрец знает о нем? Потому что он не привязывается к идеям"*. Таким образом, истина не сводится к идеям и концепциям, она выше этого. Но это не значит, что мы не должны иметь своего мнения. Вопрос в том, насколько мы от него зависим. Мы не должны зависеть от своих прежних взглядов: то, что оказалось истинным однажды, не обязано быть истинным вечно. И если мы встречаем необычные вещи, это не должно нас тревожить. Прежде всего, необходимо избавиться от фальшивых концепций и идей и взглянуть прямо в лицо действительности.

Дальнейшее упоминание "образов" и "вещей" намекает нам, что, несмотря на свою туманность и неопределенность, Дао все же существует, оно познаваемо, и является конечной истиной и реальностью.

4. *"Оно глубоко и темно"*. Действительность не доступна простому обывателю. Дальнейшее упоминание тончайших частиц (в оригинале — семян) указывает на *"семена жизни"*, которые содержатся в Дао. Именно оно дает нам жизненные силы, рождает желание творить и ощущать ("жить полной жизнью").

5. *"С древних времен до наших дней его имя не исчезает"*. Это значит, что мы имеем возможность познать Дао (хотя оно и туманно, и неопределенно, и глубоко, и темно). Голос жизни всегда теплится внутри нас: даже в жесточайшие невзгоды мы испытываем надежду, верим в лучшее, и когда это лучшее приходит, то чувствуем себя полными жизни, будто ничего плохого и не случилось (конечно, вместо цепляния за надежды следует принимать данность, но этот пример, по крайней мере, иллюстрирует тот факт, что Дао не исчезает).

6. *"Каким образом мы познаем начало всех вещей? Только благодаря ему"*. Если вы любите жизнь, вы видите Бога в каждой вещи, в каждом человеке. Но для этого Бог должен быть внутри вас (ведь раз "Бог есть любовь", он и есть "любовь к жизни").

Вы сами должны пустить Его туда. Здесь нет никакой теологии или излишней религиозности, вам не обязательно верить в доброго дядьку на небесах или в легенды из прошлого. Стоит лишь почувствовать нечто важное внутри вас, и если вы это сделаете, то сами назовете это святым. Это важное — творческая любовь, жизнеутверждающий поток, постоянно переливающийся через края самого себя вовне; мы все способны на такую любовь, и это — и есть Бог внутри нас, который одновременно *"начало всех вещей"*. Как писал Фейербах, Божественная сущность — это ни что иное, как человеческая сущность, освобожденная от тела; нет Бога вне человека, Бог — в нас самих. Так и в индуистских Упанишадах говорится: Атман (личностное я, сознание) и есть Брахман (Бог, весь мир). И так, чтобы узнать Божественное во всем сущем, надо познать себя (одновременно: чтобы увидеть самоценность человека и начать относиться к другим как к себе, нужно сначала увидеть человека в самом себе; любовь к другим людям начинается с любви к себе, которая противоположна эгоизму). У Стивена Митчелла читаем такой перевод комментируемых строк: *"Как я понимаю, что Дао есть истина? Я просто смотрю вглубь себя и вижу"*.

22.

В древности говорили: "Ущербное становится совершенным, кривое — прямым, пустое — наполненным, ветхое сменяется новым; стремясь к малому, достигнешь многого; стремление получить многое ведет к заблуждениям". Поэтому совершенномудрый внимлет этому поучению, коему необходимо следовать в Поднебесной. Совершенномудрый исходит не только из того, что сам видит, поэтому может видеть ясно; он не считает правым только себя, поэтому может обладать истиной; он не прославляет себя, поэтому имеет заслуженную славу; он не возвышает себя, поэтому он старший среди других. Он ничему не противоборствует, поэтому он непобедим в Поднебесной. Слова древних: "Ущербное

становится совершенным..." — разве это пустые слова? Они действительно указывают человеку путь к [истинному] совершенству.

Комментарий:

1. *"...стремление получить многое ведет к заблуждениям".* Слово заблуждение можно перевести также как "тревоги". Чем больше мы имеем, тем больше мы можем потерять, поэтому *богатство рождает тревогу* (см. текст №9, ком. 3). Или, как пишет Р. Генон, "чем больше у человека потребностей, тем больше шансов, что ему чего-то будет не доставать, и поэтому он будет несчастлив". Да и в самом процессе стремления к богатству мы постоянно думаем о том, что у нас может не получиться. Мы боимся, что все наши усилия окажутся напрасными. Поэтому *стремление к богатству также рождает тревогу*. Между тем, если бы мы жили настоящим моментом, который только и существует, если бы мы больше внимания уделяли самому процессу действия, а не его конечному результату, то подобных тревог можно было бы избежать (см. текст №39).

Также следует указать на еще один аспект рассматриваемой фразы. Когда мы стремимся к чему-либо, то не всегда представляем, что именно достигнутая нами цель влечет за собой. Заводя домашнее животное, чтобы играть с ним, мы можем и не догадываться, сколько хлопот потребуется с нашей стороны для его содержания. Так, мы получим не только то, что хотели, но и то, что нам не нравится. Аналогично если человек хочет стать знаменитым, то он должен быть готов к тому, что будучи знаменитым, он уже не сможет спокойно прогуляться на улицах своего родного города, не отвлекаясь на докучливых поклонников и просто людей, не упускающих шанса сфотографироваться со звездой (пусть даже лично им не интересной). Поэтому: *сначала мы боимся не достичь, потом достигаем не того, чего хотели, а если даже и достигаем желаемого, то боимся его потерять* (ср. с текстом №13). Одновременно из рассмотрения следующей фразы будет

видно, что мы в любом случае либо теряем достигнутое, либо перестаем его желать.

2. *"Поэтому совершенномудрый внемлет этому поучению, коему необходимо следовать в Поднебесной"*. В оригинале используется термин *"единое"*. Подразумевается, что в этом мире все постоянно изменяется, и потому, достигая какой-либо цели, ты не сможешь удержать достигнутого. *Изменяется положение дел, изменяются сами твои желания. Так, за одними целями следуют другие, и этот бег по кругу может продолжаться до самой смерти.* Между тем тот, кто счастлив и удовлетворен, больше ни к чему не стремится. Как же можно достичь этого? Решение в том, что *для счастья не нужно стремиться к тем целям, которые свойственны нашей повседневной жизни.* Такое стремление ни к чему не приведет. Но если, посмотрев на все полярности материального мира, мы воспримем их одинаковым образом, как часть *"единого"*, то все стремления отпадут сами собой, и мы почувствуем великую свободу. Об этом и говорили, согласно комментируемому тексту, *"древние"*. Так, в переводе Юй Кана слова *"ущербное становится совершенным"* переведены как *"частное — приобщается"* (к Единому). Другие полярности, о которых идет речь далее (кривое — прямое, пустое — наполненное) могут рассматриваться в этом же контексте, и совершенномудрый является идеалом в Поднебесной именно потому, что приобщается и возвращается к чему-то общему, которое он видит за всеми полярностями; он есть *"объемлющий сердцем Единое"* (Юй Кан). В европейской философии ярким апологетом всеединства был Бенедикт Спиноза, который учил, что первозаданную гармонию можно обрести, увидев себя как часть Вселенной, связанным с ней физически и духовно, и познав объективную необходимость свершения во Вселенной тех или иных процессов. Эти соображения могут показаться достаточно отвлеченной от реальной жизни философией, однако на самом деле нет ничего ближе к реальной жизни. Мы действительно тотально связаны с остальным миром, что несложно доказать (см., напр., ком. к текстам №1, 11, 62). Но если мы едины с внешней реаль-

ностью, то она в принципе не может нас ни к чему принуждать. Всякое наше страдание возникает лишь из разделения мира на себя и на внешнюю реальность. Всякое счастье, в свою очередь, заключается в принятии истины всеединства. Это можно выразить во фразе: *богат тот, кому меньше всего надо*. Единство с природой, однако, не означает отказ от борьбы за свою жизнь, поскольку инстинкт самосохранения является такой же важной частью человеческой природы, как и склонность к сочувствию, взаимопомощи и любви. В чем же тогда состоит сознание себя в единстве с миром? Согласно Спинозе, человек должен поступать разумно, а именно отбросить эгоистические страсти, но сохранить подлинные (безвредные) чувства, пробуждающие в нас творческую активность и жизнерадостность. В этом случае единство с природой и счастье бесконфликтно сочетаются друг с другом.

3. *"Совершенномудрый исходит не только из того, что сам видит, поэтому может видеть ясно; он не считает правым только себя, поэтому может обладать истиной"*. Здесь в самой общей форме постулируется принцип объективного познания. Говоря строго научно, абсолютная истина не доступна ни одному человеку. Это обусловлено и несовершенством нашего разума, и ограниченностью органов чувств (зрения, слуха и пр.). Все, что мы можем иметь — это истина относительная. Но будь истина абсолютной или относительной, она в любом случае должна быть объективной. Относительная истина должна быть объективна хотя бы по отношению к самому познающему. Иными словами, выводы исследования не должны зависеть от осознанных и бессознательных желаний и предпочтений исследователя. Он должен быть свободен от самого себя. *Объективность, в принципе, и есть свобода, а свобода — это залог счастья*.

В этом, к слову, сходятся практически все религиозные и философские учения. Поиск истины — первоочередная задача человека. *Человек вообще является собой лишь в той мере, в какой он стремится к истине*. Через истину он обретает свободу и независимость. Так он становится целью в себе, а не средством

для удовлетворения потребностей окружающих. *Одновременно истина порождает любовь ко всем окружающим людям.*

"Дао дэ цзин" — это одновременно религиозный и философский трактат. Современная философия уже давно не касается вопросов души, занимаясь чем угодно, кроме действительно важных вещей. Беда религий, в свою очередь, состоит в том, что с течением времени они превратились в идеологии церковных организаций, и выработали собственные догмы, оспаривать которые запрещается⁶. Однако если вы хотите следовать Дао (и заботиться о душе), вам нужно полагаться не на догмы, а на собственное критическое мышление. Вот почему в "Дао дэ цзин" так много иносказаний (часто его автор чуть ли не боится что-либо утверждать, даже если очень уверен в том, что говорит), вот почему в нем утверждается, что словами не познать истину, хотя сам он и есть совокупность слов! Все это должно подстегивать читателя к самостоятельному мышлению.

Жаль, что даосизм как религия частично исказил этот дух Дао. То же самое, впрочем, можно сказать и об остальных религиях, которые изначально были направлены на поиск истины, но впоследствии обросли догмами (Иисус Христос, например, говорил: "истина сделает вас свободными" — он вовсе не призывал нас использовать веру в Бога в качестве способа уйти от необходимости мыслить, принимать самостоятельные решения; он утверждал: "Царствие Божие внутри вас" — и вовсе не хотел, чтобы мы грезили каким-то "небесным" раем). Но если говорить не о даосизме, а именно о даосской философии, то она, равно как и дзэн-буддизм, воспринявший многое из учения о Дао, — суть явления, отличные как от традиционной религии, олицетворяющей догматику, так и от традиционной философии, не заботя-

⁶ Вообще, в каждой религии есть свои достоинства и недостатки, и это связано с тем, что любая жизнетворная идея рано или поздно закисневает. И если мы призадумаемся, в чем же заключается жизнетворность религии, а в чем ее косность, то не найдем слов, лучших чем у М. Горького, который писал: "Ложь — религия рабов и хозяев... Правда — бог свободного человека!".

щейся о душе. Следовать Дао — значит не отворачиваться от истины, какой бы она ни была, и тем самым сохранять свою душу. *Ибо чистый разум есть, в сущности, сама свобода* (свобода — это не вседозволенность, а умение следовать разуму, или, по выражению Спинозы, осознание необходимости)⁷.

⁷ Исходя из критерия способствования становлению самостоятельного (то есть свободного, разумного в мыслях и действиях) человека, известный философ Э. Фромм делил все религии на авторитарные и гуманистические. При этом следует отметить, что под религией он понимал любую систему ценностей, отвечающую на вопрос человеческого существования (придающую жизни смысл, указывающую путь к гармонии с миром), и в этом смысле под понятие религии подводятся очень многие сугубо философские учения. Фромм определял гуманистическую религию как ту, которая "избирает центром человека и его силы", и писал о ней следующее: "Человек должен развить свой разум, чтобы понять себя, свое отношение к другим и свое место во Вселенной. Он должен постигнуть истину, сообразуясь со своей ограниченностью и своими возможностями. Он должен развить способность любви к другим, как и к себе, и почувствовать единство всех живых существ. Он должен обладать принципами и нормами, которые вели бы его к этой цели. Религиозный опыт в таком типе религии — переживание единства со всем, основанное на родстве человека с миром, постигаемым мыслью и любовью. Цель человека в гуманистической религии — достижение величайшей силы, а не величайшего бессилия; добродетель — в самореализации, а не в послушании. Вера — в достоверности убеждения, она основана на опыте мысли и чувства, а не на том, чтобы бездумно принимать чужие суждения. Преобладающее настроение — радость, а не страдание и вина, как в авторитарной религии. В случае если гуманистические религии теистичны, бог в них является символом сил самого человека, реализуемых им в жизни, а не символом насилия и господства, не символом власти над человеком". Фромм отмечал, что во многих религиях и учениях переплетаются гуманистические и авторитарные черты, называя даосизм одним из примеров гуманистической религии. В связи с этим хотелось бы обратить особое внимание читателя на приведенную здесь характеристику гуманистической религии: она способна дать лучшее представление о сущности Дао. Авторитарная религия, по Фромму, отчуждает человека от его собственных сил, являя ему некую внешнюю божественную

4. *"Он ничему не противоборствует, поэтому он непобедим в Поднебесной"*. Совершенномудрый обрел гармонию с миром, узрев Единое во множестве вещей. Он не бросается в крайности; благодаря чуткости и сознательности его движения соответствуют движению мира, они осторожны и гибки. В этом и есть "недеяние" и следование Единому.

23.

Нужно меньше говорить, следовать естественности. Быстрый ветер не продолжается все утро, сильный дождь не продержится весь день. Кто делает все это? Небо и земля. Даже небо и земля не могут сделать что-либо долговечным, тем более человек. Поэтому он служит Дао. Кто [служит] Дао, тот тождественен Дао. Кто [служит] Дэ, тот тождественен Дэ. Тот, кто теряет, тождественен потере. Тот, кто тождественен Дао, приобретает Дао. Тот, кто тождественен Дэ, приобретает Дэ. Тот, кто тождественен потере, приобретает потерянное. Только сомнения порождают неверие.

Комментарий:

1. *"Кто [служит] Дао, тот тождественен Дао. Кто [служит] Дэ, тот тождественен Дэ. Тот, кто теряет, тождественен потере. Тот, кто тождественен Дао, приобретает Дао. Тот, кто тождественен Дэ, приобретает Дэ. Тот, кто тождественен потере, приобретает потерянное"*. Прежде всего отметим: тождественность потере означает, что тот, кто теряет связь с Дао и Дэ, не имеет ничего, кроме потерь; в то же время тот, кто служит Дао и Дэ, полностью отдает себя миру, но тем самым приобретает нечто большее по сравнению с тем, что он отдал. Таким образом, в рассматриваемом фрагменте указывается на пользу пути Дао

силу, которой нужно подчиняться и которой нельзя перечить. Фромм подчеркивал, что такая религия делает человека злым и подавленным, лишая его разума, веры и любви. См. в этой связи текст №18, ком. 3.

и Дэ. Необходимо пояснить, в чем она заключается. Тот, кто хоть раз испытывал чувство любви ко всему миру, должен понять это. Именно это чувство, проистекающее из внутренней очищающей психической силы, позволяет нам жить в мире страданий и пороков, и вместе с тем — радоваться такой жизни. Из любви к миру необходимо следует любовь к себе как части этого мира. Такая любовь противоположна эгоизму и нарциссизму, которые, в свою очередь, на самом деле проистекают из нелюбви к себе, из неприятия своей таковости и из желания "заполнить" себя чем-то внешним (вещами, похвалой и вниманием других людей и пр., см. текст №9). Настоящая любовь к себе сочетается с любовью к другим людям, и вообще — ко всему сущему. Отметим, что под любовью к миру не следует понимать "любовь" к некоему абстрактному образу всего сущего — совокупному образу вещей, людей и событий — это есть любовь к самим реальным вещам, людям и событиям, а не к каким-то их мысленным образам. И вот эта любовь к миру и людям порождает желание творить на благо мира и других людей. Но если вы попытаетесь, повинувшись чьим-либо нравоучениям, служить людям, не имея в себе этой любви, то очень скоро можете почувствуете боль утраты и злость, ведущие к эгоизму. И все потому, что пытаетесь отдать миру то, чего сами не имеете. В то же время, если вы служите Дао и Дэ, то *вы обретаете любовь, и потому все нравоучения для вас излишни*: вы сами желаете быть нравственным, вы испытываете радость от самопожертвования, ибо наблюдаете в нем выражение своей жизнеспособности, своего душевного богатства. В этом и состоит польза Дао и Дэ. Речь идет об определенном состоянии сознания, дарующем ощущение безграничной свободы, и желание быть нравственным (любовь, кстати, можно понимать именно как общее состояние, а не как конкретное чувство). Без него нет смысла в аскетизме и самопожертвовании: тогда они принесут лишь вред. Так и в Библии говорится: "Всякому имущему дано будет, а у неимущего отнимается и то, что имеет". Именно в этом ключе следует понимать комментируемый фрагмент, и именно этим (состоянием сознания) Дао отличается от крайней духовности,

которая есть ни что иное, как "страсть". "Дао дэ цзин" выступает за "полноту жизненных свойств", которая сама по себе выше любой нравственности, и является ее условием и основанием.

2. *"Только сомнения порождают неверие"*. В переводе А. Кувшинова: *"Доказывающий не знает, знающий не доказывает"* (см. текст №17, п. 4 ком., также тексты №56, 81). В переводе Юй Кана: *"Кто не преисполнен доверия, тому — не доверяются"*, сходен с этим и перевод В. В. Малявина (см. текст №17, п. 3 ком.). У Б. Виноградского: *"Если в тебе самом недостаточно веры, тогда и мир не сможет поверить в тебя"*.

24.

Кто поднялся на цыпочки, не может [долго] стоять. Кто делает большие шаги, не может [долго] идти. Кто сам себя выставляет на свет, тот не блестит. Кто сам себя восхваляет, тот не добудет славы. Кто нападает, не достигает успеха. Кто сам себя возвышает, не может стать старшим среди других. Если исходить из Дао, все это называется лишним желанием и бесполезным поведением. Таких ненавидят все существа. Поэтому человек, обладающий Дао, не делает этого.

Комментарий:

1. В данном тексте снова говорится о вредоносности чрезмерных стремлений (см. также ком. к тексту №1). Лишь если мы помним о настоящем моменте, мы сможем строить те или иные планы на будущее, стремиться к чему-либо, не становясь заложниками этого будущего. Поэтому вместо того, чтобы жить завтрашним днем, "Дао дэ цзин" предлагает нам окунуться в сегодняшний. Сэндзаки Неген писал: "Человеческое стремление является причиной страдания, а страдание приносит стремление еще к чему-то другому, таким образом человек никогда не может избежать сансары, беспокойства, суетной мирской жизни".

2. Иисус Христос, между прочим, призывал нас к тому же, говоря следующее: "Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малOVERы! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы".

Отметим и даосский трактат "Чжуан-цзы", также призывающий к природной простоте. В нем говорится: "Птица, выющая гнездо в лесу, довольствуется одной веткой. Полевая мышь, пришедшая на водопой к реке, выпьет воды ровно столько, сколько вместит ее брюхо".

3. Буквальное толкование рассматриваемого текста дает следующий смысл: не следует пытаться прыгнуть выше всех, бежать быстрее всех, прославиться своими достижениями и завоевать авторитет. У каждого человека свое место в мире. Как говорится в "Чжуан-цзы", "даже если у повара на кухне нет порядка, хозяин дома и распорядитель жертвоприношений не встанут вместо него к кухонному столу", равно как и наоборот. Поэтому глупо мечтать быть самым сильным, известным, богатым, умным, талантливым и пр. Действительно, если вы преуспели в чем-то, это еще не значит, что случилось нечто хорошее. Возможно, следовало бы направить свои усилия и способности на достижение чего-то более полезного, а вместо этого вы потратили время просто на то, чтобы выделиться из толпы! На вас, конечно, обратят внимание, но ведь не каждый выделяющийся выделяется чем-

то хорошим. Одновременно фраза *"таких ненавидят все существа"* указывает, что тот, кто выделяется из общей массы, неизбежно вступает с ней в конфликт, тогда как счастье заключается в гармонии со всем, достигаемой не разделением, а единством. В итоге, когда человек поймет бессмысленность своих устремлений, все то, что он достиг, будет внушать ему отвращение. Большинство людей, конечно, бегут от этого подспудного чувства, пытаются внушить себе, что проделали огромную работу не зря, но такой самообман приводит лишь к тому, что одни и те же ошибки совершаются снова и снова, а истина, которая, по словам Христа, должна сделать нас свободными, становится от нас все дальше.

4. В английском переводе Стивена Митчелла, между тем, утверждается: *"Кто цепляется за свою работу, не создаст ничего для потомков"*.

5. *"Кто сам себя выставляет на свет, тот не блестит"*. Тот, кто погружен в постоянные стремления, ищет славы, тот не является "просветленным". В целом, в данном тексте автор высмеивает тщеславие, а также бесполезные попытки наполнить себя мыслями и чувствами. Результаты таких попыток, как правило, оказываются противоположны нашим ожиданиям. Мы думаем, что это лишь случайность, и не хотим поверить, что в этом — всеобщий закон. Мы думаем, что еще чуть-чуть напряжения, жертв, терпения, и достигнем гармонии и счастья, но это чуть-чуть будет длиться вечно, если мы не следуем Дао.

25.

Вот вещь в хаосе возникающая, прежде неба и земли родившаяся! О, беззвучная! О, лишенная формы! Одиноко стоит она и не изменяется. Повсюду действует и не имеет преград. Ее можно считать матерью Поднебесной. Я не знаю ее имени. Обозначая иероглифом, назову ее Дао; произвольно давая ей имя, назову Великое. Великое — оно в бесконечном движении. Находящееся в бесконечном движении не достигает предела.

Не достигая предела, оно возвращается [к своему истоку]. Вот почему велико Дао, велико небо, велика земля, велик также и государь. Во Вселенной имеются четыре великих, и среди них — государь. Человек следует [законам] земли. Земля следует [законам] неба. Небо следует [законам] Дао, а Дао следует самому себе.

Комментарий:

1. *"Вот вещь в хаосе возникающая..."*. Истинный путь возникает в спонтанности. *Спонтанность действий вовсе не означает потворство сиюминутным прихотям*. В состоянии осознанности такое потворство невозможно, потому что человек понимает вред рабства у чувств. Один раз он оступится, но быстро поймет ошибку, и поэтому уже в следующий миг его спонтанность выразится в извинениях и стремлении загладить вину. Итак, в спонтанности нет никакого вреда. Тем более что Дао не просто спонтанно, но также спокойно и пусто (см. тексты 4,11). *"О, беззвучная!"* означает "О, спокойная!". *"О, лишенная формы"* означает "О, пустотная!". В понимаемой таким образом спонтанности нет места страстям.

2. *"Я не знаю ее имени. Обозначая иероглифом, назову ее Дао; произвольно давая ей имя, назову Великое"*. В Китае принято давать ребенку два имени: первое при рождении, а второе по достижении совершеннолетия. Здесь автор говорит о том, что не знает первого имени "матери Поднебесной" (вероятно потому, что при ее возникновении еще не существовало никого, кто мог быть дать ей имя), но может дать ей второе имя — Дао. *"Коли вынужден дать и первое — называю Его Великим, а Великого — Ускользающим, Ускользающего — Удаляющимся, Удаляющегося — Превращающимся [переходящим в свою противоположность]"* (Юй Кан). Здесь имеется в виду, что *когда ты увлекаешься именами вещей (чем-то поверхностным), их сущность (главное) ускользает от тебя*. Так, если ты только что чувствовал Дао, но принялся исследовать это чувство, либо, еще хуже, всем об этом разбал-

тывать, то оно быстро ускользнет от тебя и превратится в свою противоположность (в подавленность, злость и эгоизм).

3. *"Находящееся в бесконечном движении не достигает предела. Не достигая предела, оно возвращается [к своему источку]"*. Дао порождает множество материальных превращений, которые мы наблюдаем чуть ли не ежесекундно. Этим превращениям нет предела, и поэтому нам нужно сконцентрироваться не на них, а на более важном. Только тогда мы увидим, что *"велико Дао, велико небо, велика земля, велик также и государь"*. Под государем здесь понимается человек как таковой. Далее по тексту еще раз подчеркивается, что велико не только Дао, небо и земля, но и жизнь человека.

В связи с этим полезно помнить о том, что мы не должны делать свои подлинно человеческие качества — разумность и способность к труду — исключительно средством поддержания своего физического существования и обеспечения своего материального процветания: человек является человеком (и обладает ценностью как *"государь"*) лишь постольку, поскольку он свободен от индивидуальных физических потребностей и может направить свое сознание и свое творчество на благо других людей и всего мира в целом, видя в этих объектах ту же самую сущность (материальную и духовную), что и в себе самом. Именно поэтому *подлинно человеческим состоянием является любовь*.

4. *"Человек следует [законам] земли. Земля следует [законам] неба. Небо следует [законам] Дао, а Дао следует самому себе"*. У Б. Виноградского: *"Человек берет за образец Землю. Земля берет за образец Небо. Небо берет за образец Путь. А образцом для пути является он сам в своей естественности"*.

"Дао следует самому себе". Эту фразу можно перевести как *"Дао следует естественности"*. (Б. Б. Виноградский в примечании к своему переводу пишет о том, что иероглифы, переводимые им как *"самопроизвольная естественность"* могут обозначать также природную среду и природу в целом.)

26.

Тяжелое является основой легкого. Покой есть главное в движении. Поэтому совершенномудрый, шагая весь день, не отходит от [телеги] с тяжелым грузом. Хотя он живет прекрасной жизнью, но он в нее не погружается. Почему властитель десяти тысяч колесниц, занятый собой, так пренебрежительно смотрит на мир? Пренебрежение разрушает его основу, а его торопливость приводит к потере власти.

Комментарий:

1. *"Тяжелое является основой легкого"*. Все познается в сравнении. Как сказал Протагор, "человек есть мера всех вещей". Так же, как не существует ничего объективно тяжелого или легкого, нет и объективного добра и зла, нет априори важного или неважного. "Что вообще значат такие слова как "важно" или "не важно"? "Важно" иметь хорошую память? Тот, кто имеет плохую — плохой человек? Разве не существует много дебилов с хорошей памятью?" (Кодо Саваки). Эта цитата побуждает строить некую иерархию ценностей, расставлять приоритеты, но если до конца углубляться в этот вопрос, то станет ясно, что нет ни высших ни низших ценностей, нет вообще ничего объективно важного, равно как и объективного критерия для разграничения противоположностей. *Все противоположности — лишь продукт нашей умственной деятельности.*

2. *"Покой есть главное в движении": сохранение внутреннего спокойствия и непредвзятости есть главное условие всякой деятельности.*

3. *"Поэтому совершенномудрый, шагая весь день, не отходит от [телеги] с тяжелым грузом"*. Тот, кто помнит о сказанном выше, совершит много дел, но не устанет, создаст много вещей, но не станет их рабом, построит много планов, но не забудет в процессе их осуществления про главное, он не запута-

ется в буднях. Ибо, *"хотя он живет прекрасной жизнью, но он в нее не погружается"*. Он не уходит, словно отшельник, в лес, и не прибегает к бесполезным лишениям. Он наслаждается чувственным миром, как все люди, но в отличие от них не позволяет себе стать зависимым от чувств. *На самом деле, если что-то действительно идет вам во вред, то достаточно просто ясно осознать это, почувствовать данную истину всем своим существом, и тогда вы найдете достаточные силы, чтобы тут же отказаться от разрушающих наслаждений* (если вы вправду осознали их разрушительность и не пытаетесь обманывать себя, то в ту же секунду они просто перестанут быть наслаждениями.) Перевод у Б. Виноградского: *"И даже если он видит впереди прекарные возможности для улучшения жизни, это не нарушает его покоя, и он легко проходит мимо"*.

4. *"Почему властитель десяти тысяч колесниц, занятый собой, так пренебрежительно смотрит на мир?"*. Потому что он пытался обрести счастье путем установления господства над людьми и вещами, но не сумел. Желание господствовать было выражением его подсознательной неуверенности в себе, однако он так и не решился действительно *"заняться собой"*. Он предпочитал заниматься внешними вещами. Теперь он владеет многим, но страшно боится потерять это, потому что тогда потеряет и уверенность в себе. Он снова и снова пытается продемонстрировать миру свою власть, и поэтому относится к нему *"пренебрежительно"*. Это его зависимость. Пренебрежение проявляется не только к людям, но и вещам, которые он приобрел, потому что они также — лишь его "неживые подданные". А если пренебрежительно смотришь на свои богатства, какая в них польза? Так *"пренебрежение разрушает твою основу"*, а желание постоянно что-то делать (*"торопливость"*, или же беспокойность, суетность в делах) приводит к потере власти (над собой!). Совершенно мудрый, в противоположность сказанному, чрезвычайно дорожит своей жизнью, и именно поэтому отказывается от власти и вещей (но не от мирских удовольствий).

Умеющий шагать не оставляет следов. Умеющий говорить не допускает ошибок. Кто умеет считать, тот не пользуется инструментом для счета. Кто умеет закрывать двери, не употребляет затвор, и закрывает их так крепко, что открыть их невозможно. Кто умеет завязывать узлы, не употребляет веревку, [но завязывает так прочно], что развязать невозможно. Поэтому совершенномудрый постоянно умело спасает людей и не покидает их. Он всегда умеет спасать существа, поэтому он не покидает их. Это называется глубокой мудростью. Таким образом, добродетель является учителем недобрых, а недобрые — ее опорой. Если [недобрые] не ценят своего учителя и добродетель не любит свою опору, то они хотя и [считают себя] разумными, погружены в слепоту. Вот что наиболее важно и глубоко.

Комментарий:

Данный текст снова обращается к проблеме недеяния. Не нужно пользоваться инструментом для счета, веревкой и пр., чтобы достичь успеха. У С. Митчелла: *"Хороший путешественник не имеет фиксированного плана"*.

Точно так же не нужно пытаться быть добродетельным, чтобы совершать добрые поступки. В противном случае вам будет трудно сознаваться себе в собственном несовершенстве, и вы не сможете быть честным с самим собой. Это будет первым шагом, разделяющим вас с реальностью. Так добродетель становится *"учителем недобрых"* (тех, кто врет самому себе, и поэтому далек от счастья). Далее "недобрый" человек, подспудно чувствуя свою несостоятельность на выбранном поприще, постарается сделать добрее раз уж не себя, то хотя бы других людей. Это желание возникает у таких людей довольно часто. Так его "добро" обращается навязчивым нравоучением. Причем нравоучением

с паническим оттенком, потому что в подсознании у человека будет сидеть мысль: "Если мои нравоучения не принесут пользу, то все мои стремления постигнет полный провал!". Так стремление к добру уничтожает добро. Но если вы будете жить сегодняшним днем, не строя планов, и при этом постараетесь быть честным с самим собой, то добродетель сама придет к вам. *"Это называется глубокой мудростью"*.

В связи со сказанным интересно отметить следующую фразу в переводе рассматриваемого текста А. Кувшиновым: *"И потому тот, кто стремится улучшить жизнь людей, не может быть им хорошим наставником; тот, кто не стремится оказать благодеяние людям, тем легче может помочь им"*.

Настоящая добродетель начинается с того, что человек готов признать зло не только в других людях, но и в самом себе, а также невозможность искоренения этого зла. Тогда, лишившись всякой надежды, он перестанет заглядывать в будущее, примет то, что познал, и попытается просто делать то хорошее, что он может, не особо задумываясь над тем, что он может, и что есть "хорошее". Этим его "недеяние" будет отличаться от попустительства. Нравственное попустительство, напротив, свойственно тем, кто разочаровался в собственной добродетели и сам не заметил, как потерял интерес ко всему живому, став эгоистом. Итак, совершенномудрый открыт всему случающемуся в мире, словно *"дверь без замка"*. Тем самым он сохраняет *"узел"* своей личности, не используя веревку.

28.

Кто, зная свою храбрость, сохраняет скромность, тот [подобно] горному ручью, становится [главным] в стране. Кто стал главным в стране, тот не покидает постоянное Дэ и возвращается к состоянию младенца. Кто, зная праздничное, сохраняет для себя будничное, тот становится примером для всех. Кто стал примером для всех, тот не отличается от постоянного Дэ и возвращается к изначальному. Кто, зная свою славу, сохраня-

ет для себя безвестность, тот становится главным в стране. Кто стал главным в стране, тот достигает совершенства в постоянном Дэ и возвращается к естественности. Когда естественность распадается, она превращается в средство, при помощи которого совершенномудрый становится вождем и его великий порядок не разрушается.

Комментарий:

1. *"Кто, зная свою храбрость, сохраняет скромность, тот [подобно] горному ручью, становится [главным] в стране"*. Это можно понимать так: "Кто не растрачивается на мелочные цели и не стремиться иметь власть над людьми, кто тратит свои духовные силы действительно на стоящие цели, тот способен вместить в себя весь мир, словно ущелье вмещает реку, и обретает власть над самим собой, над той страной, что внутри него (а внутри него — мир)". Стремление обрести власть над людьми и внешним миром часто свидетельствует о надменности и кичливости человека, и не может считаться достойной целью. Но кто, зная свои славные качества, признает, что в нем есть и позор, тот обретет нечто большее — власть над собой, а это значит — над своей судьбой.

2. *"Кто стал главным в стране, тот не покидает постоянное Дэ и возвращается к состоянию младенца"*. Это значит: "Кто обрел власть над собой, тот и обрел власть над миром, и слившись с ним, избавился от стремления различать; он вновь обрел непосредственность, искренность и жизнерадостность ребенка".

3. *"Кто, зная праздничное, сохраняет для себя будничное, тот становится примером для всех"*. Кто, видя белое, помнит о черном, тот смотрит на мир объективно, и истина открыта ему. Кто не теряет голову от празднеств, и в окружении страстей сохраняет здравый рассудок, тот действительно является примером для всех. Одновременно этими качествами он отличается от ребенка. У В. В. Малявина: *"Знай свое светлое, но блюди свое темное: станешь образцом для Поднебесного мира"*. Итак, мы

должны мыслить позитивно, верить в успех и возможности людей, ибо мысли материализуются, и все мы определяемся тем, что мы думаем, но при этом важно понимать, что *позитивное мышление это не означает забвение негативных явлений в жизни*, оно не означает призыв "видеть мир сквозь розовые очки", как это бывает у детей. Аналогично *в наслаждениях мы должны знать меру*, что также обычно недоступно детям.

4. *"Кто, зная свою славу, сохраняет для себя безвестность, тот становится главным в стране. Кто стал главным в стране, тот достигает совершенства в постоянном Дэ и возвращается к естественности"*. Эти строки по смыслу повторяют те, что обсуждались в пп. 1, 2. Видя славу, нужно помнить о позоре, о том, что этот позор может последовать за славой, и лишь тем, что он следует за славой, он и будет плох. Забираясь на вершину горы, помни о том, как больно с нее падать, как трудно дышать при тамошнем разреженном воздухе, и как там одиноко. Если ты действительно помнишь обо всем этом, и тем не менее, не оставляешь своей цели, значит ты прав.

"Иисус же, узнав, что хотят прийти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один" (Ин. 6:15).

Перевод В. В. Малявина: "Зная свою славу, но блюдя себя в умалении, станешь долиной Поднебесного мира". Долина здесь олицетворяет пустотность (см. ком. к тексту №11).

5. *"Когда естественность распадается, она превращается в средство, при помощи которого совершенномудрый становится вождем и его великий порядок не разрушается"*. Сохраняя спонтанность и естественность действий, совершенномудрый способен на великие свершения. *"Потому что великий порядок свободен от распорядка"* (в переводе А. Кувшинова). В оригинале используется иероглиф "пу", означающий не только естественность, но "дерево", "дуб". Таким образом, человеку следует быть *простым, словно необработанная древесина*: см. текст №15. У В. В. Малявина этот иероглиф переведен как *"цельный ствол"*, благодаря чему подчеркивается важность сохранения целостной, уверенной в себе личности, берегущей свои "корни",

то есть свою душу. Переводчик указывает, что ""необработанное дерево" — неоднократно встречающаяся в "Дао дэ цзине" метафора "первозданной цельности" бытийствующего (и, следовательно, бодрствующего) сознания, слитого с Путем. Такое сознание есть также воплощенная простота и безыскусность, "отсутствие желаний"".

Итак, в комментируемом предложении можно увидеть восхваление и естественности, и простоты, и душевной гармонии. Все это есть возвращение к первозданной целостности, к единству с природой. Одновременно последняя строка гласит: *"Великий резчик ничего не разрезает"* (по В. В. Малявину). "Разрезание" (иероглиф "чжи") может быть переведено как упорядочивание, поэтому допустим и следующий перевод: *"Великое управление не делает различий"*. В этой строке, какой бы перевод бы ни был выбран, прослеживается намек на всеединство сущего, равноценность любых событий (любое событие можно воспринять позитивно!), равную значимость личностей (каждую личность, будь она трижды испорчена и ничтожна, следует уважать), а также на недопустимость растрачиваться в мелочах.

б. У Юй Кана в комментируемом тексте прослеживается следующая мысль: мужчина должен помнить о женском, обладающий ясным умом — о темноте ума, а прославившемуся не стоит забывать о том, что такое бесчестие. В этом залог объективного взгляда на мир.

По С. Митчеллу: сохраняя мужское, помни о женском, познав белое, не забывай черное, чувствуя персональное, знай и об имперсональном.

29.

Если кто-нибудь силой пытается овладеть страной, то, я вижу, он не достигает своей цели. Страна подобна таинственному сосуду, к которому нельзя прикоснуться. Если кто-нибудь тронет [его], то потерпит неудачу. Поэтому одни существа идут, другие — следуют за ними; одни расцветают, другие высыха-

ют; одни укрепляются, другие слабеют; одни создаются, другие разрушаются. Поэтому совершенномудрый отказывается от излишеств, устраняет роскошь и расточительность.

Комментарий:

1. В "Дао дэ цзин" речь идет о довольно тонкой психологической материи. В мире физической материи, где отсутствуют психологические факторы, законы, являющиеся в мире психики причиной парадокса "недеяния" (см. текст №7) и относящиеся, по сути, к соотношению количества и качества, имеют несколько другие проявления (там уже нет таких парадоксов, и поэтому мы, конечно, не ударим тем сильнее, чем меньше сил приложим к удару). Но "Дао дэ цзин" пытается показать нам, что мир насквозь духовен. *"Страна подобна таинственному сосуду, к которому нельзя прикоснуться"* — то есть мир это таинственный дух, истинная природа которого скрыта от нас. Что это значит? Это, конечно, не строго философское утверждение, а скорее аллегория. Мир, во-первых, полон тайн, и когда ученые непрерывно бьются над их разрешением, они лишь открывают новые тайны, и все чаще говорят о боге. Мир также полон душой, и мы ясно увидим это, если только сами имеем душу. Если попытаться "почувствовать" эти два тезиса одновременно, то обретем мироощущение, которым "Дао дэ цзин" прямо-таки пропитан. Мы также поймем, что психологическая материя — это и есть самое важное в физическом мире, поэтому о ней стоит говорить. Поэтому фразу *"если кто-нибудь силой пытается овладеть страной, то, я вижу, он не достигает своей цели"* можно понимать так, что страна — это внутренний мир каждого человека. Одно государство вполне может завоевать другое при помощи силы, но может ли оно завоевать таким образом душу поработанного народа? Отнюдь. Здесь нужен более искусный подход. Об этой психологической материи и идет речь.

Хотя конечно, фразу можно понимать и буквально, поскольку никакое достижение не вечно, и стремление сохранить достиже-

ние ведет к консерватизму и застою, а далее — к разрушению. Это, в общем-то, можно видеть на примере той же Поднебесной (то есть Китая) времен династии Мин, представители которой, покорив страну, негативно относились к любым нововведениям, и в итоге допустили ее упадок, а впоследствии были свергнуты.

"Страна подобна таинственному сосуду". Б.Б. Виноградский отмечает: то, что обозначено здесь как "таинственный сосуд", можно перевести как *"инструмент духа"*, "то есть речь идет о том, что манипулировать Поднебесной следует только через духовную работу, в которой нет места стремлению владеть чем-либо".

2. *"Поэтому одни существа идут, другие — следуют за ними; одни расцветают, другие высыхают; одни укрепляются, другие слабеют; одни создаются, другие разрушаются"*. Здесь говорится о тех, кто понял, и тех, кто не понял мудрость, излагаемую в "Дао дэ цзин". Первые полны жизни, вторые полны смерти. Ключевое различие в том, что первые не пытаются уйти от своей судьбы, а спокойно принимают то, что дается. Поэтому они не ропщут. Поэтому они сохраняют себя. (У С. Митчелла, к слову, комментируемый текст начинается так: *"Хочешь ли ты изменить этот мир? Не думаю, что это возможно"*).

3. Мир огромен и очень сложен. Невозможно контролировать все процессы, происходящие в нем. Попытка достичь этого рано или поздно потерпит неудачу, потому что ничто не вечно под луной. В итоге есть риск потратить всю свою жизнь на стремление к чему-то совершенно бессмысленному, словно мы ослы, идущие за хворостом, привязанным к нам же на палку перед нашим носом. Расцветает и укрепляется тот, кто следует Дао. Конечно, на это можно возразить, что многие люди подлостью добиваются небывалых успехов и богатства. Но таких всегда единицы, а остальные люди тратят свою жизнь на жалкие попытки стать такими же подлыми, успешными и богатыми. В итоге им (как, возможно, и первым) вредит само состояние их сознания, зависть разъедает их изнутри. Дао дэ цзин указывает на возможность иного состояния сознания, при достаточном

распространении которого и подлецы, очевидно, будут встречаться реже.

30.

Кто служит главе народа посредством Дао, не покоряет другие страны при помощи войск, ибо это может обратиться против него. Где побывали войска, там растут терновник и колючки. После больших войн наступают голодные годы. Искусный [полководец] побеждает и на этом останавливается, и он не осмеливается осуществлять насилие. Он побеждает и себя не прославляет. Он побеждает и не нападает. Он побеждает и не гордится. Он побеждает потому, что к этому его вынуждают. Он побеждает, но он не воинственен. Когда существо, полное сил, становится старым, то это называется [отсутствием] Дао. Кто не соблюдает Дао, погибнет раньше времени.

Комментарий:

1. *"Кто служит главе народа посредством Дао, не покоряет другие страны при помощи войск, ибо это может обратиться против него. Где побывали войска, там растут терновник и колючки. После больших войн наступают голодные годы"*. Люди могут найти много причин для войн, и тем не менее каждый согласится, что жить в мире намного лучше. Но если вы за мир, то почему вы не начнете с себя? Каждый должен поступать с другими так, как он желал бы, чтобы поступали с ним самим! Если же вы будете использовать двойные стандарты, то можете быть уверены, что это обернется против вас, потому что тогда никто не будет заинтересован в соблюдении нравственности. *"Начни с себя"* — в этом призыв Дао. Не стоит прогибать под себя изменчивый мир (как раз потому, что он очень изменчив), гораздо проще изменить себя. Если вы пытаетесь прогнуть мир под себя, то вы — враги этому миру (и после вас останутся только *"терновник и колючки"*). И вы также — враги себе, потому что вы есть

часть этого мира; вы лишаете себя гармонии с ним. Будьте готовы, что мир попытается удалить вас как опухоль. Ваше неповиновение подобно тому, как если бы ваши руки или ноги перестали бы вам подчиняться.

Иисус также говорил: взявший меч от меча и погибнет (Матф. 26:52). "Погибели предшествует гордость, и падению — надменность" (Притч. 16:18).

2. *"Искусный [полководец] побеждает и на этом останавливается, и он не осмеливается осуществлять насилие. Он побеждает и себя не прославляет. Он побеждает и не нападает. Он побеждает и не гордится. Он побеждает потому, что к этому его вынуждают. Он побеждает, но он не воинственен"*. Так и совершенномудрый следует только спонтанным стремлениям, живет сегодняшним днем. Он не загоняет себя в тиски монотонных будней и бесконечных планов, поскольку это будет означать насилие не только над миром, но и над самим собой. В переводе А. Кувшинова эта фраза звучит так: *"То, чему он служит, он всегда готов оставить с легким сердцем, ведь он стремится лишь к покою и согласию"*. Таким образом, не важно, сколько усилий вы затратили в прошлом, и что вам светит в будущем. Вы живете *настоящим моментом*, и должны думать только о нем. Это и значить иметь *"легкое сердце"*. Часто люди думают, что живут настоящим моментом, но при этом ощущают либо легкий дискомфорт, либо подавленность, а иногда чувствуют себя глубоко несчастными. На самом деле это значит лишь то, что они не могут принять своего прошлого, в котором все складывалось не так, как хотелось бы, и думают о своем будущем, в надежде, что там все изменится. Это и есть причина страданий, а не настоящий момент сам по себе. Попробуйте спросить себя, есть ли у вас хоть какая-то проблема именно в данный момент времени? Не завтра, не через десять минут, а прямо сейчас. Если вы спросите себя об этом, то поймете, что никаких проблем нет. Любой дискомфорт связан со временем: либо с сожалением о прошлом, либо с надеждой на будущее или ожиданием в будущем какой-то неприятной ситуации.

Современное международное право признает за каждым государством право на самооборону, но считает неправомерной любую агрессию. Цивилизованный мир пришел к этому только после ужасов Второй Мировой войны, тогда как Лао-цзы говорил об этом тысячи лет назад.

31.

Хорошее войско — средство, [порождающее] несчастье, его ненавидят все существа. Поэтому человек, следующий Дао, его не употребляет. Благородный [правитель] во время мира предпочитает быть уступчивым и лишь на войне применяет насилие. Войско — орудие несчастья, поэтому благородный [правитель] не стремится использовать его, он применяет его только тогда, когда его к этому вынуждают. Главное состоит в том, чтобы соблюдать спокойствие, а в случае победы — себя не прославлять. Прославлять себя победой — это значит радоваться убийству людей. Тот, кто радуется убийству людей, не может завоевать сочувствия в стране. Благополучие создается уважением, а несчастье происходит от насилия. Слева строятся военачальники флангов, справа стоит полководец. Говорят, что их нужно встретить похоронной процессией. Если убивают многих людей, то об этом нужно горько плакать. Победу следует отмечать похоронной процессией.

Комментарий:

Только тот, кто не жаждет обладать вещами, может с успехом ими пользоваться. Он получает все лучшее от мира, но не привязывается к нему, он достигает полноты восприятия мира, но не становится рабом того, что имеет. Об этом и говорится в данном тексте. *Ибо желать власти над людьми означает считать их вещами*, но если вы почитаете людей за людей, то не пожелаете власти над ними. Развязывая войну, вы уничтожаете себя на психологическом уровне, а врага — на физическом. В обыденной

жизни стремлением к власти вы разрушаете и себя и других психологически.

"Губит людей страсть к накоплению, ведь все, что они обретают в этом — лишь огорчения и скука. Сражаясь и побеждая, они сами вершат похоронный обряд" (в переводе А. Кувшинова).

В переводе Б. Виноградского читаем: *"Оружие — это всегда орудие зла"*. Автор комментирует следующим образом. Иногда мы понимаем, что решить возникший вопрос нельзя без применения силы. Но в таких случаях люди, как правило, оправдывают применение силы надуманными аргументами, находясь в плену обиды или гнева. "Не нужно забывать, что любой возникший вопрос — это признак твоего отхода от Пути, ибо, когда ты находишься на Пути, все происходит само собой". И уж тем более нельзя радоваться красоте войны и восхвалять её.

32.

Дао вечно и безымянно. Хотя оно ничтожно, но никто в мире не может его подчинить себе. Если знать и государи могут его соблюдать, то все существа сами становятся спокойными. Тогда небо и земля сольются в гармонии, наступят счастье и благополучие, а народ без приказания успокоится. При установлении порядка появились имена. Поскольку возникли имена, нужно знать предел [их употребления]. Знание предела дает возможность избавиться от опасности. Когда Дао находится в мире, [все сущее вливается в него] подобно тому, как горные ручьи текут к рекам и морям.

Комментарий:

1. *"Вечность Дао"* означает, что ощущающий его считает себя единым со всем миром, который и вечен. Такому человеку может даже казаться, что сознание, которым он обладает, и жизнь, что пульсирует в его венах, существуют вечно и незави-

симо от него, и сохраняются после его смерти (хотя мы, конечно, знаем, что как собственно жизнь, так и сознающая себя жизнь появились лишь на определенном этапе эволюции, и не известно, что с ними станет в будущем). *"Безымянность Дао"* подразумевает невозможность выразить душу словами. Слишком много слов только окутывают основной смысл несущественными подробностями.

2. *"Хотя оно ничтожно, но никто в мире не может его подчинить себе"*. Данную форму можно понимать таким образом, что никакая внешняя власть не может подчинить себе внутренний мир человека. Тогда она верна лишь отчасти.

С одной стороны, даже самый послушный работник в глубине души ненавидит своего начальника, если последний ведет себя по отношению к нему как его господин. Но работник все же подчиняется ему, пускай лишь для того, чтобы продвинуться по карьерной лестнице или получить более высокую зарплату. Поэтому, с другой стороны, подчиненный внешне, прельщаясь карьерой и деньгами, может согласиться быть подчиненным внутренне. В итоге он становится таким же, как его начальник: желающим властвовать.

Здесь можно возразить, что такой человек неявно все же чувствует отвращение к тому, что делает, он отрезает себе дорогу к счастью, и потому скорее забывает свою душу либо убивает ее, чем подчиняет. Также можно упомянуть, что у этого человека всегда остается шанс возродить свою душу. В. Франкл, например, писал: "У человека можно отобрать все, кроме одной вещи: свободы выбирать свое отношение к ситуации независимо от внешних обстоятельств". В этих смыслах комментируемая фраза является верной.

Вообще, в оригинале используется выражение *"цельный ствол"* (необделанный кусок дерева), то есть очередной раз в трактате утверждается идеал гармонически развитого ("цельного") человека, простого в поведении, умеренного в стремлениях, властвующего над своими страхами, и берегущего изначально данный всем нам свет души. Над таким человеком, над

его внутренним миром, безусловно, ничего не властно: *"никто в мире не может его подчинить себе"*. Свободный от конкретных обстоятельств, он всегда может выбрать свое отношение к ним. *А отношение меняет все.*

3. *"Если знать и государи могут его соблюдать, то все существа сами становятся спокойными"*. Если начальники будут помнить о том, что главное в человеке — его внутренний мир, его душа (этим словом я обозначаю совокупность психических переживаний), то управление, согласно "Дао дэ цзин", станет намного эффективнее. Таким образом, здесь резко критикуется бюрократизм и формализм государственного механизма. За любым служащим китайская мудрость предлагает видеть человека, за каждой буквой закона — пытаться найти здравый смысл. Часто бывает так, что начальник, имеющий власть, так дорожит этой властью и теми привилегиями, которые она ему дает, что желает перестраховаться при каждом удобном случае. Это и становится причиной бюрократизма, а также апеллированием к формальным предписаниям закона. Изначально закон и бюрократия создаются из более-менее рационального опасения в том, что без них общественная жизнь превратится в хаос. Но в дальнейшем конкретные лица наделяются правом принимать решения и используют созданный ранее механизм в своих корыстных целях вместо целей общего блага. Дельные предложения и просьбы о помощи они отменяют со ссылкой на закон, но реальная причина этому — страх перед вышестоящим начальством. В итоге "слуги народа" вместо того, чтобы служить народу, держатся каждый за свою кормушку. Если бы они видели в каждом человеке душу, то использовали бы свои дискреционные полномочия, чтобы сделать закон более разумным и человечным. Это и сделало бы народ *"спокойным"*, то есть относящимся к закону уважительно, страну — благополучной, а работников — не боящимися проявлять творческую инициативу. Поэтому необходимо помнить, что *стройная организация управления обществом — это, конечно, хорошо, но она не должна превращаться в апогей технократизма и бюрократизма, подменяющих реального*

человека условным. Общественное устройство должно служить каждому человеку, а не каждый человек — интересам безликого общества (опыт тоталитаризма 20 века показывает нам, что за приматом общественных интересов часто скрывается желание одной-единственной личности властвовать над другими личностями как физически, так и интеллектуально). Позиция, согласно которой интересы личности должны стоять выше общественных, не является оправданием эгоизма. Напротив, сам диктат общества — суть только коллективный эгоизм. Вообще, *любой свободной личности от природы присуща потребность выйти за свои пределы, поэтому содействие личностному развитию станет одновременно стимулом к утверждению всеобщей взаимопомощи.*

4. *"При установлении порядка появились имена. Поскольку возникли имена, нужно знать предел [их употребления]".* Здесь имеется в виду, что слишком много законов — опасно для государства, так как порождает зарегулированность и притесняет естественную творческую свободу человека. Вообще, даосизм достаточно негативно относится к явлениям государства и чиновничества, и многие положения "Дао дэ цзин", касающиеся государственной политики, можно трактовать не только иносказательно, но и буквально. В этом смысле он близок европейскому анархизму XIX века, представители которого считали необходимым вернуть народу естественную свободу и творческий дух, и разъяснить ему, что счастье заключается в спонтанном бытии "здесь и сейчас" (все организации и институты также должны создаваться спонтанно), а не в "золотой клетке" материального богатства, служебной карьеры или конформизма, которые лишь делают нас рабами вещей и других людей, мельчат наш ум и культивируют в нас подсознательный страх потери.

Отметим также, что под *"пределом употребления слов"* понимается состояние сознания, при котором человек ощущает себя полностью единым с каким-либо объектом (в оригинале используется иероглиф "чжи", обозначающий это состояние сознания — самадхи). Пребывая в самадхи, мы больше не приди-

раемся к деталям, а способы взглянуть самой жизни в лицо (см. подробнее п. 4 ком. к тексту №44).

Далее у Б. Виноградского: *"Если ты знаешь, где нужно остановиться, тогда умеешь не попадать в опасные обстоятельства"*. Останавливаться нужно уметь во всём, как в следовании нравственности, так и в ее отрицании. Это достигается в самадхи. У Юй Кана: *"Ведающий Самадхи способен избежать гибели"*. *"От страха и неверия постоянно хочется устраивать порядок, давая имена"*. Но нужно уметь чувствовать предел этого порядка.

5. *"Когда Дао находится в мире, [все сущее вливается в него] подобно тому, как горные ручьи текут к рекам и морям"*. Все мы, в конечном счете, пытаемся руководствоваться в своей жизни не сухой буквой закона, и даже не общепринятой моралью или этикетом, а здравым смыслом. Об этом сочувствии к тем, кто не желает прятаться за формализмом социальных норм, а ищет то благо, для сохранения которого эти нормы созданы, и идет речь.

33.

Знающий людей благоразумен. Знающий себя просвещен. Побеждающий людей силен. Побеждающий самого себя могущественен. Знающий достаток богат. Кто действует с упорством, обладает волей. Кто не теряет свою природу, долговечен. Кто умер, но не забыт, тот бессмертен.

Комментарий:

1. *"Знающий людей благоразумен. Знающий себя просвещен"*. "Дао дэ цзин" полон иносказаний. На первый взгляд, в рассматриваемом тексте собраны либо банальные истины, либо не слишком умные фразы. Но на самом деле в них сокрыта тонкая мудрость. Данная фраза, в частности, непосредственным образом касается внутреннего мира человека (души), о котором говорилось в комментарии к предыдущему тексту. *"Знающий людей и себя"* означает "знающий, что человек — это не тело, но

душа, то есть мир психических переживаний, сокрытый в этом теле". Можно копнуть еще глубже, отметив, что в комментируемой фразе разграничиваются понятия "благоразумие" и "просвещенность": первое обозначает практическую мудрость, а второе — подлинное просветление. Знающий других — просто умен, но знающий себя — просветлен.

2. *"Побеждающий людей силен. Побеждающий самого себя могущественен"*. Вероятно, здесь имеется в виду противопоставление тех, кто имеет власть над другими людьми и тех, кто имеет власть над собой. *Имеющий власть над людьми обладает множеством возможностей, но лишь тот, кто обладает властью над собой, по-настоящему всемогущ*. Таков, по крайней мере, смысл перевода С. Митчелла и комментария Б. Виноградского.

3. *"Знающий достаток богат"*. Знает достаток тот, кто умеет довольствоваться имеющимся. По В. В. Малявину: *"Кто знает, в чем достаток, богат"*. Таким образом, *богатым здесь называется тот, кто умеет радоваться тому, что есть*. "То есть богатство — это состояние, когда понимаешь, что всего всегда хватает, чтобы жить в ощущении благополучия и счастья" (Б. Виноградский).

4. *"Кто действует с упорством, обладает волей"*. Эта фраза противопоставлена предыдущей и означает, что то, кто настаивает на преобразованиях, — объят страстями. Как пишет В. В. Малявин, данная строка — суть ироничный комментарий на конфуцианское пестование моральной воли. Дело в том, что в каждом из нас скрыты огромные внутренние резервы, позволяющие выдержать любые испытания и добиться своего. Но является ли достигаемая цель стоящей? Иногда твердость воли означает глупость, недовольство, неумение принять свою судьбу. Достаточно вспомнить, что многие из нас совершают невероятные волевые усилия, чтобы заработать побольше денег.

5. *"Кто не теряет свою природу, долговечен"* означает, что познавший ценность внутреннего мира не должен терять это знание, и тогда он будет жить подлинной жизнью. (Это очень

ценный совет — сохранять свою природу, однако лишь тот, кто способен сохранить ее и перед лицом смерти, — действительно сilen; о таких речь уже в следующем предложении.)

б. *"Кто умер, но не забыт, тот бессмертен"*. В переводе А. Кувшинова эта мысль выражена яснее: *"...тот, кто, умирая, не прекращает быть, обретает вечность"*. Под словом "быть" понимается "быть по-настоящему человеком" (в смысле п.б ком. к тексту №10, то есть "быть искренним, отзывчивым и добрым", "быть творческим и активным"). В индуизме также подчеркивается важность состояния сознания человека в момент "оставления своего материального тела", поскольку именно перед лицом смерти человек являет свое истинное нутро. Как утверждается в Бхагавадгите (гл. 8, тексты 5–10), человек в следующей жизни достигает именно того состояния сознания, которое он имел в момент окончания этой жизни, а тот, кто, умирая, всецело находится в сознании Кришны, сразу же достигает Его божественной природы. Таким образом, в комментируемом тексте речь идет не о том, что каждый должен оставить после себя память в веках, а о том, чтобы, умирая, он сам сохранял *здравый рассудок и твердую память*.

Как бы то ни было, примечателен тот факт, что в "Дао дэ цзин" ничего не говорится о вечной жизни в традиционном понимании. *Осознанность в момент смерти нужна не для загробного мира, а для самого этого момента, потому что жизнь лучше исчерпать вплоть до последнего мига*. Отсутствие увещаний о жизни после смерти еще раз показывает стремление "Дао дэ цзин" пробудить в людях объективное мышление, избавить от зависимости, обратить их внимание на настоящий момент.

Конечно, не все люди готовы справиться с суровой истинной скорого небытия. Поэтому даже в даосизме, развившемся не только на основе комментируемого трактата, но и на основе существовавших задолго до него древнекитайских алхимических магических шаманских практик, концепция бессмертия и вечного сохранения своего тела занимает центральное место. Нет нужды объяснять, что вся эта крайне неубедительная док-

трина — лишь грубое искажение философского посыла "Дао дэ цзин".

Вера в бессмертие души также не характерна для традиционной китайской мысли. Реально, согласно ей, существует только единая психофизическая целостность живого существа. Сам дух, при этом, понимается вполне натуралистически: как утонченная материально-энергетическая субстанция "ци". После смерти тела эта субстанция рассеивается в природе. (См. о "ци" ком. к тексту №42). В этой связи любые концепции бессмертия свидетельствуют лишь о попытке их приверженцев трусливо уйти от реальности (от реальных фактов, реальных жизненных ощущений и т. д.).

О том, что жажда бессмертия противна основной идее Дао, свидетельствует и другой даосский трактат — "Чжуан цзы", в котором неоднократно упоминается, что "в час неминуемой смерти ничто не может снова вернуть нас к жизни", даже великие учителя покоряются смерти, сопротивление смерти есть упрямство, "никто не прожил больше умершего младенца" (то есть жизнь человека коротка в любом случае, и с этим надо смириться), более того, никто не знает, будет нам после смерти лучше или хуже, поэтому лучше вообще оставить этот вопрос: "Забудем о наших летах".

34.

Великое Дао растекается повсюду. Оно может находиться и вправо и влево. Благодаря ему все сущее рождается, и не прекращает [своего роста]. Оно совершает подвиги, но славы себе не желает. С любовью воспитывая все существа, оно не считает себя их властелином. Оно никогда не имеет собственных желаний, поэтому его можно назвать ничтожным. Все сущее возвращается к нему, но оно не рассматривает себя их властелином. Его можно назвать великим. Оно становится великим, потому что никогда не считает себя таковым.

Комментарий:

1. *"Великое Дао растекается повсюду"*. Физические законы универсальны, поэтому повсюду жизнь подчиняется одним и тем же принципам, о которых и ведется повествование в *"Дао Дэ цзин"*. В частности, один из важнейших таких принципов заключается в том, что *естественное, свободное поведение дарует радость* (*"Оно может находиться и вправо и влево"* — фраза намекает на спонтанность Дао). Поскольку *"содержание великого Дэ подчиняется только Дао"* (текст №21), то мы почувствуем в себе жизненные силы, только если не будем сопротивляться вышеуказанным принципам (мудрым жизненным советам). Эта мысль содержится уже в следующей фразе: *"Благодаря ему все сущее рождается, и не прекращает [своего роста]"*.

2. *"Оно совершает подвиги, но славы себе не желает"*. Отсутствие стремления прославится совершенно логично, так как совершенномудрый вообще не имеет никаких личностных стремлений. Подвиг совершается им, потому что он живет по принципу *"делай что должен, и будь что будет"*. Не заикливаясь на умозрительных заключениях о последствиях, такой человек способен пожертвовать своей жизнью в каждую минуту, если таково будет его спонтанное и естественное желание. И это подтверждается тем, что первые даосы стали одновременно первыми китайскими революционерами, возглавив восстание *"Желтых Повязок"*.

3. *"С любовью воспитывая все существа, оно не считает себя их властелином"*. Человеку можно помочь только если считать его за человека, уважать его свободу выбора и не порабощать его. Этим даосская добродетель отличается от законов или нравучений.

4. *"Оно никогда не имеет собственных желаний, поэтому его можно назвать ничтожным"*. Об отсутствии собственных желаний ("стремлений", то есть желаний именно суетных и ненужных) говорилось еще в тексте №1.

О добродетели и законах начинают говорить только тогда, когда появляется порочность и преступность (см. тексты №18,

27, 32). Испытать больше ощущений и объездить много мест люди стремятся тогда, когда не способны увидеть мирозданье в капле воды и песчинке под ногами. Совершенномудрый далек от этих стремлений к бесконечным изменениям. Его могут называть "ничтожным", но лучше употребить здесь слово "скромный" или "умеренный".

35.

К тому, кто представляет собой великий образ [Дао], приходит весь народ. Люди приходят, и он им не причиняет вреда. Он приносит им мир, спокойствие, музыку и пищу. Даже путешественник у него останавливается. Когда Дао выходит изо рта, оно пресное, безвкусное. Оно незримо и его нельзя услышать. В действии оно неисчерпаемо.

Комментарий:

1. В переводе А. Кувшинова начало этого текста выглядит так: *"Познав Великий Образец, коему следует весь мир, следуй ему и не причинишь себе вреда, но достигнешь мира, согласия и полноты"*. Вселенная состоит из неорганической и органической материи, и только ничтожная часть органической материи обладает сознанием. Такой материи, прежде чем начать следовать Великому Образцу, необходимо осознать его, поскольку изначально она находится в дисгармонии с природой. Поэтому нам нужно "сначала познать, а потом следовать тому, чему уже, в общем-то, следует весь мир". Но, начав следовать ему, мы поймем, что это и есть то, чего осознанно или неосознанно желает каждый человек (*"приходит весь народ"*), ибо тогда сама жизнь просыпается внутри нас.

2. *"Когда Дао выходит изо рта, оно пресное, безвкусное"*. Настоящий комментарий призван помочь читателю понять мудрость "Дао дэ цзин", а не удовлетворить эстетический голод, и возможно, все эти разговоры про Дао, принятие и недеяние

кажутся ему пресными и безвкусными, но тогда дело не в них, а в самом читателе, который смотрит на рот говорящего, вместо того чтобы слушать. Пресное и бесвкусное Дао можно сравнить с водой — чистой и прозрачной.

3. *"Оно незримо и его нельзя услышать. В действии оно неисчерпаемо"*. Нельзя увидеть и услышать душу, но она объективно существует, и те внутренние психологические резервы, которые есть в каждом из нас и которые-то дарят нам радость бытия, поистине неисчерпаемы, стоит лишь найти к ним ход.

36.

Чтобы нечто сжать, необходимо прежде расширить его. Чтобы нечто ослабить, нужно прежде укрепить его. Чтобы нечто уничтожить, необходимо прежде дать ему расцвести. Чтобы нечто у кого-то отнять, нужно прежде дать ему. Это называется глубокой истиной. Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное. Как рыба не может покинуть глубину, так и государство не должно выставлять напоказ людям свои совершенные методы [управления].

Комментарий:

Мир сопротивляется вашим попыткам его изменить. То, что сжимают — расширяется, что ослабляют — укрепляется, что уничтожают — то стремится расцвести. Если вы ходите взять чужое, будьте готовы к возмездию. Потому что все следует своему естеству. Так как же добиться своего? В переводе Юй Кана ответ таков: *"Хочешь вобрать — дай же расправиться. Хочешь ослабить — дай укрепиться. Хочешь упадка — дай развиваться. Хочешь присвоить — освободи"*. В этом переводе отсутствует слово "прежде", что позволяет лучше понять мысль о том, что *для реализации наших целей иногда нужно делать совершенно противоположные ей вещи (а если быть точным, позволить этим вещам быть)*. Не следует чрезмерно отдаваться стремлению,

выставляя его напоказ. Лучше совсем отбросить его, избавившись от слепой страсти, и тогда мы достигнем своего (см. текст №11). Это произойдет, во-первых, потому, что слепая страсть больше не станет затуманивать наш ум, и мы сможем мыслить и действовать трезво. Во-вторых, мысля трезво, мы сможем понять, что желаемое нами нам на самом деле вовсе и не нужно. В-третьих, все в этом мире развивается циклично, и если мы позволим некоторым вещам быть и развиваться, то рано или поздно они придут в упадок, и уже сами пожелают измениться в противоположную сторону; если же мы будем провоцировать изменения, то вполне возможно, что встретим сопротивление, которое лишь укрепит уже имеющуюся модель развития. Конечно, высказанные мысли не следует доводить до абсурда. Но если вы способны узреть в них зерно истины, то в будущем это зерно может дать много плода...

Сродни этому, в рассматриваемом тексте утверждается: если кто хочет отнять что-нибудь у другого, то непременно потеряет свое, но тот, кто не пожалеет одарить другого, непременно получит добро в ответ. "Ответное добро" обуславливается тем, что большинство людей готовы на добрый поступок в отношении того, кто производит на них хорошее впечатление; более того, многих людей (будь они плохими или хорошими) мучает совесть, если они не могут отплатить добром за добро.

В Евангелии от Матфея читаем: "кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не *для того* пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих".

Но что значит запрет на "выставление напоказ" совершенных методов, о котором говорится в комментируемом тексте? Здесь речь идет о знаниях и технологиях, которые ведут к умножению богатства, но вместе с тем — и к умножению преступников, заражающихся на эти богатства. Сегодня люди умело используют многочисленные ресурсы планеты, но одновременно стали причиной экологических и других глобальных проблем. Эти проблемы

возникают, когда благодаря знаниям и технологиям отдельные люди ("преступники") получают возможность нанести всей планете существенный вред. Так является ли прогресс, бесконечное воздействие на мир, всегда благом? Гонка вооружений и "холодная война" прикрывались необходимостью обеспечить мир, но действительно ли они были условием мира, а не его врагами? Если бы никто не был бы склонен к излишествам, не потребовалось бы вообще никакого прогресса.

37.

Дао постоянно осуществляет недеяние, тем самым нет ничего такого, что бы оно не делало. Если знать и государи будут его соблюдать, то все существа будут изменяться сами собой. Если те, которые изменяются, захотят действовать, то я буду подавлять их при помощи простого бытия, не обладающего именем. Не обладающее именем — простое бытие — для себя ничего не желает. Отсутствие желания приносит покой, и тогда порядок в стране сам собой установится.

Комментарий:

1. *"...нет ничего такого, что бы оно не делало"* — нет ничего неподвластного недеянию. В этом фрагменте еще раз подчеркивается, что *вещи являются такими, какие они есть, вследствие нашего отношения к ним, нашего взгляда на ситуацию. Люди также сами по себе не являются ни хорошими, ни плохими, но они могут действовать во благо или во вред лично нам.* И это определяется, в конечном счете, не конкретными обстоятельствами времени и места, а тем, как настроен наш дух. Чувство, с которым мы воспринимаем собственную жизнь, и есть определяющее настроение нашего духа. Освободитесь от привязанностей и страстей, *"и тогда порядок в стране сам собой установится"*.

2. *О концепции бытия, упоминаемой в этом тексте, см. текст №10, п. 6 ком. В оригинале здесь используется иероглиф "пу",*

обозначающий *естественную простоту* (см. текст №28, п. 5 ком.). Одновременно бытие означает *беспристрастие*. Беспристрастность и естественная простота совершенномудрого излечивают ("*усмиряют*") терзаемых страстями людей.

3. Что значит "*бытие не обладает именем*"? Болтая о нем направо и налево, ты теряешь ту живую нить в себе, которая это бытие сохраняет. "Быть" не значит отдаться страстям, но "быть" не значит и подавлять страсти. Сочетание этих правил возможно только при постоянной осознанности и чуткости мировосприятия, умении чувствовать свое нутро. *Но когда ты болтаешь, ты забываешь смотреть по сторонам и слушать свое сердце, и уже не можешь отличить низкую страсть (то, что здесь названо "желанием") от светлого творческого порыва, эгоизм — от здорового желания жить процветая.* Так ты теряешь житейскую мудрость. (Не лучше, однако, ситуация обстоит и тогда, когда ты концентрируешься на одном только слушании, не производя никакой работы над собой: это сродни "потреблению информации", и совсем не является настоящим познанием.)

Повторим, процитировав В.В. Малявина, что ориентация на "бытие" означает не подавление желаний и чувственных удовольствий, а лишь непривязанность к ним: "Мудрый умеет сдерживать не просто желания, а скорее, свою привязанность к желаниям. Вот почему он "ограничивает желания" парадоксальным на первый взгляд способом — предоставляя всему свободу быть".

38.

Человек с высшим Дэ не стремится делать добрые дела, поэтому он добродетелен; человек с низшим Дэ не оставляет [намерения] совершать добрые дела, поэтому он не добродетелен; человек с высшим Дэ бездейтелен и осуществляет недеяние; человек с низшим Дэ деятелен, и его действия нарочиты; обладающий высшим человеколюбием действует, осуществляя недеяние; человек высшей справедливости деяте-

лен, и его действия нарочиты: человек, во всем соблюдающий ритуал, действует, [надеясь на взаимность]. Если он не встречает взаимности, то он прибегает к наказаниям. Вот почему Дэ появляется только после утраты Дао, человеколюбие — после утраты Дэ, справедливость — после утраты человеколюбия, ритуал — после утраты справедливости. Ритуал — это признак отсутствия доверия и преданности. [В ритуале] — начало смуты. Внешний вид — это цветок Дао, начало невежества. Поэтому [великий человек] берет существенное и оставляет ничтожное. Он берет плод и отбрасывает его цветок. Он предпочитает первое и отказывается от второго.

Комментарий:

1. *"Человек с высшим Дэ не стремится делать добрые дела, поэтому он добродетелен..."*. Буквально: *"Высшая Дэ не имеет Дэ, оттого обладает Дэ"* (у Юй Кана). Об этом парадоксе подробно шла речь в комментарии к тексту №7. Остается только добавить, что словосочетание *"действует нарочито"* можно перевести также как *"действует с напряжением"*, с чрезмерным расходом своих жизненных сил (иными словами, с пустой, бессмысленной растратой Дэ, почему оно и называется у этого человека "низшим" (низким)) (см. п.1 ком. к тексту №23). Для даосов главное — обрести просветление, избавиться от всяких тревог, и тогда они становятся нравственными, даже не стремясь быть таковыми: "Они стоят прямо, но не считают это своим долгом, любят друг друга, но не считают это человеколюбием, честны, но не считают это преданностью, верят друг другу на слово, но не считают это доверием. Полагаясь друг на друга и друг друга воодушевляя, словно рой насекомых в весеннюю пору, они не считают это благодеянием государства" ("Чжуан-цзы").

2. В переводе А. Кувшинова первые строчки рассматриваемого текста выглядят так: *"Высшая добродетель не стремится быть добродетельной, поэтому она и является добродетелью. Низшая добродетель стремится к тому, чтобы не утратить"*

свою добродетельность, поэтому она и не является добродетелью".

В этом переводе проглядывается объяснение причин излагаемого ранее парадокса. *Цепляние за добродетель, дотошное искание в ней конкретной пользы, порождает лишь очередную зависимость.* Наглядный пример этому — В.И. Ленин — который, по утверждению философа Н.А. Бердяева, был человеком не злым, но одержимым нравственной идеей уничтожить эксплуатацию и несправедливость, и именно эта одержимость-то и привела у него к сужению сознания и атрофированию способности различать действительные человеческие нужды. В "Чжуан-цзы" также говорится, что мудрец, приносящий себя в пользу всему миру, наносит ущерб своей природе в той же степени, что и люди, жертвующие всем ради материальной выгоды, славы и т. п.

Обычная нравственность ищет пользы. Но не являются ли успехи науки в познании мира такими внушительными потому, что ученые бескорыстно ищут истину, и не размышляют о пользе добытых знаний? И не ведет ли иногда политика правительства, имеющая целью пользу для страны, к конфликтам между странами и к войнам (см. также тексты №57–59)? Задумываясь над подобными примерами, приходишь к выводу, что цепляние за пользу порой вреднее всего.

Чрезвычайно важно указать на то *неминуемое разочарование, которое овладеет всеми борцами за идеал пользы при полном осуществлении их стремлений.* Что будет достигнуто этим осуществлением? Поэт Надсон с горечью отвечал: "пир животного, сытого чувства!", и добавлял: "жалкий, пошлый итог! Каждый честный боец не отдаст за него свой терновый венец!". Действительно, когда у нас все есть, мы рискуем превратиться в свиней. И тогда мы начинаем придумывать новые цели и идеалы, а с учетом наступившего падения нравов такие цели идеалы становятся просто необходимыми. В итоге, достижение цели ведет к противоположным, чем ожидаемые, последствиям (см. также текст №7 с ком., ком. к тексту №2).

Согласно дзэну, *лучшая помощь заключается в том, чтобы не помогать*. Это можно обосновать так, что излишняя помощь мешает внутреннему росту как тех, кто помогает, так и тех, кому помогают. Множество литературы, например, написано об излишней материнской любви, в результате которой мать лишь сублимирует свои комплексы, а ребенок вырастает несамостоятельным и капризным. В действительности, единственная помощь, которую родители могут оказать себе и своим детям — это способствование внутренней свободе и самостоятельности, но для осуществления этой цели зачастую необходимо именно воздержаться от помощи.

Совершенномудрый руководствуется не столько пользой, сколько абстрактными моральными ценностями, такими как справедливость, любовь, достоинство, свобода, истина и т. п. Чувствование этих ценностей заложено в каждом человеке от природы, в отличие от знания конкретных моральных правил, поэтому на самом деле совершенномудрый просто следует своей природе, а именно *интуитивному нравственному чувству*, вытекающему из осознания своей истинной природы. Конечно, он не придает упомянутым моральным ценностям самостоятельное значение, и ни одна из этих ценностей не является самоцелью (так и в комментируемом тексте высказано несколько пренебрежительное отношение к идеалам справедливости и человеколюбия). Но изложенная нравственная установка, во-первых, избавляет его от привязанности к мелочным заботам и вещам, от чувств подавленности и вины, которые вызывает обычная мораль, во-вторых, такая установка воспитывает в нем бескорыстие, и, в-третьих, в конечном счете ведет к благу, поскольку следование идеалам свободы, истины, справедливости и т. п. не может не принести пользы.

3. В переводе Юй Кана подчеркивается, что высшее Дэ, высшие милосердие и справедливость состоят в том, чтобы проявлять добро беспричинно, а не с какой-либо целью. Когда ты чувствуешь, что все люди братья, тебе не нужно заниматься расчётами и аргументацией, чтобы сделать доброе дело.

4. У Стивена Митчелла: *"Так называемый нравственный человек, совершая добрый поступок, и не получая добра в ответ, закатывает рукава и применяет силу"*.

5. *"Вот почему Дэ появляется только после утраты Дао..."*. Смысл этого и последующих предложений подробно разбирался в комментарии к тексту №18. Там же предложена их альтернативная формулировка (альтернативный перевод): *"Когда Дао потеряно, приходит доброта. Когда доброта потеряна, приходит нравственность. Когда нравственность потеряна, приходит ритуал. Ритуал это шелуха истинной веры, начало хаоса"*. В дополнение к сказанному необходимо лишь пояснить, почему Дэ в комментируемом считается первой стадией упадка Дао. Вероятно, здесь имеется в виду, что человек, рассеивающий свои жизненные силы в мир, но забывший об источнике этих сил, очень скоро придет к разочарованию. Применительно к религиям, проповедующим веру в единого личностного Бога, это может означать бесполезность попыток совершать добрые дела без такой веры: человек должен постоянно черпать силы в Творце, и если он отрицает последнего, разрывая связь со своим источником, то очень скоро попросту зачахнет, словно растение, оторванное от почвы. Применительно к даосизму можно указать на необходимость постоянного чувствования Дао. Такое чувствование достигается посредством медитаций, при этом медитацией может стать практически любое действие, если при этом уделяется внимание самому процессу его совершения, а не результату (о медитации см. подробнее ком. к тексту №44).

Также следует указать на возможную трактовку "Дэ как упадка Дао" с точки зрения индуизма. Согласно ведической традиции, существует три гуны материальной природы: невежество, страсть и добродетель. Чтобы достичь просветления, человеку нужно освободиться от воздействия всех трех гун. Таким образом, добродетель (Дэ), по крайней мере в значении обыденной (конфуцианской) нравственности, также должна быть преодолена ввиду своей несовершенности. Подлинное же ("глубочайшее")

Дэ направлено не на материальные богатства, а на внутреннюю свободу, и неразрывно связано с Дао.

39.

Вот те, которые с древних времен находятся в единстве. Благодаря единству, небо стало чистым, земля — незыблемой, дух — чутким, долина — цветущей и начали рождаться все существа. Благодаря единству знать и государи становятся образцом в мире. Вот что создает единство. Если небо нечисто, оно разрушается; если земля зыбка, она раскалывается; если дух не чуток, он исчезает; если долины не цветут, они превращаются в пустыню; если вещи не рождаются, они исчезают; если знать и государи не являются примером благородства, они будут свергнуты. Незнатные являются основой для знатных, а низкое — основанием для высокого. Поэтому знать и государи сами называют себя "одинокими", "сырыми", "несчастливыми". Это происходит от того, что они не рассматривают незнатных как свою опору. Это ложный путь. Если разобрать колесницу, от нее ничего не останется. Нельзя считать себя "драгоценным", как яшма, а нужно быть простым как камень.

Комментарий:

О всеединстве сущего уже говорилось в комментариях к предыдущим текстам (см., напр., тексты №1,11, а также множество других текстов, напр. №2,7,13,22,24,32, указывающих на пользу осознания этого всеединства).

Рассматриваемый текст можно разделить на три части. В первой говорится о тех, кто следует единству. Они цветут и рожают новое. Вторая часть начинается после слов *"вот что создает единство"*. В ней говорится о тех, кто единство потерял, и что в итоге с ними происходит. Такие люди не цветут и превращаются в безжизненную пустыню.

Интересен в этой связи перевод А. Кувшинова, в котором объекты, упомянутые в первой части, стремятся к чему-либо, но не имея возможности сохранить достигнутого и будучи одолеваемы страхом, приходят к тому, что упоминается во второй части. Мораль такова, что *цепляясь за имеющееся, ты неизбежно придешь к разочарованию, поскольку ничего нельзя удержать в этом мире: "потому что богатство не навек, да и власть разве из рода в род?"* (Притч. 27:24). Но если ты не будешь бояться потерять этого, то не потеряешь самого главного — себя. Остается только добавить, что тот, кто судорожно стремится к единению с сущим, будет бояться не достигнуть желаемого либо, достигнув, потерять его, и потому вряд ли вообще его достигнет: ибо ключ к успеху не в стремлении, а в недеянии. Итак, приведем этот перевод:

"С давних пор каждый стремится обрести что-то одно: небо стремится к одному — чтобы быть чистым и ясным, земля стремится к одному — пребывать в покое, духи [читай — души — прим.] стремятся к одному — не утратить свою жизненность, русла рек стремятся к одному — быть полноводными, вся тьма вещей стремится к одному — сохранить свою жизнь, князья и правители стремятся к одному — управлять Поднебесной. И вот к чему они все приходят: небо, не имея возможности быть чистым и ясным, страшится испортиться и зачахнуть, земля, не имея возможности сохранять покой, страшится развалиться на части, духи, не имея возможности сохранять свою жизненность, страшатся развеяться и исчезнуть, русла рек, не имея возможности быть полноводными, страшатся высохнуть, вся тьма вещей, не имея возможности сохранить свою жизнь, страшится сгинуть, погрузившись во мрак, князья и правители, не имея возможности сохранить свои власть и богатства, страшатся того, что их низвергнут".

"Незнатные являются основой для знатных, а низкое — основанием для высокого". С этих слов начинается третья часть комментируемого текста, и в них же заключается их суть. Суть, опять же, в *единстве* (в данном случае знатных и незнатных). Знать имеет многое, но в стремлениях к этому "многому" забыла о главном —

о душе, а в своей кичливости забыла о том, что значит ценить каждую мелочь. *Лишь если разбогатевший не забывает, что такое бедность, умеет сострадать и сочувствовать, он может считаться богатым. В противном случае он потерял больше, чем приобрел.*

У Б. Виноградского перевод в этой части: "*... удельные князья и правители называют себя сырыми, одинокими и неприкаянными. Не от того ли это, что подлое выступает в качестве основания. Разве нет? Это потому, что слишком частые похвалы обесценивают похвалу. Не стремись к тому, чтобы сиять как нефрит. Наоборот стань заурядным, как простой булыжник*".

40.

Превращение в противоположное есть действие Дао, слабость есть свойство Дао. В мире все вещи рождаются в бытии, а бытие рождается в небытии.

Комментарий:

О том, что все вещи меняются сами собой, если не пытаться воздействовать на них, говорится во многих предыдущих текстах (тексты № 1 (п. 5 ком.), 2 (п. 2 ком), 7, 10 (п. 7 ком.), 16, 22 (п.2 ком), 37), поэтому первое предложение не должно вызывать трудностей.

Отметим только альтернативный перевод В. В. Малявина: "*Возвращение — это действие Пути...*". Здесь прослеживается мысль о том, что *следование Дао, по сути, есть возвращение к самому себе, при одновременном осознании собственного небытия* (см. текст 1 ком. 2) *и существовании только Единого.*

Во втором предложении проводится тонкая мысль о том, что подлинная жизнь возможна только в *модусе бытия*, а не в модусе собственности (см. текст №2, п. 6 ком., текст №10, п. 6 ком.), а *путь в модус бытия лежит через осознание "небытия", то есть пустоты* (см. тексты №4, 11).

Человек высшей учености, узнав о Дао, стремится к его осуществлению. Человек средней учености, узнав о Дао, то соблюдает его, то его нарушает. Человек низшей учености, узнав о Дао, подвергает его насмешке. Если оно не подвергалось бы насмешке, не являлось бы Дао. Поэтому существует поговорка: кто узнает Дао, похож на темного; кто проникает в Дао, похож на отступающего; кто на высоте Дао, похож на заблуждающегося; человек высшей добродетели похож на простого; великий просвещенный похож на презируемого; безграничная добродетельность похожа на ее недостаток; распространение добродетельности похоже на ее расхищение; истинная правда похожа на ее отсутствие. Великий квадрат не имеет углов; большой сосуд долго изготавливается; сильный звук нельзя услышать; великий образ не имеет формы. Дао скрыто [от нас] и не имеет имени. Но оно способно помочь [всем существам] и привести их к совершенству.

Комментарий:

1. *"Человек высшей учености"* это совершенномудрый. *"Человек средней учености"* это типичный образованный человек, читавший, вероятно, много мудрых книг, но так и не ставший просветленным. *"Человек низшей учености"* — это глупец, даже и не пытающийся познать истину.

2. *"Если оно не подвергалось бы насмешке, не являлось бы Дао"*. Мастер Линьцзи однажды сказал: "Если ты встретишь Будду — убей Будду, если встретишь патриарха — убей патриарха, встретишь святого — убей святого". Будду и все святое нужно убивать в себе, чтобы не превратить это в *безжизненный идол, объект поклонения*. Будда — не Бог, это человек, поведавший нам способ быть счастливым, и поэтому не следует молиться Будде. Патриарх — это человек, занимающий определенный

пост, но нам нужно думать не о его славе, а о собственной жизни, в которой должности и слава имеют не столь важное значение, в отличие от просветления. Мы часто возвеличиваем святых, поражаясь их добродетели, пытаемся увековечить память о них, но многое ли даст нам очередной памятник? Да, знание о святом повысит нашу образованность и, вероятно, предоставит возможность блеснуть своим интеллектом перед людьми. Но дело не в имени святого и не в его биографии: его святость — это *вызов каждому из нас*, потому что каждый может стать святым, или, по крайней мере, существенно приблизиться к святости, если и вправду захочет этого. Поэтому в своей памяти нужно "убивать святого, но оставлять его святость".

Точно так же *не лишним будет подвергнуть Дао насмешке, чтобы оно не превратилось в сухой безжизненный образ и объект поклонения*. Только так можно сохранить истинное Дао, и сконцентрироваться не на его изучении и описании, а на его чувствовании. Это один из способов сохранить святость чего-либо, когда оно становится популярным или даже навязчивым, и поэтому неизбежно опшляется. Вот почему если бы Дао не подвергалось насмешке, оно не являлось бы собой.

Кстати, именно поэтому автор "Дао дэ цзин" выбрал иероглиф "Дао" для описания источника всего сущего: ведь этот иероглиф чрезвычайно многозначен и не может быть переведен одним словом, он также не может быть материализован в каком-либо образе, которому можно было бы поклоняться. Подобно этому Будда предпочитал говорить о пустоте, а не о Боге: пустоту нельзя нарисовать или описать. Все это — способы сохранить жизненность учения, не давая ему закаменеть в виде совокупности бесполезных понятий и концепций. Ибо именно такими мыслительными конструкциями (как утверждает еще в тексте №1) мы и сковываем свою свободу, становясь заложниками некоего навязанного способа видения мира и своей судьбы.

Повергать Дао насмешке нужно еще и для того, чтобы не превратить служение ему в изматывающее и гнетущее выполнение религиозного долга. Служение Дао, сколь бы оно не походило на

религиозную практику — не есть ваша обязанность; это то, что делает вас свободными и счастливыми, и вы можете делать это *только добровольно*. Поэтому, с одной стороны, нельзя забывать о высоких идеалах, но с другой стороны необходимо помнить, что жадно стремясь к этим идеалам, непременно познаешь их утопичность, и придешь к разочарованию, а значит не лишним будет иногда посмеяться и над собственным стремлением, чтобы не придавать ему большого значения. *Только тот, кто не относится к жизни серьезно, способен содействовать всему живому!* В переводе Юй Кана говорится: *"Без смеха неполно служение Дао". Не очаровывайся — тогда и не будет разочарований. Просто делай, что должен, и принимай любой исход своих действий.* Отметим также вариант перевода первых двух строк "Дао дэ цзин" (по Б. Б. Виногородскому): *"На Пути постоянства и отрицание Пути может быть Путем"*.

3. Рассмотрим поговорку, которая приводится в этом тексте в связи со сказанным ранее.

Фразы *"кто узнает Дао, похож на темного"* и *"кто на высоте Дао, похож на заблуждающегося"* означают, что большинство людей сочтут за глупца того, кто не заботится о себе и позволяет событиям течь своим чередом, кто не стремится к накоплению знаний и богатств, и способен отдать последнее без каких-либо разумных причин. Высшая добродетель вообще подобна ее отсутствию (см. ком. 2 к тексту №38). Поэтому никогда не считай себя всезнающим: с виду глупец может оказаться великим мудрецом, с виду злодей — благодетелем. Умей смотреть вглубь вещей и людей, и при случае признавать свои ошибки. Тогда, вероятно, люди, увидев вечно сомневающегося и ничего категорично не утверждающего человека, посчитают тебя глупцом. Но именно тогда ты и сделаешь важнейший шаг к мудрости.

"Кто проникает в Дао, похож на отступающего" означает недеяние совершенномудрого (также, однако, здесь может иметься в виду человек "средней учености", который то служит Дао, то отступает).

... *"человек высшей добродетели похож на простого"* означает, что нам не стоит бесконечно задаваться вопросами о том, какой поступок будет правильным и что есть благо, не нужно бояться ошибиться, нужно просто слушать свое сердце и быть естественным, где неясно — спросить, где уместно — объяснить, где возможно — сделать;

... *"великий просвещенный похож на презираемого"* означает, что многие люди захотят унижить просветленного, потому как его искренность ставит под сомнение их личность, поступки и взгляды;

... *"безграничная добродетельность похожа на ее недостаток"* потому что отказывается от назидательных проповедей и одновременно не считает благом то, что увеличивает материальные богатства, но стремится пробудить сознание людей;

... *"распространение добродетельности похоже на ее расхищение"* по тем же причинам, ведь если вы скажете, что нет добра и зла, вас могут обвинить в безнравственности (моральном релятивизме);

... *"истинная правда похожа на ее отсутствие"*, потому что многим заблуждающимся сложно принять истину, к тому же истина может быть выражена разве что молчанием.

4. В переводе А. Кувшинова рассмотренная поговорка такова: *"путь света не лучше пути тьмы, путь побед не лучше пути поражений, путь гармонии и согласия не лучше пути противоречий и ошибок, высшая чистота не лучше темной пропасти, великая слава не лучше позора, иметь многочисленные таланты не лучше, чем не иметь их вовсе, возвращать силу Дэ не лучше, чем тратить ее в любви, достичь высших свойств не лучше, чем, преодолев запреты, отдаться течению судьбы"*. Свет не лучше тьмы, так как нет ни света, ни тьмы. Гармония не лучше противоречий, потому что, стремясь к гармонии, мы обрекаем себя на противоречия. Слава не лучше позора, так как и то и другое подобно страху (см. текст №13). Возвращать силу Дэ не лучше, чем тратить ее в любви, потому что эта сила возрастает именно тогда, когда тратишь ее в любви: мы растем духовно, когда

жертвуем; даря любовь, осознавая свою способность заботиться о ком-либо, мы чувствуем прилив сил, а вовсе не чувство потери чего-то, что мы отдали. Достичь высших свойств не лучше, чем плыть по течению, так как высшие свойства заключаются в умении следовать течению (принимать жизнь).

5. *"Великий квадрат не имеет углов"*. По-другому это можно перевести: *"Великий надел не имеет окраин"* (Юй Кан). Аналогично *великий человек не различает свои и чужие интересы, его душа все "вбирает в себя"*. Он не имеет конфликтов, поскольку не держится за свой субъективный взгляд. Тем самым он обретает Истинный путь.

6. *"Сильный звук нельзя услышать"*. Классическая музыка считается образцом искусства, однако недоступна для понимания большинству людей. Эта недоступность для масс, однако, не становится причиной широкомасштабной критики Моцарта или Баха. Точно так же и *великое учение может быть не понято, но не перестает вследствие этого быть великим*.

42.

Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три — все существа. Все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци и образуют гармонию. Люди не любят [имена] "одинокый", "сырый", "несчастливый". Между тем гуны и ваны этими [именами] называют себя. Поэтому вещи возвышаются, когда их принижают, и принижаются, когда их возвышают. Чему учат люди, тому обучаю и я: сильные и жестокие не умирают своей смертью. Этим я руководствуюсь в своем обучении.

Комментарий:

1. *"Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три — все существа"*. Ян Хин-шун приводит следующий комментарий к своему переводу: "Одно, по нашему мнению, означает хаос, состоящий из мельчайших частиц ци как первоначаль-

ной формы существования дао. Два — это легкие и тяжелые ци, из которых возникли три — небо, земля и человек".

Под "ци" (буквально: газ, дыхание, дух, настроение, сила, жизненность) понимается вселенская жизненная энергия, которую каждый может почувствовать также и внутри себя самого как динамичную витальную силу, и которая имеет своим источником единое Дао. А. Кувшинов в примечании к своему переводу высказывает мнение, что "одно" — это именно Единое, а не хаос. В персоналистических религиях источником вселенской энергии "ци", то есть Единым, является Бог (Аллах, Брахман, Яхве и пр.). Примечательно, что в этих религиях можно также встретить указания на то, что Бог, будучи находящимся вне материального мира (а именно на небесах) первоначалом ("Единым"), одновременно пребывает в каждом из нас (в душе), выступая источником света ("ци"). "Ци" — это мост между человеком и Богом, именно через эту силу в себе человек познает Бога. Он узнает, что Бог существует (прежде всего, в самом человеке), узнает Его благую силу, и понимает, что нужно делать, чтобы возвращать эту силу в себе. В этом смысле *"ци" является источником религиозного чувства и причиной возникновения религий, а "Дэ" есть проявление "ци"* (см. текст №10). Постоянное ощущение "ци" внутри себя и постоянное осознание его источника — Дао, — называются просветлением. Важно помнить, что "ци" пребывает не только в человеке, но и во всем сущем. Оно наполняет каждую форму, тогда как в эпоху отсутствия форм оно было слито с Дао. Даосы говорят: "Человек живет в ци, подобно тому, как рыба в воде".

Рассмотрим теперь, что символизирует в рассматриваемом тексте слово "два". У Ян Хин-шуна это легкие и тяжелые ци (то есть духовный и материальный миры), у Е. Торчинова — Небо и Земля, у А. Кувшинова и Юй Кана — "инь" и "ян". Инь, как известно, выражает женское начало (тьму, холод, податливость, воду, ночь, луну и т.д.), а Ян — мужское начало (свет, жар, твердость, огонь, день, солнце и т.д.). Инь и Ян также могут олицетворять материю и дух. Таким образом, названные переводчики едины в своих мнениях относительно символического значения

числа "два". Здесь важно отметить только, что слово "ци" достаточно многозначно, и на русский язык переводится иногда как "дух", иногда как "материя". В этом нет никакого противоречия, поскольку, как должно быть видно еще из ком. к тексту №1, дух и материя едины. Древнекитайский философ Ван Чун писал: ци, сгущаясь, становится материей, а истончаясь — духом, подобно тому, как лед при нагревании превращается в воду, а при замерзании — в пар. Таким образом, все есть "ци", материя и дух постоянно переходят друг в друга.

Наконец, рассмотрим символ "три", обозначающий, согласно Ян Хин-шуну (равно как и А. Кувшинову), небо, землю и человека. В тексте №25 уже называлось *"четыре великих"*: Дао, Небо, Земля и Человек. Здесь же эти "великие" приводятся за вычетом Дао. Подчеркивается одновременно и *величие человеческой жизни, и ее единство со всем сущим (недопустимость разделения "моей жизни" и "всего остального")*.

Существует и другая точка зрения, согласно которой "три" это Дао, Дэ и Ци (Л. С. Васильев).

Наконец, в переводе Юй Кана "триада" связывается с тремя гунами материальной природы, которые описаны в ведической литературе: добродетелью (благодатью), вождением (страстью) и неведеньем (косностью). Какие бы поступки мы не совершали, мы делаем это под воздействием одной или нескольких гун. При этом благотворительность не всегда исходит из гуны благодати. Когда она вызвана страстью или неведеньем, она приносит больше вреда, чем пользы. Гуна благодати, в свою очередь, считается выше и чище остальных гун, однако способна порождать нездоровую привязанность к знаниям и ощущению счастья; находясь под воздействием этой гуны, человек менее других зависит от чувственных наслаждений, но ввиду этого часто сознает свое превосходство над остальными (это иногда свойственно философам, поэтам или ученым). Поэтому важно отметить, что человек, обладающий верным сознанием Абсолюта, возвышается над всеми тремя гунами и не зависит от них в своем поведении. Таким образом, *совершенномудрый*

стоит выше не только страсти и невежества, но и выше благости.

2. *"Люди не любят [имена] "одинокий", "сырый", "несчастливый". Между тем гуны и ваны этими [именами] называют себя. Поэтому вещи возвышаются, когда их принижают, и принижаются, когда их возвышают".* Эти строки развивают мысль, изложенную в тексте №39. Богатые и знаменитые, казалось бы, имеют все, о чем можно было бы мечтать, но часто называют себя несчастливymi (*"принижаются, возвысившись"*). Их богатство и известность не приносят им радости. Это происходит потому, что с увеличением богатств потребности лишь растут, и богачи забывают, что значит радоваться малому. Хуже того, они начинают оценивать и себя и других с точки зрения этих богатств. Но если богач не будет зазнаваться, если он будет знать цену своим богатствам, словом, если он останется человеком, то тем самым он *"принизившись, возвысится"*.

У С. Митчелла: *"Обычный человек ненавидит одиночество. Но совершенномуудрый использует его: понимая, что он один, он постигает и то, что он и Вселенная — Одно"*.

3. *"Чему учат люди, тому обучаю и я: сильные и жестокие не умирают своей смертью. Этим я руководствуюсь в своем обучении"*. В переводе А. Кувшинова этот отрывок имеет иной смысл: *"Тому, чему учат люди, учу и я: несгибаемый духом не будет побежден своей смертью, — слова эти я предпочту наставлениям всех мудрецов"*. Схожий смысл в переводе Б. Виноградского.

43.

В Поднебесной самые слабые побеждают самых сильных. Небытие проникает везде и всюду. Вот почему я знаю пользу от недеяния. В Поднебесной нет ничего, что можно было бы сравнить с учением, не прибегающим к словам, и пользой от недеяния.

Комментарий:

1. *"В Поднебесной самые слабые побеждают самых сильных"*. Самыми слабыми называются те, кто умеет принимать любую данность. Если они могут принять любое положение дел, то они действительно сильнее тех, кто пытается прогнуть мир под себя, потому что последние всегда ограничены в своих возможностях. Не претендуя на толкование Библии, отметим, что и Христос говорил своим апостолам: "кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою" (Мк. 9:35). В другом месте читаем: "Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом" (1 Кор. 1:26-29).

2. *"Небытие проникает везде и всюду"*. Небытие не имеет формы, поэтому может проникнуть через любую форму. Вот почему вселенская энергия "ци" (см. текст №42) пребывает во всем. Эта энергия и дает силы для принятия действительности.

3. *"В Поднебесной нет ничего, что можно было бы сравнить с учением, не прибегающим к словам, и пользой от надеяния"*. Некоторое представление о том, что есть учение, не прибегающее к словам, могут дать ком. 5 к тексту №5, текст №11, ком. 1 к тексту №14, ком. 3 к тексту №21, ком. 1 к тексту №32, и др., а в особенности ком. 3 к тексту №37. Хэшан-гун поясняет также: *"Тот, кто следует Пути, не говорит, а наставляет личным примером"* (по В. В. Малявину). О надеянии см. текст №2. Отметим только, что надеяние означает не безвольность, а бдительность.

44.

Что ближе к себе — слава или жизнь? Что дороже — жизнь или богатство? Что тяжелее пережить — приобретение или по-

терю? Кто многое сберегает, тот понесет большие потери. Кто много накапливает, тот потерпит большие убытки. Кто знает меру, у того не будет неудачи. Кто знает предел, тот не будет подвергаться опасности. Он может стать долговечным.

Комментарий:

1. См. тексты №13, 22, а также №7.

2. *"Что ближе к себе — слава или жизнь? Что дороже — жизнь или богатство?"* — каждому из нас не мешало бы время от времени задумываться над этими блестящими вопросами: слава и богатство нередко выступают заслоном перед настоящей жизнью.

Комментарий Ван Би к этим строкам таков: "Тот, кто ценит славу и чтит высокое положение, непременно отдаляется от себя. Тот, чья алчность не ведает пресыщения, непременно презирает собственную жизнь. Получить большую выгоду, а жизнь свою погубить — что же хуже? Страстное вождление не позволяет соединиться с вещами, накапливание богатства не дает возможности делиться с другими. Когда желания велики, а нападения часты, все вокруг страдают" (по В. В. Малявину).

3. У А. Кувшинова первая половина данного текста переведена так: *"Что ближе: название или сущность? Что дороже: сама вещь или ее цена? Кто тревожится больше: тот, кто стремится урвать, или тот, кто не боится потерять? Воистину, чем сильнее любишь, тем больше тратишь, чем сильнее прячешь, тем больше теряешь"*. "Теряешь", конечно, в любви. И если Бог есть любовь, если самое главное в жизни — это любовь, то становится очевидным, как много можно потерять. Что касается формулировки вопросов, предложенной А. Кувшиновым, то и над этими вопросами каждому из нас стоит задуматься. Что дороже, вещь или цена? Сколько вообще стоит цена? Не глупо ли считать вещь хорошей только потому, что она дорого стоит? И так же: не глупо ли считать вещь хорошей, если она красиво называется? Кажется очевидным, что все это глупо,

однако миллионы людей изо дня в день совершают подобные глупости.

4. *"Кто знает меру, у того не будет неудачи. Кто знает предел, тот не будет подвергаться опасности"*.

Эти же строки по Юй Кану: *"Полноту познавший не знает немилости. Самадхи ведающий не близится к гибели"*.

"Познать полноту" — значить понять, что счастье находится в тебе самом, что психологически можно принять абсолютно любой ход событий. В следующем тексте, к слову, утверждается, что познать полноту — то же самое, что познать пустоту (см. тексты №4,11).

Самадхи (от санскритского "целостность, объединение; осуществление, завершение; собранность") в индуистской и буддийской традициях означает состояние, при котором исчезает сама идея собственной индивидуальности (но не сознание) и возникает *единство воспринимающего и воспринимаемого*. Самадхи есть то состояние просветления, достигаемое медитацией, которое выражается в *спокойствии сознания*, снятии противоречий между внутренним и внешним мирами (субъектом и объектом), слиянии индивидуального сознания как микрокосма с космическим абсолютом как макрокосмом. Самадхи — последняя ступень т.н. восьмеричного пути, подводящего человека к нирване. Таким образом, самадхи по сути есть дарующее блаженство состояние осознания единства с миром и тотального его принятия.

В Бхагавадгите о самадхи говорится следующее: "Когда йог достигает ступени совершенства, именуемой трансом, или самадхи, его ум полностью отстраняется от материальной деятельности. Благодаря чистоте ума он обретает способность видеть свое истинное "Я", которое становится для него источником радости и счастья, и йог черпает радость в себе самом". В других переводах этого отрывка акцент делается не на отрешение от материальной деятельности, а на достижении спокойствия ума, преодолении "ментального шума".

Что же есть медитация, с помощью которой достигается Самадхи? Как отмечается в философских словарях, медитация —

это "внутреннее действие", направленное на приведение психики человека в *состояние углубленной сосредоточенности и уравновешенности ума*. В психологическом плане медитация предполагает устранение крайних эмоциональных проявлений и значительное ослабление реакций на внешние раздражители (это связано как с необходимостью умеренного самоконтроля, так и с осознанием единства всего мира). В соматическом плане медитация характеризуется расслабленностью, приподнятостью настроения и некоторой отрешенностью (от внешних объектов и отдельных внутренних переживаний), что можно объяснить осознанием истины "счастье внутри нас".

Методики медитации различны в разных духовных традициях, однако представляется, что приведенное описание медитации способно показать читателю как минимум общую пользу медитативных практик. Они помогают нам выйти за пределы самих себя (а значит преодолеть изначально данную дисгармонию) и познать непроявленную сущность мира (обрести смысл жизни, увидеть ценность во всем сущем). Сен Шаку говорил: "Медитация — нетрудное занятие. Это путь к давно потерянному вами дому". (Описанное "трансцендирование" личности, к слову, неразрывно связано с мистикой как с чем-то, с одной стороны, загадочным и необъяснимым, а, с другой стороны, божественным, сверхъестественным; религиозные мистики способны рассказать нам о Дао гораздо больше религиозных догматиков.)

45.

Великое совершенство похоже на несовершенное, но его действие [не может быть] нарушено; великая полнота похожа на пустоту, но ее действие неисчерпаемо. Великая прямота похожа на кривизну; великое остроумие похоже на глупость; великий оратор похож на заику. Ходьба побеждает холод, покой побеждает жару. Спокойствие создает порядок в мире.

Комментарий:

Здесь очередной раз приводятся примеры *парадокса недеяния*, обсуждавшегося в ком. к тексту №7. Вещи познаются через категории количества и качества, и когда количество достигает некоего предела, возникает новое качество, а количество снова становится относительно минимальным. Поэтому: совершенствуясь, можно замкнуть круг превращений и тем самым максимально приблизиться к несовершенному, а бесконечно наполняя — постепенно достичь пустоты. Однако это лишь поверхностное философское объяснение.

Совершенномудрый не пытается преобразовать себя и окружающий мир, поэтому он отличен от типичных перфекционистов. Последним он кажется полным недостатков, а его действия — далекими от совершенства.

Совершенномудрый очищает свое сердце от страстей, свой ум — от чрезмерного мышления, свой желудок — от избыточной еды, но тем самым он становится полностью открытым для мира, вмещает в себя весь мир, и его пустота оборачивается великой полнотой.

Великие мысли достаточно сложны для обыденного сознания, их нельзя сформулировать либо обосновать простым языком, поэтому многим эти мысли кажутся бесполезным и оторванным от жизни умствованием.

Великий оратор не разглагольствует, а знает цену словам и молчанию, поэтому иногда людям может показаться, что этот оратор ничего не может им сказать. В переводе Юй Кана: *"Великое Красноречие подобно косноязычью"*. В Библии: *"Человек рассудительный скрывает знание, а сердце глупых высказывает глупость"* (Притч. 12:23).

А. Кувшинов в своем переводе обращает внимание на другие феномены: *"Великое достижение не лучше увечья, ведь его нужно все время тренировать, чтоб оно не испортилось. Великая прибыль не лучше убытка, ведь ее нужно все время поддерживать, чтоб она не иссякла"*. Здесь проводится мысль о том, что

неверно стремящийся к одному получает противоположное. Таким образом, если выше шла речь о тех, кто идет верным путем, и о том, почему они похожи на свои противоположности, то теперь можно отметить, что и те, кто идет неверным путем, могут быть похожи на свои противоположности, однако уже в другом смысле.

46.

Когда в стране существует Дао, лошади унаваживают землю; когда в стране отсутствует Дао, боевые кони пасутся на полях. Нет большего несчастья, чем незнание границы своей страсти, и нет большей опасности, чем стремление к приобретению [богатств]. Поэтому, кто умеет удовлетворяться, всегда доволен [своей жизнью].

Комментарий:

1. *"Когда в стране существует Дао, лошади унаваживают землю; когда в стране отсутствует Дао, боевые кони пасутся на полях". "Дао дэ цзин" крайне негативно относится войне, однако не стоит забывать тексты №30 и 31, в которых оправдывается война в целях самообороны: "Искусный [полководец] побеждает и на этом останавливается"; "Благородный [правитель] во время мира предпочитает быть уступчивым и лишь на войне применяет насилие". Этим данный трактат отличается от другого даосского текста — "Чжуан-цзы", в котором говорится о вреде всякой политики и о желательности полного истребления культуры. В конечном итоге дело не в отрицании материальных завоеваний, а в правильном отношении к ним. Поэтому стоит отметить, что даосы внесли существенный вклад в технический и культурный прогресс Китая, а кроме того не раз возглавляли китайские народные восстания. Тем не менее, все это они делали с требуемой естественностью и непривязанностью. Они не прибегали к насилию и преобразованиям без надобно-*

сти, но разве не бывает так, что и равнодушное и бездействие совсем не естественны, и разве не естественно будет порой предпринять какие-либо действия, например самообороняться во время войны? Таким образом, понятие "недеяния" не является абсолютным: иногда оно обозначает фактически "действие" ("Дао дэ цзин" не призывает к полнейшему возврату к природе, не отрицает государство и культуру). Все очень просто: *нет ничего плохого в том, чтобы достичь чего-либо, но не нужно отождествлять себя со своим достижением, равно как и со своей целью.* Недеяние — это не бездействие, вытекающее из страха, инерции или нерешительности. Это поведение, обусловленное глубоким осознанием себя и всего сущего, свободой рассудка, присутствием его здесь-и-сейчас.

Итак, "недеяние" относительно. Ранее же (текст №11) говорилось об относительности понятия "пустоты". Отсюда вывод: истину не выразишь в терминах недеяния и пустоты, она намного глубже. Тот, кто чувствует ее, тот *"знает границу своей страсти"* (то есть понимает, когда "недеяние" подразумевает "действие") и *"умеет удовлетворяться"* (то есть довольствоваться жизнью, не накапливая богатств, но и не лишая себя этих богатств).

2. *"Нет большего несчастья, чем незнание границы своей страсти, и нет большей опасности, чем стремление к приобретению [богатств]".* У В. В. Малявина: *"Нет большего преступления, чем потакать вожделению. Нет больше беды, чем не знать, что имеешь довольно. Нет большего порока, чем страсть к обладанию".* У Б. Б. Виноградского аналогично: *"Нет большей беды, чем неосознание достаточности..."*. Интересно отметить, что в последних двух переводах порок отождествляется не только с преступлением, но и бедой для самого же порочного человека. Порок и преступление являются таковыми не потому, что есть указания некоего Бога или человеческого закона, а прежде всего потому, что вредят самому совершающему их человеку. Стоит только по-настоящему осознать это — и вы станете безгрешны.

Не выходя со двора, можно познать мир. Не выглядывая из окна, можно видеть естественное Дао. Чем дальше идешь, тем меньше познаешь. Поэтому совершенномудрый не ходит, не познает [все]. Не видя [вещей], он проникает в их [сущность]. Не действуя, он добивается успеха.

Комментарий:

1. *"Не выходя со двора, можно познать мир"*. Имеется в виду внутренний мир, который важнее внешнего. Счастье заключается не в событиях и вещах, а в нашем отношении к ним. Это определенное состояние сознания, которое от внешнего мира, в общем-то, и не зависит. Поэтому если вы хотите быть счастливыми, прислушайтесь к своей душе. И *"не выходя со двора, не выглядывая из окна, вы познаете мир и естественное Дао"*. Вам больше ничего не захочется узнавать — *все что нужно, вы откроете в себе самом*.

Необходимо подчеркнуть, что познавать свою душу следует не научными методами академической психологии, которая занимается в основном чуть ли не лабораторным изучением "механизмов" нервных реакций, инстинктов и пр., а путем медитативного вслушивания в себя. Хотя психология и означает "учение о душе", эта наука давно уже изучает что угодно, только не душу. Любовь, разум, ценностные суждения, совесть, знание добра и зла стали для нее чем-то совершенно неважным, выходящим за пределы научной проблематики. И это не случайно: сама научная дотошность и становится причиной того, что истинное знание как будто ускользает от нас. Психика (душа) — это не то, что можно пощупать и измерить. В физике, в свою очередь, наглядным примером данной закономерности служит т.н. "принцип неопределенности", который демонстрирует нам, как сама природа противится ее грубому доскональному изучению.

Чтобы познать самое главное в жизни, не нужно никаких экспериментов, не нужно даже выходить из дома.

2. *"Чем дальше идешь, тем меньше познаешь". Все больше увлекаясь материальными вещами и чувственными ощущениями, мы удаляемся от собственной души, забываем самое главное* (см. текст №1, ком. 3). Дело в том, что природа человека есть "неравновесие": человек постоянно к чему-то стремится, ищет смысл своего существования. Он не может запросто отстраниться от своего тела, которое постоянно требует новых ощущений. Он не может так просто избавиться от своего ума, беспрестанно создающего новые фиктивные проблемы и пытающегося их разрешить. В итоге *"чем больше ты имеешь знаний, тем меньше понимаешь"* (С. Митчелл). И так, что же дают нам новые вещи и новые знания? Действительно ли спустя столетия люди становятся счастливее, или же одни проблемы просто сменяются другими? Достаточно вспомнить букет заболеваний, связанных с сидячей работой в офисе, а также стресс и бездушие как основные характеристики нашей цивилизации, чтобы дать ответ на этот вопрос.

Что же означает "чувствовать душу"? Это не значит верить в загробную жизнь или в переселение душ, или в принципе — в существование чего-то независимого от тела и ума, вовсе нет! Это означает лишь, что мы можем попытаться отстраниться от тела и ума, чтобы выйти из состояния "неравновесия", и лучший способ этому — недеяние ("успокоиться, расслабиться и принять все как есть"). Эту способность уже можно назвать душой. Обладая ей, мы начинаем понимать, что все наши повседневные трудности — безденежье, болезни, ссоры с близкими и пр. — на самом деле не являются трудностями, и очень легко разрешимы, стоит лишь посмотреть на них под другим углом; мы понимаем тогда, что мы не жалкие и несчастные создания, а могущественные подобиya Божьи, и нам даже не нужно стремиться к совершенству, потому что мы уже совершенны от рождения.

3. *"Не действуя, он добивается успеха"*. О недеянии см. тексты №2, 27, 38. Совершенномудрый творит и созидает, не пытаясь ничего добиться. Можно пожертвовать всей своей жизнью

ради других людей и поколений, но не думайте, что мудрецы станут ставить вас после этого в пример, ведь если каждый будет жертвовать собой ради других, то жить будет просто некому. Как же быть? Надо постараться находить удовольствие в самом процессе творчества вместо того, чтобы не грезить грандиозными результатами. Так вы создадите многое и не потеряете собственную жизнь.

48.

Кто учится, с каждым днем увеличивает [свои знания]. Кто служит Дао, изо дня в день уменьшает [свои желания]. В непрерывном уменьшении [человек] доходит до недеяния. Нет ничего такого, чтобы не делало недеяние. Поэтому овладение Поднебесной всегда осуществляется посредством недеяния. Кто действует, не в состоянии овладеть Поднебесной.

Комментарий:

1. *"Кто учится, с каждым днем увеличивает [свои знания]. Кто служит Дао, изо дня в день уменьшает [свои желания]"*. Здесь не утверждается напрямую, что совершенномудрый должен уменьшать свои знания. В конце концов, страсть к уменьшению знаний — такая же страсть, как и все остальные. Комментируемый текст говорит лишь то, что *счастье заключается не в знаниях*. Иногда знания полезны, иногда вредны, но даже с учетом этого не стоит увлекаться поиском и вычленением "полезного" знания. Нужно просто успокоиться. "Коль скоро мудрый не строит планов, зачем ему знание?" ("Чжуан-цзы").

У Юй Кана перевод комментируемых строк таков: *"Повседневное овладение "Знанием" — прибыльно. Повседневное постижение Дао — убыточно"*. Прибыльно и убыточно это, конечно, только с точки зрения повседневного (поверхностного, предрассудочного) взгляда. Стоит копнуть глубже, и ситуация предстанет совсем иной.

2. *"В непрерывном уменьшении [человек] доходит до недеяния"*. Дословно здесь говорится, что сначала мы теряем, а потом еще раз теряем. Комментарий Дэцина: "Когда знанием изгоняем страсти, это можно назвать утратой. Когда страсти забыты, и знание тоже пропадает, мы "еще теряем". В таком случае в сердце осуществится "двойное забытье", а все личные желания исчезнут" (по В. В. Малявину). Как известно, *многие знания — многие печали*. Конечно, знания могут помочь нам осознать нечто главное в жизни, однако дальнейшее цепляние за них означает, что главным в жизни мы сделали уже сами знания (средство превратили в цель). Поэтому-то для обретения истинной мудрости необходимо отбросить также стремление к увеличению количества знаний, и вообще: помимо материальных, отбросить еще и духовные страсти и вождения.

3. О том, почему страны покоряются посредством недеяния, см. текст №29. О том, что нет ничего неподвластного недеянию, уже говорилось в текстах №37, 43.

4. *"Кто действует, не в состоянии овладеть Поднебесной"*, то есть окружающим миром и другим человеком; он не в состоянии жить полной жизнью и чувствовать радость бытия. А. Кувшинов в своих комментариях так объясняет этот феномен: "Отдавая все свое внимание делам, которыми занят, попросту невозможно увидеть что-либо другое, — например, мир, который существует вне узких рамок повседневных забот. Так и получается, что люди являются добровольными тюремщиками для самих себя. Все силы своих молодых лет они отдают ни постройку надежной тюрьмы, чтобы уже не покинуть ее до самой смерти". Таким образом, повседневные заботы суть лишь страсти, обуздывающие и ограничивающие человека, ведущие его к несчастьям, превращающие его в раба стремления к богатству, славе и наслаждению. Важно понять, что *мое навязчивое стремление к улучшению материальных условий и к славе плохо не потому, что безнравственно (то есть нежелательно для других), а потому, что вредит, прежде всего, мне самому*.

Совершенномудрый не имеет постоянного сердца. Его сердце состоит из сердец народа. Добрым я делаю добро и недобрым также делаю добро. Таким образом и воспитывается добродетель. Искренним я верен, и неискренним также верен. Таким образом и воспитывается искренность. Совершенномудрый живет в мире спокойно и в своем сердце собирает мнения народа. Он смотрит на народ, как на своих детей.

Комментарий:

1. *"Совершенномудрый не имеет постоянного сердца"*. Это означает, что у него нет долгоиграющих желаний и планов. Он живет настоящим. Также это означает, что у него нет того, что обычно называется *характером*. Характер связан с прошлыми событиями, с прошлым поведением, но если ты живешь настоящим моментом, то ты не можешь быть связан не только с будущим в виде планов, но и с прошлым в виде характера. Только тогда можно быть действительно спонтанным. Ошо пишет: "Человек с характером не верит природе, он говорит: "Я буду воспитывать характер, иначе в определенной ситуации я поведу себя плохо". Он не верит себе. Посмотрите, какой абсурд: себе он не верит, но *сам* собирается воспитывать...". Но чтобы оставить характер, человек должен поверить, что все проблемы в этой жизни можно решить с легкостью и непринужденностью.

2. *"Совершенномудрый... собирает мнения народа"*. Совершенномудрый не зависит от собственных мнений, которые так же, как и характер, являются *"багажом прошлого"*. В каждую минуту он готов изменить свое мнение, если это представляется ему разумным. В.В. Малявин пишет: "Главное достоинство каждого человека в свете, тем более ученого и наделенного властью — иметь собственное мнение. Еще почетнее — упрямо придерживаться своего мнения, даже если оно явно ошибочно

или совсем не оригинально. Люди редко замечают, что их мнения, которыми они так дорожат, в действительности внушены им извне. Еще реже они сознают, что, отказавшись от своих предрассудков, они не только сняли бы с себя тяжкое бремя, но и открыли бы в себе источник абсолютного добра, не зависящего от частных мнений... люди живы не изощренностью ума, а бескорыстием любви".

3. *"Его сердце состоит из сердец народа". Совершенному-дрый любит людей независимо от их пола, расы, национальности, убеждений и действий.* Так и Иисус говорил: "любите врагов ваших". *Неправильно любить только близких людей.* Иисус говорил поэтому, что он "пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее". Классик даосизма Чжуан-цзы был согласен с ним, и утверждал: "Высшее человеколюбие не принимает во внимание родственных связей". Эти изречения напоминают нам одновременно о необходимости различать подлинную любовь и простую зависимость. Люди ценны сами по себе, а не ввиду своей полезности для кого-то, ценны потому, что в них течет жизнь, а жизнь — это чудесно. Поэтому, как говорится далее, совершенному-дрый *"смотрит на народ, как на своих детей"*. За что мать любит своих детей? Просто за то, что они ее дети, за то, что они есть, других причин не надо! Вот и совершенному-дрый любит людей просто так ("как мать детей"). Конечно, он любит их и отцовской любовью, то есть желает, чтобы они стали самостоятельными, самодостаточными, и смогли понять сокровенную истину, которая сделает их свободными и счастливыми. Но эта любовь не переходит в насилие над чужой личностью, потому что, в конечном счете, только сам человек может помочь себе (см. текст №5, ком. 1). Безусловная "материнская" любовь и является причиной того, что совершенному-дрый делает добро и служит как хорошим, так и плохим людям: *"Добрым я делаю добро и недобрым также делаю добро"*. В этом заключается истинное Дэ: *любить всех без исключения; ненавидеть грех, но не грешника.* Но что значит делать добро недобрым людям? Не значит ли это "наставлять их на путь истинный"? В этом смы-

сле любовь совершенномудрого приобретает черты "отцовской" любви.

4. *"Искренним я верен, и неискренним также верен"*. В других переводах присутствует слово *"верю"* вместо *"верен"*, то есть совершенномудрый верит и правдивцам, и лжецам. Вероятно, причиной этого является безусловное принятие им действительности: *"лжец не может навредить мне своей ложью"*.

50.

[Существа] рождаются и умирают. Из десяти человек три [идут] к жизни, три — к смерти. Из каждых десяти еще имеются три человека, которые умирают от своих деяний. Почему это так? Это происходит оттого, что у них слишком сильно стремление к жизни. Я слышал, что кто умеет овладевать жизнью, идя по земле, не боится носорога и тигра, вступая в битву, не боится вооруженных солдат. Носорогу некуда вонзить в него свой рог, тигру негде наложить на него свои когти, а солдатам некуда поразить его своим мечом. В чем причина? Это происходит оттого, что для него не существует смерти.

Комментарий:

1. *"Из десяти человек три [идут] к жизни, три — к смерти. Из каждых десяти еще имеются три человека, которые умирают от своих деяний"*. Возможно, здесь имеются в виду дети, чье восприятие мира *еще* не загрязнено заботами, старики, чьи мысли *уже* не отягощены этими заботами, и взрослые люди средних лет, которые, будучи живыми и в полном расцвете сил, на самом деле *"умерли от своих деяний"*, то есть умертвили свою душу. Возможна и другая трактовка: три человека из десяти идут по верному пути и преисполнены добром, три из десяти находятся во власти зла, а еще три не стремятся делать ни добро ни зло, но и не живут при этом подлинной жизнью, так как погрязли в делах. В таком случае возникает вопрос: а кем же является еще

один, десятый человек? Пожалуй, он находится по ту сторону добра и зла, а значит является просветленным.

2. Итак, почему же три человека *"умирают от своих деяний"*? *"Это происходит оттого, что у них слишком сильно стремление к жизни"*. См. текст №7 с ком., а также ком. 2 к тексту №24. Если бы люди не боялись смерти, то они бы стали совершенно мудрыми, которых смерть сама боится коснуться. Для совершенномудрого *"не существует смерти"*, потому что он сам не создает ее своими деяниями. Он не зависит от повседневных забот; живя моментом, он не знает проблем. Так *настоящая жизнь становится доступна ему*, и одновременно работает знаменитое изречение Эпикура: *"Когда я есть, смерти нет, когда смерть есть, меня уже нет; следовательно, нечего страшиться смерти, ибо она нас не касается"*.

3. Китайские комментаторы также обращают внимание на то, что для совершенномудрого не существует смерти, так как он *не отождествляет себя со своим телом*, он чувствует незыблемую вечность внутри себя. А если нет тела, то и *"носорогу некуда вонзить свой рок, тигру негде наложить когти, а солдатам некого поразить мечом"*. Согласно другой трактовке, *совершенномудрый уже "вобрал в себя смерть как часть этого мира"*, так что смерть является лишь частью его самого. Конечно, вполне естественно ценить свою жизнь, однако даосы как бы предупреждают: любовь к жизни может стать равнозначным ее забвению. Поэтому и возникают иносказания о том, что обретение жизни возможно лишь через *"принятие смерти"*, или же через *"отречение от тела"*. Отметим также и трактовку, согласно которой привязанность к жизни вполне может оказаться глупым самообманом, поскольку не исключено, что в ином мире люди более счастливы, чем в этом.

4. Приведем также вольный английский перевод С. Митчелла: *"Никаких иллюзий в уме, никакого сопротивления в теле. Совершенномудрый не думает о делах, он будто льется из источника своего бытия. Он ни о чем не жалеет и ни к чему не стремится, и потому готов к смерти, как человек готов ко сну после плодотворного дня"*.

51.

Дао рождает [вещи], Дэ вскармливает [их]. Вещи оформляются, формы завершаются. Поэтому нет вещи, которая не почитала бы Дао, и не ценила бы Дэ. Дао почитаемо, Дэ ценимо, потому что они не отдают приказаний, а следуют естественности. Дао рождает [вещи], Дэ возвращает их, воспитывает их, совершенствует их, делает их зрелыми, ухаживает за ними, поддерживает их. Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим не повелевать — вот что называется глубочайшим Дэ.

Комментарий:

1. *"Дао рождает [вещи], Дэ вскармливает [их]"*. Дао — источник жизни во Вселенной. Появляясь, жизнь расцветает благодаря Дэ. Любя, творя на благо всего, бескорыстно совершая добрые дела, мы начинаем чувствовать собственную силу, и обретаем радость бытия. Вот почему для людей как для одной и форм жизни вполне естественно *"почитать Дао и ценить Дэ"*.

В других религиозных традициях утверждается, что все мы являемся частью единого Бога. Этот Бог пребывает одновременно и в нас и вне нас. Он — наш творец. Поэтому мы неразрывно связаны с ним, мы не можем жить без него. Забыть Бога — забыть жизнь.

Дао не отождествляется напрямую с Богом: то, что называют "Богом", есть лишь один из аспектов понимания Дао, одно из множества значений этого слова, и это значение не стоит превозносить, абсолютизировать и объективировать. Тем не менее, христианские, исламские и индуистские религиозные доктрины способны раскрыть смысл комментируемого текста.

Помимо того, что мы "носим Бога в себе" эти доктрины утверждают, что Бог дал нам свободу выбора между грехом и праведностью. Он не заставляет нас служить Ему, но говорит "ты

можешь служить Мне" (*"являясь старшим, не повелевает"*). Он, в сущности, наделил нас даром осознанности. Теперь мы способны понять, что для нас хорошо, а что плохо, и сделать выбор. Праведность — это хорошо, потому что она соединяет нас с Источником, грех — это плохо, потому что это способ действия, уводящий нас от Источника. И сколько бы мы ни сопротивлялись Слову Божьему, сколько бы мы ни прибывали в грехе, в конце концов станет ясно, что грех вреден и ведет к гибели, а праведность — это сама естественность. (Вот и в комментируемом тексте говорится, что *"нет вещи, которая не почитала бы Дао, и не ценила бы Дэ"*, причем Дао и Дэ *"не отдают приказаний, а следуют естественности"*; Дао и Дэ почитают не вследствие приказа или обещанной награды, а ввиду естественной тяги к ним). Но одно дело, когда мы автоматически поступаем праведно, а другое — когда осознали правильность такого поведения посредством личного жизненного опыта ("на собственной шкуре") и именно поэтому праведны. Путь такого осознания очень труден, полон страданий и ошибок. Вот почему буддисты говорят, что земная жизнь есть страдание, а христиане — что наш мир есть царство дьявола. Однако награда, которую мы получаем в конце, вероятно, превосходит все несчастья. Ведь подлинная свобода — это не вседозволенность, а следование разуму. И будучи осознанными (то есть разумными), мы познаем Высшее Благо, и так обретаем полную свободу.

Согласно христианским мистикам, в каждой живой твари Бог выражает себя тем или иным образом, человеку же он решил подарить высшее свое качество — разум. Конечно, осознание себя неизбежно приводит к чувству тотального одиночества. Но ведь и Бог, раз уж мы слеплены по его образу и подобию, до того, как на Земле появился первый воистину праведный человек, чувствовал такое же тотальное одиночество! (И в этой догадке с христианскими мистиками солидарны индийские Упанишады). *"Дао рождает [вещи], Дэ возвращает их, воспитывает их, совершенствует их, делает их зрелыми, ухаживает за ними, поддерживает их"*. Не созвучны ли эти строки христианскому положению

о том, что Бог-Отец всегда с нами, заботится о нас как о своих детях, не оставляет в беде и дает возможность встать на путь истинный, то есть осознать сделанные ошибки? И не должны ли мы, поняв тотальное одиночество Господа, проникнуться к Нему той же любовью и тем же сочувствием, что и Он к нам, и слиться тем самым в единстве Вечного Света? Если отбросить предположение о том, что Дао есть личностный Бог, то речь во всяком случае может идти об искренней заботе о людях и обо всем живом как о вернейшем способе исполнить свое предназначение, реализовать свои способности и обрести счастье.

Итак, мир (Дао) таков, что мы обладаем свободой воли, и способны различить благо, то есть начать поступать праведно, в связи с чем — ощутить подлинную свободу и блаженство от осознания собственной жизни. В этом — великое возвращение к Дао. Младенец слит с Дао, но не осознает этого. Он подобен Адаму и Еве, которые до известного момента были безгрешны и счастливы, но не осознавали этого. Теперь этот младенец, равно как и все человечество должны повзрослеть и снова вернуться к тому, что имели, но уже будучи осознавшими. В этом замысел Дао.

А является ли Дао одновременно Богом, возможно, не столь существенный вопрос. Будда, например, всегда уклонялся от метафизических вопросов типа "существует ли Бог?", "существует ли жизнь после смерти?", считая их незначимыми при осуществлении главной цели — избавления от страдания. Во всяком случае, если кто хочет решить для себя вопрос о существовании Бога, должен делать это, избегая предрассудков и мыслительных спекуляций, не пытаясь "сотворить себе кумира" в лице Бога и переложить на него ответственность за свою жизнь, не преклоняясь перед Дао как перед могучей внешней силой, а также помня о том, что истина невыразима словами и недостижима одной только логикой (наукой, кстати, уже давно доказано несовершенство логического метода⁸). Вообще, практически все религии

⁸ Здесь можно упомянуть многочисленные парадоксы логики, не имеющие стандартного разрешения. Например, парадокс лжеца, согласно

апеллируют не к логике (сама сущность которой — в искусственном ограничении многообразия реальности ввиду практических целей познания), а к интуиции, созерцанию, непосредственному чувственному опыту человека (ощущению Бога, прежде всего, в самом себе), поэтому чтобы понять их суть, нужно просто искренне попытаться следовать их предписаниям хотя бы некоторое время.

2. *"Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим не повелевать — вот что называется глубочайшим Дэ"*. Аналогично в тексте №10: "Создавать и воспитывать [сущее], создавая, не обладать [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагать к этому усилий; руководя, не считать себя властелином — вот что называется глубочайшим дэ". В тексте №2 совершенномудрый также "создавая, не обладает [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагает к этому усилий; успешно завершая [что-либо], не гордится". См. комментарии к указанным текстам.

3. Комментарий В. В. Малявина: "В глубине туманных и часто парадоксальных речений Лао-цзы таится безмятежный покой, проистекающий из непоколебимого и радостного доверия к самому источнику жизни. Ни одна вещь в мире не рождается и не растет без наличия в ней "вскармливающего совершенства" (такой заголовок дал этой главе Хэшан-гун). Все сущее "само по себе" тяготеет к всеобщему Пути, который бескорыстно одаривает милостями целый мир. Следовательно, люди без принуждения примут власть того, кто достоин быть государем. И если

которому утверждение "то, что я говорю — ложно" не может быть ни истинным, ни ложным. Несовершенство логики следует из так называемой теоремы Геделя. Любые логические умозаключения основываются на совокупности аксиом. Гедель доказал, что если среди этих аксиом нет таких, которые противоречат друг другу, то всегда найдется утверждение, которое с помощью логики на основании этих аксиом можно одновременно и доказать и опровергнуть (или, что то же: нельзя ни доказать, ни опровергнуть с помощью логики на основании данных аксиом).

Путь позволяет всему быть тем, что оно есть, для чего переживать за судьбы мироздания?"

52.

В Поднебесной имеется начало, и оно — мать Поднебесной. Когда будет постигнута мать, то можно узнать и ее детей. Когда уже известны ее дети, то снова нужно помнить об их матери. В таком случае до конца жизни [у человека] не будет опасности. Если [человек] оставляет свои желания и освобождается от страстей, то до конца жизни не будет у него усталости. Если же он распускает свои страсти и поглощен своими делами, то не будет спасения [от бед]. Видение мельчайшего называется зоркостью. Сохранение слабости называется могуществом. Следовать сиянию [Дао], постигать его глубочайший смысл, не навлекать [на людей] несчастья — это и есть соблюдение постоянного.

Комментарий:

1. *"В Поднебесной имеется начало, и оно — мать Поднебесной"*. Подчеркивается, что Первоначало имеет женский облик, поскольку направлено на "бесконечное принятие"; однако такое отождествление первоначала с женственностью относительно, поскольку женское не сводится к "принятию", а мужское — к "преобразованию" (см. текст №6, ком. 3). Здесь также имеется в виду та аллегория, что Дао — это сила, вскармливающая все живое, начало всего. Необходимо помнить, что книга "Дао дэ цзин" полна поэтических сравнений, поэтому многие ее утверждения не стоит воспринимать "тезисно". Отметим, что в других религиозных доктринах первоначало мира имеет мужской облик (Бог-Отец, Бог-мужчина). Такой взгляд имеет свои корни и в китайской духовной традиции, где мужское начало (Ян) ассоциируется с духовностью, а женское начало (Инь) с материей, но Дао есть всё же единство духа и материи.

2. *"Когда будет постигнута мать, то можно узнать и ее детей. Когда уже известны ее дети, то снова нужно помнить об их матери"*. Эти положения следует понимать так, что сначала нужно познать Первоначало мира, и только потом обращать внимание на повседневные дела. Если мы не помним о Боге, о Дао, о бренности всего сущего и необходимости тотального принятия, об относительности добра и зла и всех других понятий, то нам нельзя погружаться в материальные проявления Первоначала. Когда же мы начинаем изучать материальный мир, и с помощью науки постигаем его чудеса, то нам снова нужно вспомнить о Первоначале и воспринять вновь полученные знания в контексте всепроникающей духовной сущности (материалистическим языком — энергии), тем самым ощутив свое единство с миром. Иначе мы просто потеряемся в бесконечных заботах, увлечемся чем-то совсем не стоящим времени, усилий и беспокойства. Все знания должны использоваться на благо внутренней человеческой сущности, вместо того, чтобы отдалять нас от нее. Можно сказать так: мир таит в себе множество возможностей, но и множество опасностей, и наша задача в том, чтобы, узнав великое разнообразие форм, постигнуть тем самым величие Праматери, и впоследствии вернуться к ней, не привязываясь ни к одной из этих форм. *Совершенномудрый ценит наслаждения материального мира, но не забывает о своей внутренней сущности.* Таким образом он, *"помня о матери, узнает ее детей"*.

В комментируемых строках, в целом, прослеживается та же диалектика что обсуждалась в ком. к тексту 51. Человек должен осознать Бога ("свою сущность") и всю благость Божественной воли ("радость быть собой"), осознанно выбрать праведный путь, оставаясь и обретая счастье именно в материальном мире. У А. Кувшинова читаем: *"Обретя связь с началом, поймешь, что ты — ее дитя. Поняв, что ты — ее дитя, вновь вернешься к тому, чтоб во всем следовать ее воле"*.

Следовать воле матери — значит следовать *естеству*. В религиозном контексте это означает следовать воле Господа, и поскольку Он и придумал законы этого мира, постольку следование

Его воле означает гармонию с миром. Многие могут утверждать, что следование Дао отлично от следования воле Брахмана, Аллаха или Иисуса. В этом действительно есть доля правды: никто и не говорит, что даосизм полностью тождествен другим религиям. Тем не менее, важно помнить, что любая религия (включая собственно даосизм!) есть лишь грубое искажение первоначального посыла (Дао). Если же приглядеться, то в них можно найти много общего. Мы знаем, что Иисус сказал: "кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую". Но мы знаем о нем и другое: увидев торговцев в храме, он "сделав бич из веревок, выгнал из храма всех". Как совместить его слова и действия? Не заключается ли разгадка в том, что Иисус, словно проповедник Дао, призывал людей к тотальному принятию действительности (не заботиться о завтрашнем дне! любить врагов!), и при этом следовал естественности и спонтанности, которые-то и подсказали ему в определенный момент взять в руки плеть? И это столь же противоречиво, и столь же мудро, как слова из трактата о Дао и Дэ.

3. *"Если [человек] оставляет свои желания и освобождается от страстей, то до конца жизни не будет у него усталости. Если же он распускает свои страсти и поглощен своими делами, то не будет спасения [от бед]"*. Эта мысль является одной из центральных в комментируемом трактате, и присутствовала уже в тексте №1.

Согласно А. Кувшинову, в оригинале речь идет об *"оставлении своего "Я"*. Используемый здесь иероглиф "шень" означает "тело, комплект одежды, корпус, форма, человеческая личность". А. Кувшинов пишет: *"Я"* — это результат всех тех изменений и оформлений, которые происходили с нами с момента нашего рождения. Теперь, став уже взрослыми, мы знаем, что хорошо, а что плохо, к чему нужно стремиться, а чего следует избегать, и сам мир становится определеннее и понятнее — это и есть результат действий нашего окрепшего "я". Но Путь начинается с осознания того, что это лишь удобная иллюзия, а не реальность, что на самом деле мир — необъятная и по-прежнему неведомая

вещь, и что существует совсем иной путь в жизни — где все непредсказуемо и загадочно. И все, что необходимо для этого путешествия, уже у тебя есть — это ты сам, твоя жизнь. Вот здесь и встает в полной мере вопрос об изменении, которое требуется для того, чтобы превратить эту возможность в действительность. Здесь необходимо то полное изменение, которое Лао цзы [предполагаемый автор "Дао дэ цзин" — прим.] называет освобождением от своего "я". Действительно, задача состоит в том, чтобы изменить не какие-то отдельные взгляды или пристрастия, а, образно говоря, повернуться лицом на 180 градусов. Сколь бы ни был многообразен мир людей, на самом деле в нем существует только одно настоящее разделение: на обычных людей и на людей Пути, на тех, кто стоит спиной к Дао и на тех, кто повернулся к нему лицом. Различие это заключается не в том, что обычные люди совершают обычные дела, а люди Пути — нечто необыкновенное, совсем нет. Различие состоит в способе смотрения на мир и на свою жизнь. Образно говоря, у человека Дао, по стандартным меркам, мозги набекрень, — он все воспринимает не так. То, что тревожит людей, его не волнует, а то, на что обычно не обращают внимания, является предметом его интересов... Стремление сбросить свое "я" является определяющим настроением духа человека Пути (оно и составляет содержание его непоколебимой решимости — см. п. 3б), в то время как неделание есть наиболее эффективный способ достижения этого. Освобождение от своего я — это освобождение от тех привязанностей, привычек и стремлений, которые ты приобрел за всю свою предыдущую жизнь и которые наносят вред твоему телу, лишая тебя свободы в обмен на успокаивающую иллюзию порядка".

В теистических религиях говорится о том, что мы должны отказаться от своих страстей ради служения Богу. Обосновывается это тем, что Бог есть начало и хозяин всего, поэтому наслаждение, доставляемое Ему, сказывается на всех. "Дао дэ цзин" подходит к данному вопросу иначе. Этот трактат не постулирует существование личного Бога (разве что Бога как вечного бесформенного первоначала мира, а не личности), поэтому ничего

не говорится и о служении Ему. В то же время, неправыми оказываются и материалисты, погруженные в чувственные наслаждения. Последние считают, что раз Бога и загробной жизни не существует, то нам надо стремиться получить как можно больше удовольствия от земной жизни. Однако именно это судорожное стремление и мешает им насладиться. Истинное наслаждение получаешь тогда, когда перестаешь о чем-либо жалеть, бояться что-либо не реализовать. Для этого нужно просто прибегнуть к "неделанию", чему и учит "Дао дэ цзин". Таким образом, несмотря на обширные упоминания всемирной энергии и универсального первоначала, эта книга остается ориентированной на земную жизнь, на материальное существование.

4. *"Видение мельчайшего называется зоркостью"*. Чувствование "ци" называется ясностью (см. текст №6, №42).

5. *"Сохранение слабости называется могуществом"*. Терпение и кротость (недеяние) обеспечивают власть человека над самим собой.

6. *"Следовать сиянию [Дао], постигать его глубочайший смысл..."* — у Стивена Митчелла: *"Используй свой собственный свет, чтобы возвратиться к источнику всякого света"*.

7. Фраза *"не навлекать [на людей] несчастья — это и есть соблюдение постоянства"* у Юй Кана такова: *"не теряющийся при вевании смерти практикуется в Постоянстве"*. О принятии неизбежности смерти см. ком. 2 к тексту №50, ком. 6 к тексту №33.

53.

Если бы я владел знанием, то шел бы по большой дороге. Единственная вещь, которой я боюсь — это узкие тропинки. Большая дорога совершенно ровна, но народ любит тропинки. Если дворец роскошен, то поля покрыты сорняками и хлебохранилища совершенно пусты. [Знать] одевается в роскошные ткани, носит острые мечи, не удовлетворяется [обычной] пищей и накапливает излишние богатства. Все это называется разбоем и бахвальством. Оно является нарушением Дао.

Комментарий:

1. *"Если бы я владел знанием, то шел бы по большой дороге. Единственная вещь, которой я боюсь — это узкие тропинки. Большая дорога совершенно ровна, но народ любит тропинки"*. Узкие тропинки — это действие, тогда как Дао постигается бездействием. Когда мы погружены в дела и заботы, мы радуемся и огорчаемся мелочам, что означает, что мы слишком зависим от несущественного, не видим дальше собственного носа. Когда мы практикуем недеяние, то смотрим на все со стороны, и поэтому можем охватить своим разумом гораздо больше вещей. Тогда нами достигается определенная широта взглядов, то есть их объективность. Это называется идти "по широкой дороге". Также *"узкие тропинки"* могут означать короткий, то есть самый простой путь, а *"большая дорога"* — путь, быть может, не столь короткий, но верный. Еще одна трактовка: *"узкие тропинки"* — это "петляния" в сорных травах, то есть неспособность остановиться на чем-то одном более или менее главном, а *"большая дорога"* — это прямой путь к самому главному.

2. *"Если дворец роскошен, то поля покрыты сорняками и хлебохранилища совершенно пусты"*. Когда увлекаешься материальным, то забываешь о самом главном. Конечно, не хлебом единым жив человек, но хлебохранилища в комментируемом предложении могут выступать своеобразной аллегорией. Сохранили ли обитатели роскошного дворца любовь в своем сердце или позволили богатствам развратить себя?

3. Перевод А. Кувшинова сильно отличается от перевода Ян Хин-шуна. В нем так характеризуется народ, забывший о Дао: *"Они больше любят посещать святые места, чем прокладывать собственный путь. Обработанные поля милей их глазу, чем пустырь, буйно поросший травой. Надежный амбар для них лучше, чем открытое сердце. Они больше всего любят одеваться в цветные шелка, носить на поясе острый меч, пить и есть до изнеможения, обретать и накапливать драгоценные вещи. Вот откуда берутся разбойники и грабители, — воистину, Дао тут ни при чем!"*.

"Посещение святых мест" вместо самосовершенствования есть увлечение материальными вещами и попытка найти легкие пути. Точно так же человек может увлекаться чтением философской и религиозной литературы, вместо того, чтобы заняться анализом своей жизни в ее конкретных проявлениях. На первый взгляд такие занятия — признак скорого просветления, но в действительности это бегство от самого себя. Часто посещение святых мест и чтение мудрых книг — это просто очередная попытка "с пользой провести время", однако по-настоящему мудрый человек живет настоящим моментом, и поэтому ему нет дела до того, насколько полезно проходит его время.

Далее по тексту в переводе А. Кувшинова говорится, что народ пытается достичь материальных богатств, поэтому "обрабатывает поля", и "бережет амбар" от действительных и мнимых врагов. Так люди погружаются в мелочные заботы, становятся нервными и непостоянными, отдаляются друг от друга, закрывают от посторонних взглядов свои сердца. Не замечаете ли вы, что иногда срываетесь на своих близких по всякой мелочи? Бывает ли так, что вас выводит из колеи какое-то неожиданное происшествие, вы начинаете нервничать или переживать и не можете успокоиться весь день? Все это признаки того, что вы "застряли" в мелочах. Внимание к ним отдаляет вас от людей и от счастья. Изначально все это рождается из простого страха умереть с голоду (беспокойство за амбар с урожаем), но затем люди приобретают все больше вещей, и боятся потерять уже их. Сколько бы люди не имели, им всегда неприятно потерять то, что у них есть, даже если та или иная вещь не так существенна: они просто забывают подумать о ее существенности. Так они встают на неверный путь. Не замечали ли вы за собой такой же привязки к каждой своей вещи, будь то ежедневник или перчатки? Все несчастья порождаются неуверенностью (страхом) и эгоизмом, которые проявляются в привязке к мелочам. Далее в процессе существования посредством "материального мышления" многие подспудно понимают, будто что-то идет не так, они пытаются *"одеваться в цветные шелка"*, *"пить и есть до изнеможения"*, но не получают от это-

го подлинного удовлетворения, которого можно достичь только единением с другими людьми и любовью к ним.

"Вот откуда берутся разбойники и грабители". Преступления, о которых идет речь, могут стать следствием отчаяния и разочарования в жизни, а также следствием попытки преодолеть неудовлетворенность еще большим насыщением (за счет грабежа и разбоя). Это завершающая стадия неверного пути, окончательное падение человека. И здесь нужно снова вспомнить, что посещение святых мест и чтение мудрых книг не всегда способны изменить ситуацию, часто это лишь бегство от осознания собственной жизни и собственной ответственности за нее. В. В. Малявин так резюмирует в своем комментарии: "забота о духовной чистоте сама по себе способна сделать человека более нравственным, чем самые громкие речи в защиту добродетели".

54.

Кто умеет крепко стоять, того нельзя опрокинуть. Кто умеет опереться, того нельзя свалить. Сыновья и внуки вечно хранят память о нем. Кто совершенствует [Дао] внутри себя, у того добродетель становится искренней. Кто совершенствует [Дао] в семье, у того добродетель становится обильной. Кто совершенствует [Дао] в деревне, у того добродетель становится обширной. Кто совершенствует [Дао] в царстве, у того добродетель становится богатой. Кто совершенствует [Дао] в Поднебесной, у того добродетель становится всеобщей. По себе можно познать других; по одной семье можно познать другие; по одной деревне можно познать остальные; по одному царству можно познать другие; по одной стране можно познать всю Поднебесную. Каким образом я узнаю, что Поднебесная такова? Поступая так.

Комментарий:

1. *"Кто умеет крепко стоять, того нельзя опрокинуть. Кто умеет опереться, того нельзя свалить. Сыновья и внуки вечно*

хранят память о нем". Тот, кто владеет собой, того не согнут обстоятельства. Если он действительно таков, то сможет оставаться счастливым в любой ситуации. Люди увидят это, и уже не посмеют порицать такого человека с материальную бедность и кажущуюся глупость. Как можно обвинять постоянно счастливого человека в том, что он не прав? Ему можно только позавидовать. И оставить о нем память в веках.

Отметим совершенно разный смысл, который придают комментируемому отрывку отечественные переводчики. У Б. Виноградского: *"Что хорошо установлено — не вырвать. Что хорошо схватили — не отнять. Поэтому и не прерывается свершение обрядов почитания предков, переходя от детей к внукам. Если совершенствуешь это в теле своем, то сила духа твоя обретает истинные качества"*. У А. Кувшинова: *"То, что давно установлено, не вырвать с корнем, то, чему следуют издавна, не отбросить. И дети, и внуки умерших неотступно соблюдают все ритуалы поклонения предкам. Когда освободишься от этого в себе самом, дух твой обретет первоизданную чистоту"*. Нам представляется более адекватными переводы А. Кувшинова и Ян Хин-шуна. У С. Митчелла также имеется в виду почитание следования Дао, а не любого ритуала предков.

2. *"Кто совершенствует [Дао] внутри себя, у того добродетель становится искренней"*. О вреде неискренней добродетели говорилось в текстах №18 и 38. *Искренняя добродетель у того, кто имеет любовь в своем сердце и посредством добродетели изливает эту любовь в окружающий мир*. Далее по тексту идет речь о том, как именно может проявляться эта любовь. Начать необходимо с самых близких людей — со своей семьи. Если в семье имеются какие-то неурядицы, решать их нужно на основе взаимной любви. Если таковой нет, ее нужно культивировать в своем сердце. Каждый человек заслуживает любви уже только потому, что он человек, и обладает руками, ногами, сердцем и чувствами, а также каким-никаким сознанием. Об этом необходимо помнить. При этом если ради блага своей семьи человек готов на преступления против общества, то вряд ли

можно говорить о любви к семье. Любовь к людям обуславливается тем, что они люди, а не тем, что они являются членами некой семьи. Поэтому преступления против людей, не входящих в семью, говорят о нелюбви к людям как таковым, а значит и о нелюбви к конкретным членам семьи. Скорее всего, такой человек воспринимает членов семьи как разновидность собственности, видя в них лишь совокупность полезных для самого себя свойств. Это не любовь, а эгоизм. Часто именно такую "любовь" испытывают к своей семье и к своему ребенку женщины. Они воспринимают семью и детей как способ реализации своего женского начала. Но тогда налицо отношение к другим людям как к средству, а не как к цели, что противоречит основному нравственному правилу — категорическому императиву И. Канта. Точно так же не является любовью отношение человека к лицам своей национальности, при котором он допускает безнравственные поступки в отношении лиц другой национальности. Здесь налицо попытка спрятать бессмысленность и никчемность своей личности и своей жизни за стеной "национализма": человек живет определенным убеждением, становясь зависимым от него, отдаляя себя от истины и подлинной нравственности. Наконец, то же самое можно сказать и о псевдопатриотизме, при котором человек желает блага лишь своей стране, пусть даже оно будет достигнуто нанесением вреда гражданам другой страны. Еще раз необходимо повторить, что *подлинная любовь — это любовь ко всему человечеству, причем не к абстрактному понятию "человечество", а ко всем конкретным людям* (и, если продолжать эту мысль, то также к животным и растениям и другим формам жизни, что однозначно ведет к требованию вегетарианства⁹). В рассматрива-

⁹ Так, в индуизме требование вегетарианства прямо вытекает из того положения, что нам родственны не только люди, но и все другие живые существа. "Самость внутри всего есть и твоя самость" — утверждает в Упанишадах. В том же трактате говорится о неотделимости подлинного Я от реальности в целом (в том числе и неживой, которое подлинное Я как бы оживляет своим всепринимаящим и вселюбящим взором).

емом тексте речь идет о подлинной добродетели как о выражении такой любви, и эта добродетель, как и любовь, распространяется на всю Поднебесную, а не только на одну семью или деревню.

3. *"По себе можно познать других"*. Лишь увидев и полюбив себя самого как человека, а не как совокупность вещей, мыслей, убеждений и достижений, можно понять и полюбить всех людей. Таким образом, *чтобы познать людей, любовь и счастье, нужно заглянуть в самого себя*. Но как выражать эту любовь, и в чем заключается подлинная добродетель? Далее по тексту разъясняется универсальный метод, заключающийся в том, что нужно ставить себя на место других людей (в том числе на место членов другой семьи, граждан другой страны и пр.) чтобы понять их нужды. Надо попробовать отождествить себя с этими людьми. Аналогично, чтобы узнать, как правильно следовать Дао, надо отождествить себя со всем миром, почувствовать себя лишь крошечной частичкой единого потока. Это будет первый шаг на пути к любви ко всему миру. Вместе с тем, дальнейшее повествование может трактоваться и в другом контексте: несмотря на то, что идеалом является любовь ко всему живому, показателем и проявлением этой любви является именно отношение к близким (как человек поступает по отношению к членам семьи, односельчанам и т. д.)

Юй Кан в своем переводе также подчеркивает, что познавать других нужно через отождествление (ощущение единства) с ними: *"овладевая телом — созерцаю тело, овладевая семьей — семью, овладевая селеньем — селенье, овладевая страной — страну, Понебесной овладевая — созерцаю всю Поднебесную"*. Надо сказать, что в этом — важнейший шаг к объективному взгляду на мир. Субъективность исходит из собственных желаний, объективность же старается воспринять познаваемое явление таким, каково оно есть само по себе, а не для кого-то (в том числе, познать не через установленные изначально образцы мышления, клише и стереотипы). *"Смотри на семью исходя из семьи, смотри на селение исходя из селения, смотри на царство*

исходя из царства, смотри на мир исходя из мира" (В. В. Малявин). Таков смысл комментируемых строк.

У С. Митчелла смысл этих же строк иной: *"Если Дао присутствует в вашей жизни, то ваша жизнь станет подлинной, если оно присутствует в вашей семье — то семья будет процветать, если ему следует ваша страна — то она станет примером для других стран, а если Дао присутствует во Вселенной — та будет петь"*.

Ван Би вкладывает в комментируемый пассаж гуманистический призыв к поиску всеобщей пользы: *"Исходя из устремления всех людей в мире смотри на Путь в мире: благоприятен он или противится, приносит удачу или несчастье — он во всем как путь людей"* (по В. В. Малявину).

55.

Кто содержит в себе совершенное Дэ, тот похож на новорожденного. Ядовитые насекомые и змеи его не ужалят, свирепые звери его не схватят, хищные птицы его не заклюют. Кости у него мягкие, мышцы — слабые, но он держит [Дао] крепко. Не зная союза двух полов, он обладает животворящей способностью. Он очень чуток. Он кричит весь день, и его голос не изменятся. Он совершенно гармоничен. Знание гармонии называется постоянством. Знание постоянства называется мудростью. Обогащение жизни называется счастьем. Стремление управлять чувствами называется упорством. Существо полное сил стареет — это называется нарушением Дао. Кто Дао не соблюдает, тот погибает раньше времени.

Комментарий:

1. *"Кто содержит в себе совершенное Дэ, тот похож на новорожденного"*. Имеется в виду непосредственность и жизнерадостность ребенка, то есть его *открытость миру, интерес*

к миру, очищенный от своекорыстных "задних мыслей". См. тексты №10 (ком. 2,6), 20, 28 (ком.2,3).

"Ядовитые насекомые и змеи его не ужалят, свирепые звери его не схватят, хищные птицы его не заклюют". Конечно же ужалят, схватят и заклюют! О чем речь? — совершенномудрый беспомощен перед миром природы, словно новорожденный. Этот текст — сам тому подтверждение, ибо гласит, что у совершенномудрого *"кости — мягкие, мышцы — слабые"*. Но, во-первых, *обретая качества ребенка, совершенномудрый больше выигрывает, чем теряет*: он начинает ощущать радость жизни, освобождаясь от страхов. Некоторые говорят, что возникающий с опытом страх полезен, так как позволяет нам, в частности, не класть руку в огонь. Однако для того, чтобы избежать ожога, необходима лишь капля здравомыслия, а вовсе не страх. Во-вторых же, вероятность того, что совершенномудрый встретится лицом к лицу с опасностью, подобной хищному зверю, ничтожна. Но даже и в такой ситуации *"он очень чуток"* и сможет интуитивно распознать опасность. В конце концов, хищные животные чувствуют, когда жертва боится их, и отсутствие страха, преданность рациональному и объективному мышлению могут сыграть совершенномудрому на руку и в такой ситуации. Итак, *"детскость"* совершенномудрого в том, что он отбрасывает страхи, но остается (или снова становится) восприимчивым к знаниям. От ребенка же он отличается тем, что коллекционирует лишь опыт рационального знания, а не опыт иррационального страха. Во всяком случае, ни о каких сверхспособностях в борьбе с опасными животными не может быть и речи.

Рассматриваемую фразу, скорее, нужно понимать так, что совершенномудрый *един* с ядовитыми насекомыми и змеями, свирепыми зверьми и хищными птицами. Вспомним ком. к тексту №50: для совершенномудрого не существует ни жизни, ни смерти, ни собственного тела, так как могут свирепые звери покалечить его? Он — это всеобщая Мировая Душа, он ощущает свое единство с ней. Таким образом, сила совершенномудрого не в сверхспособностях, а в том, что *"он держит [Дао] крепко"*.

2. *"Не зная союза двух полов, он обладает животворящей способностью"*. Безусловно, святой человек целомудрен. Но Дао, как было ясно еще из текста №1, сторонится крайней духовности, а значит и крайней целомудренности. Именно поэтому на протяжении всего комментируемого трактата целомудрие упоминается лишь один раз и то — вскользь, как часть другой мысли.

Эта другая мысль заключается в том, что совершенномудрый, конечно, не стремится к сексу, не помешан на нем, знает в нем меру, и способен долгое время воздерживаться от удовлетворения сексуальных инстинктов, при этом его животворящая способность проявляется в созидании на благо людей, животных и других природных форм (он выплескивает саму Жизнь вовне, дарит людям радость и положительные эмоции, никого не хочет обидеть). С одной стороны, речь идет о подробно описанной Фрейдом т.н. сублимации. С другой — мы имеем дело с простой аллегорией, согласно которой *совершенномудрый не зациклен на чувственных наслаждениях, а потому способен легко и с радостью относиться ко всему происходящему, и преисполнен энергией*.

У А. Кувшинова рассматриваемая фраза такова: *"Не различающий, где самка, где самец, воспринимающий все в единстве, он избавился от стремления к достижениям"*. Таким образом, смысл в ней уже не в целомудрии, а в том, чтобы *стать свободным от свойственных нам от природы мужских или женских качеств, и от стремления познавать действительность расчленением ее на иллюзорные крайности*.

3. *"Он кричит весь день, и его голос не изменятся"*. Он нашел *неиссякаемый источник жизненных сил в самом себе*, поэтому может трудиться весь день и не чувствовать усталости (а именно, дарить, не ощущая потери, любить, не требуя ничего взамен, простить, не ища этому рациональных обоснований, работать за гроши, не стремясь к изобилию). В последующих строках умение находить в себе неиссякаемый источник духовной энергии связывается с обретением гармонии и счастья. *"Обогащение жизни"*, о котором там идет речь, — это просвещение, то есть та же

самая мудрость. По сути, здесь дается понять, что "постоянство" и "жизнь, полная ощущений" — более чем совместимы. См. также текст №10, ком. 9.

4. *"Стремление управлять чувствами называется упорством"*. Важно подчеркнуть, что речь идет именно об умеренном управлении чувствами, а не об отказе от чувств. С позиций индуизма, например, всякое действие, имеющее намерением удовлетворение телесных чувств, греховно по природе, и мы должны отказаться от любых чувственных наслаждений. *"Управление чувствами"*, о котором идет речь в рассматриваемом предложении, означает совсем другое. Оно означает поиск *"золотой середины"*, умение во всем улавливать меру. Быть может, и любое чувственное наслаждение развращает, но возможно и такое, что воздержание от чувственного наслаждения навредит человеку еще больше. Юй Кан так переводит комментируемое предложение: *"Управление Ци в сердце зову Могуществом"*. О том, что есть "ци" см. ком. к тексту №42.

5. *"Существо полное сил стареет — это называется нарушением Дао"*. Дао заключается в принятии мира, совершаемом с легкостью и добровольностью. Это принятие отлично от христианского смирения, которое подразумевает необходимость мириться с невзгодами. *Согласно "Дао дэ цзин", невзгод не существует в принципе, поэтому нам не нужно их терпеть, не нужно ждать их конца* (это так же нелепо, как в ясную погоду ждать окончания дождя). Мир это не поле битвы Добра и Зла, которые суть иллюзия. Отсюда и легкость принятия действительности. Тот же, кто, *"будучи полным сил, быстро стареет"*, вероятно, просто не может расстаться с иллюзией существования добра и зла. Он воспринимает этот мир как совокупность вещей, которые нужно терпеть, изменять или преодолевать. Так он впустую расходует свою энергию и отпущенное ему время.

Принятие отличается от смирения. Принятие — это ясное осознание правильности тех условий, которые принимаются. Смирение означает безволие, так как порождает отсутствие воли. Когда ты видишь, что некоторые условия нельзя изменить, ты

разумно прекращаешь бессмысленное сопротивление, и смиряешься, но остается осадок: ощущение, что жизнь не так хороша, как бы тебе хотелось; теряется вкус жизни. Для тех, кому важнее загробный мир, это нормально, но как быть с теми, кто верит только в земную жизнь? Вероятно, имеет смысл направить свою энергию в другую русло, где можно ощутить свою значимость, снова обрести вкус жизни. Для христианства и ислама это — неприемлемое проявление гордыни, но "Дао дэ цзин" не склонно к категорическим суждениям. Кроме того, другим поддерживаемым всеми религиями выходом всегда остается принятие.

6. *"Кто Дао не соблюдает, тот погибает раньше времени"* (см. также текст №30). Многие люди, кажущиеся живыми, давно мертвы внутри. Те же, кто живет настоящим, в сущности, вечны. Для них не существует понятия индивидуальной человеческой жизни, имеющей определенную протяженность, а значит не существует и понятия смерти. "Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь". А что, если в следующий миг меня ждет смерть? Но следующий миг — это будущее, его не существует! Значит, нет и смерти. Если быть точным, то лучше сказать так: *когда нет смерти, есть я; когда меня нет, есть смерть*. Смерть, таким образом, никак меня не касается. Это нечто совершенно чуждое мне, и не способное доставить мне проблем. Не является ли осознание этого бессмертием?

56.

Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает. То, что оставляет свои желания, отказывается от страстей, притупляет свою пронизательность, освобождает себя от хаотичности, умеряет свой блеск, уподобляет себя пылинке, представляет собой глубочайшее. Его нельзя приблизить для того, чтобы с ним сродниться; его нельзя приблизить для того, чтобы им пренебрегать; его нельзя приблизить для того, чтобы им воспользоваться; его нельзя приблизить для того, чтобы ему повредить; его нельзя приблизить для того, чтобы его возвысить;

его нельзя приблизить для того, чтобы его унижить. Вот почему оно уважаемо в Поднебесной.

Комментарий:

1. *"Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает"*. Существует такая китайская пословица: "Ты сказал — я поверил, ты повторил — я засомневался, ты стал настаивать, и я понял, что ты лжешь". Об этом же речь в комментируемом отрывке: тот, кто пытается во что бы то ни стало доказать вам свою правоту, скорее всего имеет сильную зависимость от своего убеждения, отождествляет свою личность с этим убеждением, и поэтому ни за что не примет его несостоятельность, даже если против этого утверждения будут высказано множество сильных аргументов. В таком случае, есть основания полагать, что это убеждение было выработано не путем беспристрастного познания, а путем психологической уступки своим слабостям. У рассматриваемой фразы имеется и второй смысл: истину не выразишь словами, поэтому знающий истину, как правило, молчит, а тот, кто ее не знает, позволяет себе много лишних слов. См. также п. 4 ком. к тексту №17, ком. к тексту №37, текст №81.

В "Чжуан-цзы" комментируемая фраза проясняется следующим образом: "В мире Великий Путь ценят благодаря книгам. Но в книгах нет ничего, кроме слов, и, стало быть, ценят в мире слова. Слова же ценят за то, что в них есть смысл. Но смысл откуда-то приходит, а уж это невозможно выразить словами. И все-таки в мире ценят слова и передают их в книгах. Пусть в мире их ценят, я же не считаю их ценными. Ведь ценят их не за то, что есть в них действительно ценного. Ибо видеть глазами можно только образ и цвет. Слышать ушами можно только имена и звуки. Увы! Люди в мире полагают, что образов и цветов, имен и звуков довольно для того, чтобы понять природу другого. На самом же деле образов и цветов, имен и звуков недостаточно для того, чтобы понять природу другого. Поистине "знающий не говорит, говорящий не знает!"

2. Согласно одной позиции, *"притупляет свою пронизательность"* означает "притупляет свои стремления", но вообще слово "притупляет" не слишком удачно. *Контролировать чувства не значит подавлять их, контроль означает скорее умение направлять чувства в нужное русло, а также сохранять осознанность при интенсивных чувственных переживаниях, чтобы осознать их возможные вред и пользу.*

"Пронизательность", далее, может быть понята как мелочность (устремлений), притупление пронизательности — как умение не утонуть в мелочных заботах, не заикливаться на них, умение смотреть на мир глобально, и принимать наличие мелких неурядиц. Здесь мы можем процитировать Р. Генона, который отмечает, что "одной из самых подозрительных особенностей современного мира является потребность в нескончаемой деятельности, в бесконечных изменениях, в погоне за скоростями, в стремлении поспеть за все убыстряющимся ритмом разворачивающихся событий.... В повседневной жизни, равно как и в научных идеях, мы повсюду видим анализ, доведенный до предела, анализ в этимологическом смысле этого слова, то есть разделение, разложение, бесконечную дезинтеграцию человеческой деятельности во всех ее разновидностях. Это — естественный и логичный результат все возрастающего материализма, так как сама материя есть множественность и разделение. И вот почему, заметим по ходу дела, все, проистекающее из сферы материи, может породить лишь ссоры и конфликты между различными народами или личностями. Чем глубже нисхождение в материю, тем больше и сильнее противоречия. С другой стороны, чем выше подъем к чистой духовности, тем ближе к единству...". Остается только добавить, что цитируемый автор понимает чистую духовность именно в русле недеяния, а не в русле "нематериальных потребностей", как это иногда неверно происходит.

В переводе Юй Кана *"притупить свою пронизательность"* означает "принизить свои достоинства". У В. В. Малявина: *"Затупи острые края"*. Данный автор пишет, что Хэшан-гун толкует "притупление острых краев" как "сдерживание желаний".

3. *"...освобождает себя от хаотичности"* означает "освобождает свои мысли от путаницы". Одним из самых главных препятствий на пути к счастью является отождествления себя со своим умом, своими нескончаемыми и навязчивыми мыслями. Неспособность останавливать поток мыслей — страшная беда, которую мы, однако, часто не осознаем, и сильно от этого страдаем. Медитация, представляя собой концентрацию на каком-либо единичном объекте (вещи, мысли, звуке) как раз призвана остановить блуждание мыслей. На Востоке ей уделяют существенное внимание. На Западе жизнь очень интенсивна, люди ежедневно получают очень большую дозу впечатлений, поэтому рассеянность мысли ("ментальный шум") стала для них уже нормой. Когда у них мало впечатлений, они судорожно ищут новые, и постоянно думают об этом, полагая, что именно в новых впечатлениях и заключается счастье. Счастье же, в некотором смысле, напротив, в отсутствии впечатлений, потому что при отсутствии впечатлений (в минуты скуки и одиночества) мы получаем возможность заглянуть внутрь себя и отыскать в себе тот жизненный источник, который и является залогом счастья.

4. *"...уподобляет себя пылинке"* может означать "не возвеличивает себя", хотя в оригинале присутствует намек на отождествление с Единым ("сведение себя в одну точку"). В переводе А. Кувшинова *"уподобить себя пылинке"* заменено на *"воспринять все, что есть в этой жизни, как равное"*.

5. *"Его нельзя приблизить..."* означает "его нельзя поработить, подчинить себе" или же "его нельзя познать, изучая в микроскоп каждое его свойство, ибо общая суть в таком случае ускользает от нас" (см. ком. 1 к тексту №47). Одновременно:

"приблизить, чтобы сродниться" может означать ненужное сочувствие или благодеяние,

"приблизить, чтобы возвысить" — чрезмерные стремления или лесть,

"приблизить, чтобы пренебрегать" — равнодушие и грубость,

"приблизить, чтобы воспользоваться" — эгоистическую эксплуатацию,

"приблизить, чтобы повредить и унижить" — цинизм и ненависть.

Если принять эту трактовку, то в рассматриваемой фразе можно увидеть такой смысл: нет нужды помогать совершенно-мудрому, так как он уже имеет все, что хочет, не стоит возвеличивать его, так как у него нет видимых достижений и он не нуждается в славе, нет смысла пытаться навредить совершенномудрому, так как это попросту невозможно, не нужно его презирать, так как это неприятие истины навредит, прежде всего, тебе самому.

У Юй Кана те же самые строки выражают идею единства существа и иллюзорности всех полярностей: *"Се — Тождественность Изначальная: ни сродниться — ни отстраниться, ни выгоды — ни вреда, ни почтительности — ни презрения. Оттого почтен в Поднебесной"*.

6. Отметим те комментарии, которые собрал и привел в своих работах В. В. Малявин: "Комментарий Янь Цзуня: "Тот, кто постиг Путь, одиноко видит, одиноко слышит, одиноко действует, одиноко существует. Отец не смог бы передать это сыну, а подданный не смог бы передать это правителю. Это подобно тому, как мать знает своего ребенка и младенец — своих родных. Тот, кто вошел в Путь, изрекает слова посредством безмолвия, делает дела посредством недеяния, чистым покоем упорядочивает себя и пребывает с миром в сокровенном единстве". Комментарий Люй Хуэйцина: "Предел знания — это знание превечного. Завершается же оно в безмолвии, и без изъятия истины. Говорить посредством слов — значит говорить не о Пути. А поскольку сообщить о знании можно лишь словами, тут есть знание незнания. Вот почему невозможно отказаться от слов, но слова знающего исходят из отсутствия слов. Он говорит так, словно не говорит". Комментарий Ван Юаньцзэ: "Молчащий не говорит не потому, что держит что-то в секрете. На самом деле он говорит ни о чем"" (по В. В. Малявину).

Страна управляется справедливостью, война ведется хитростью. Поднебесную получают во владение посредством недеяния. Откуда я знаю все это? Вот откуда: когда в стране много запретительных законов, народ становится бедным. Когда у народа много острого оружия, в стране увеличиваются смуты. Когда много искусных мастеров, умножаются редкие предметы. Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников. Поэтому совершенномудрый говорит: "Если я не действую, народ будет находиться в самоизменении; если я спокоен, народ сам будет исправляться. Если я пассивен, народ сам становится богатым; если я не имею страстей, народ становится простодушным".

Комментарий:

1. *"Страна управляется справедливостью, война ведется хитростью"*. На войне не найдешь справедливости, поэтому каждый должен стать каждому как брат: любовь к людям и отсутствие ссор рождают справедливость. Но как же тогда добиваться своего, если избегать ссор и всем жертвовать? Ответ содержится уже в следующей фразе комментируемого текста: *"Поднебесную получают во владение посредством недеяния"*. О том, почему страну, равно как и все остальное, можно завоевать лишь недеянием, см. тексты №7, 29.

2. *"...когда в стране много запретительных законов, народ становится бедным"* — о том, что даосизм не приемлет чрезмерного количества законов, уже говорилось в тексте №32, где указывалось, что *слишком много правил сковывают естественную творческую энергию человека, подавляют его спонтанную активность, предприимчивость, открытость миру*. Ван Би пишет: *"...когда порядок устанавливают с помощью Пути, почитают корень и не обращают внимания на следствия, а когда порядок"*

наводят прямо, устанавливают законы, чтобы бороться со следствиями. Тогда и корень не будет прочен, и ветви будут хилыми" (по В. В. Малявину).

Эту мысль можно продолжить, отметив, что *любое излишество не только в законах, но и в вещах, делает народ бедным, то есть не имеющим богатств в душе, не способным ценить каждую мелочь* (не будучи зависимым от нее!). Вот почему плохо, когда *"много искусных мастеров"* и *"умножаются редкие предметы"*. (Здесь же заметим, что когда редких предметов становится много, они сразу же теряют в своей ценности, и начинают восприниматься людьми как нечто само собой разумеющееся, не приносящее искренней радости.)

Чрезмерная погруженность в материальное приводит также к тому, что люди становятся *хитрыми и коварными*, растет количество *"острого оружия"*, и тогда *"в стране увеличиваются смуты"*. *"Чем больше народ знает о выгоде, тем больше в царстве смуты"* (В. В. Малявин). Необходимо всегда помнить о том, что *материальные вещи могут только способствовать обретению счастья, они способны дать нам лишь большую или меньшую степень удовольствия, но не исключают того факта, что мы всегда каким-либо образом относимся к этим вещам, и таким образом счастье в конечном итоге зависит от отношения.*

У Б. Виноградского вместо *"острого оружия"* — *"полезные приборы"*: *"Чем больше появляется полезных приборов у людей, тем больше возникает беспорядка в стране и семье"*. Овладеть миром, комментирует автор, можно только через невовлеченность.

3. *"Если я не действую, народ будет находиться в самоизменении; если я спокоен, народ сам будет исправляться. Если я пассивен, народ сам становится богатым; если я не имею страстей, народ становится простодушным"*. Способность относиться к вещам необходимым образом, которая является залогом счастья, должна быть выработана каждым человеком *индивидуально*. Другие люди могут лишь в той или иной степени помочь ему, но не могут сделать за него требуемую внутрен-

нюю работу (см. текст 5 ком.1). Аналогично: *ни один учитель не сможет научить чему-либо ученика, который сам не хочет учиться*, потому что изъяснять тезисы можно бесконечно, но все это в конечном счете делается лишь для того, чтобы облегчить процесс "схватывания" знания познающим учеником, а само это "схватывание" должно быть осуществлено уже учеником. Здесь уместно вспомнить древнегреческого философа Сократа, который любил беседовать со своими согражданами, никогда ничего не утверждая наперед, а лишь задавая им *наводящие вопросы*, которые побуждали собеседников к самостоятельному раздумью. Сейчас данный метод называется в философии майевтикой. В какой-то степени он является разновидностью даосского недеяния. Мы можем помочь другим людям, лишь подталкивая их к изменению, но непосредственно не изменяя. В этом подлинная ненавязчивая добродетель.

Каждый, кто вырабатывает в себе способность принятия, уже не стремится к ненужным материальным богатствам. Это позволяет избежать конфликтов, ссор и войн. Тогда народ становится *"простодушным"*, так как больше ничего не опасается. *Простодушие — это легкость и близость к душе одновременно*; в отсутствие опасностей, порождаемых зависимостью от материи, простодушие является нашим естественным состоянием. Необходимо лишь повториться, что речь идет именно о пагубной зависимости от материи, а не о том, что любое чувственное наслаждение непозволительно (многие религии вопреки этому отрицают любое такое наслаждение). Очевидно, что де-факто вполне возможно простодушное чувственное наслаждение чем-либо. Мудрость заключается в том, чтобы, испытывая наслаждение, не стать от него зависимым. Чтобы обрести такую мудрость, нужны не самоистязания, а только определенное состояние сознания, определенный способ восприятия всего происходящего. Именно в таком состоянии сознания, состоянии открытом и всепринимающем, герой Ф. М. Достоевского утверждал: "Жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай".

Когда правительство спокойно, народ становится простодушным. Когда правительство деятельно, народ становится несчастным. О, несчастье! Оно основа, на которой держится счастье. О, счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства. Справедливость снова превращается в хитрость, добро — в зло. Человек уже давно находится в заблуждении. Поэтому совершенномудрый справедлив и не отнимает ничего у другого. Он бескорыстен и не вредит другим. Он правдив и не делает ничего плохого. Он светел, но не желает блеснуть.

Комментарий:

1. *"Когда правительство спокойно, народ становится простодушным. Когда правительство деятельно, народ становится несчастным"*. Поскольку деление комментируемого трактата на т.н. чжаны (главы, тексты) весьма условно и выполнено не самим его автором, то в рассматриваемом тексте прямо продолжается мысль предыдущего. Если правительство слишком деятельно, то оно лишает народ самого главного — свободы выбора, мысли и творчества. Вспомним учения ведущих представителей т.н. школы естественного права — Гоббса, Спинозы, Локка, Руссо, Канта — в них очевидно прослеживается та мысль, что государство создается для обеспечения свободы людей, а также для того, чтобы они на основе своего свободного волеизъявления принимали приносящие общую пользу политические решения. Дело в том, что если люди не создадут какую-либо политическую организацию, то они будут пребывать в состоянии "войны всех против всех", хаоса и неопределенности, что будет угрожать их жизням, поэтому они и объединяются в государство, и тем самым создают гарантии определенного уровня свободы, хотя теперь "свобода одного кончается там, где начинается свобода

другого". Таким образом, *обеспечение свободы — первоочередная задача государства*. Все остальные практически значимые решения, принимаемые государственными органами, уже второстепенны, ибо если не будет свободных граждан (демократичности), то никто не гарантирует полезность этих решений, а вот психологическую отчужденность от государства, препятствующей самореализации индивида, гарантировать в таком случае можно.

Здесь содержится критика тоталитарного государства, которое пытается максимально строго просчитать общественное благо и заставить каждого следовать намеченному плану. Однако древняя мудрость говорит: *"Насильно мил не будешь"*. Или, обратившись к переводу В.В. Малявина: *"Когда миром правят придирчиво-строго, люди хитры и коварны"* (т.е. далеки от счастья). Б. Виноградский вторит: если правитель руководствуется страхом, а не доверием, он создает спецслужбы для слежки за гражданами, и это приводит к тому, что сами граждане становятся хитрыми и изворотливыми. Быть может, единственное, что необходимо нам для счастья — это свобода, пусть даже чреватая ошибками и страданиями (тем и лучше, ведь, как утверждается далее, несчастье — основа, на которой держится счастье, и не познав горя, не поймешь радости). *"Когда страна управляется репрессиями... идеалы высоки, а результаты низки. Пытайся сделать людей счастливее, и ты заложишь основу страдания. Пытайся улучшить людские нравы, и ты заложишь основу порока"* — не показывает ли опыт тоталитарного государства истинность этих строк? *"Таким образом, совершенномудрый довольствуется тем, что служит примером, и не навязывает свою волю"* (С. Митчелл).

В комментариях к другим текстам уже отмечалось, что счастье заключается не в материальных преобразованиях, а в способности их созерцания, то есть в душе человека. Рассматриваемые строки можно считать развитием этой мысли. Здесь уместно процитировать выдающегося философа Рене Генона, который пишет: "Чисто социальные трансформации никогда не могут при-

вести к установлению истинной стабильности, и если упустить из виду необходимость изначального согласия в отношении основополагающих и абсолютных принципов (запредельных сугубо социальной действительности), в этой области придется всякий раз все начинать заново".

2. *"О, несчастье! Оно основа, на которой держится счастье. О, счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства. Справедливость снова превращается в хитрость, добро — в зло"*. В комментариях к предыдущим текстам много говорилось о несуществовании объективных добра и зла, и о достижении счастья путем осознания этой истины. Также говорилось о невозможности выразить истину словами. Но если истину невозможно выразить словами, значит утверждение о том, что добра и зла не существует, неверно? Именно так. Более того, неверно говорить и о достижении счастья, потому что счастье и несчастье едины! Теперь это раскрывается перед нами: счастье и несчастье едины. Можно понимать этот тезис как продолжение мысли о несуществовании добра и зла: любое событие можно воспринять как благо, а настойчивое стремление к благу, выраженному в каком-то конкретном событии, часто является лишь необдуманном выражением патологической навязчивости, и не приводит к желаемому результату. Можно, однако не пытаться обосновать единство счастья и несчастья с помощью мыслительных конструкций, а попытаться интуитивно уловить смысл сказанного. В таком случае вам могут помочь следующие соображения. Допустим, мы способны принять любое стечение обстоятельств, но рано или поздно эта способность может быть подспудно утрачена, так как наш внутренний мир подвержен определенным изменениям. Тогда мы уже не сможем так внушить себе, что все хорошо — это станет насилием над собой. Либо же, эта способность может принять свои крайние извращенные формы. Таким образом, невозможно все время следовать одним принципам, использовать одни и те же методы. Ни одна мудрая мысль, ни один способ поведения не могут служить вам вечно. Поэтому, отвергая старые истины

и стремления, мы часто лишь заменяем их на новые, ничего существенно в своей жизни не меняя. "Дао дэ цзин" в этом отношении не имеет целью заменить шило на мыло. *Предназначение данного трактата: сделать читателя максимально готовым к тому, что истины нет как таковой, да и счастья не бывает в принципе. Только когда вы примите этот факт, вы познаете истину и станете счастливыми.*

3. *"Человек уже давно находится в заблуждении. Поэтому совершенномудрый справедлив и не отнимает ничего у другого. Он бескорыстен и не вредит другим. Он правдив и не делает ничего плохого. Он светел, но не желает блеснуть".* В переводе А. Кувшинова этот фрагмент выглядит так: *"Люди обманывают сами себя, изо дня в день держась одного и того же. Вот почему мудрый, снимая пустые запреты, не наносит себе вреда, сохраняя умеренность, не калечит себя, выправляя свой дух, не старается вырвать все с корнем, очищая свое сияние, не стремится к славе".* Этот перевод полезно сопоставить с только что сказанным в п. 2: совершенномудрый зачастую даже не стремится к счастью, не пытается стереть грань между добром и злом и жить настоящим моментом, ибо помнит, что все эти попытки вполне могут иметь обратный эффект. Привязанность к счастью есть такая же привязанность, как и все остальные. Это сродни привязанности к идее побороть привязанность. Этим путем счастья не достичь.

59.

Управляя людьми и служа небу, лучше всего соблюдать воздержание. Воздержание должно стать главной заботой. Оно называется совершенствованием Дэ. Совершенствование Дэ — всепобеждающе. Всепобеждающее обладает неисчерпаемой силой. Неисчерпаемая сила дает возможность овладеть страной. Начало, при помощи которого управляется страна, долговечно и называется глубоким и прочным, вечно существующим Дао.

Комментарий:

"Управляя людьми и служа небу, лучше всего соблюдать воздержание". Под небом здесь понимается Дао. Служа Дао, служишь людям. Воздержание необходимо совершенствовать, так как именно оно развивает в нас способность жертвовать, отдавать и создавать (делать добро, а не потреблять результаты чужих усилий). Когда в нас развиты соответствующие душевно-духовные силы, мы способны на большую добродетель (Дэ). *Но в данном тексте не говорится, что воздержание нужно соблюдать всегда: во всем необходима мера.* Критерий умеренности воздержания состоит в вопросе: служит ли оно совершенствованию Дэ?

Этот аспект хорошо прослеживается в переводе данного текста, сделанным А. Кувшиновым: *"Управляя людьми и служа Небу, лучше всего поберечь свои силы. Ведь только того, кто бережет свои силы, можно назвать тем, кто готовится к делу заранее. Готовиться к делу заранее — значит помаленьку, без лишней спешки накапливать силу Дэ. Не спеша накапливает силу Дэ и потому освобождается от неосмотрительности. Освобождается от неосмотрительности и потому ни в чем не ведает своих границ. Ни в чем не ведает собственных границ и потому может стать хозяином всей земли. Чувство хозяина всей земли — это источник всего, благодаря этому можно достичь постоянного, вечного. Вот что называют корнем глубочайшего, истоком несгибаемой устремленности. Все время расти и обновляться, не старея, — это и есть Путь".*

Итак, при воздержании следует сохранять осмотрительность и верно расходовать духовные силы. Только так мы сможем сохранить связь с неисчерпаемым источником этих сил, стать всепобеждающими, не знающими своих границ. Постоянно чувствовать эту грань умеренности — вот что означает *"расти и обновляться, не старея"*. Мы должны осознавать свои страсти, чтобы понимать, к чему они могут привести. И постоянно рассчитывая дальнейшие шаги, не забывать об источнике всего сущего.

В переводе В. В. Малявина воздержание заменено *"бережливостью"*. Быть бережливым — значит *бережно относиться ко всему существу*. Хэшан-гун отождествляет эту *"бережливость"* с любовью. У Б. Виноградского также в переводе использовано слово *"бережливость"*, которое определяется как *"способность предусматривать заранее"*. О предусмотрительности говорится также в тексте №64.

У С. Митчелла то же слово — *"умеренность"* — указывает на *необходимость соблюдения меры, на следование "срединному пути"*.

60.

Управление большим царством напоминает приготовление блюда из мелких рыб. Если Поднебесной управлять, следуя Дао, то злые духи [умерших] не будут действовать. Но злые духи не только не будут действовать, они также не смогут вредить людям. Не только они не смогут вредить людям, но и совершенномудрые не смогут вредить людям. Поскольку и те и другие не смогут вредить людям, их Дэ соединяются друг с другом.

Комментарий:

1. *"Управление большим царством напоминает приготовление блюда из мелких рыб"*. Приготовление этого блюда требует от повара спокойствия и чуткости, и вообще является занятием неблагодарным. В. В. Малявин пишет о подобном управлении царством: "Чем больше мы стараемся свести разнообразие жизни к одному всеобщему порядку, чем настойчивее ищем формальное единство вещей, тем более чуждым и враждебным кажется нам окружающий мир. Не удивительно, что современная цивилизация, являющая собой триумф технико-административной рациональности, породила огромный сонм призраков, преследующих и даже, можно сказать, терроризирующих "ци-

визированное сообщество". Что подразумевает автор под призраками, остается только догадываться, но вероятно, это наши *подсознательные страхи*, подсознательная неудовлетворенность своей жизнью, преследующее нас ежедневно депрессивное состояние; также это *глобальные проблемы человечества*, являющие собой оборотную сторону достижений этого самого человечества.

2. *"Если Поднебесной управлять, следуя Дао, то злые духи [умерших] не будут действовать"*. Дао вбирает в себя духи умерших, поэтому смысл этой фразы таков, что если следовать Дао, то ничто не сможет навредить тебе. В этом случае, как следует из дальнейших строк, твоя добродетель сольется с добродетелью Дао.

61.

Великое царство — это низовье реки, узел Поднебесной, самка Поднебесной. Самка всегда невозмутимостью одолевает самца, а по своей невозмутимости [она] стоит ниже [самца]. Поэтому великое царство располагает к себе маленькое тем, что ставит себя ниже последнего, а маленькое царство завоевывает симпатию великого царства тем, что стоит ниже последнего. Поэтому располагают к себе либо тем, что ставят себя ниже, либо потому, что сами по себе ниже. Пусть великое царство будет желать не больше того, чтобы все одинаково были накормлены, а малое царство пусть будет желать не больше того, чтобы служить людям. Тогда оба получают то, чего они желают. Великому полагается быть внизу.

Комментарий:

Как уже отмечалось в ком. к тексту №6, следование Дао отождествляется с женским началом, потому что женщины, в отличие от мужчин, запрограммированы на принятие данности самой природой. Однако в том же комментарии отмечалось

относительность такой аналогии. Так или иначе, женщина пленяет мужчину не своей силой, а скорее даже своей слабостью, которая лишь подчеркивает красоту женщины. Силой можно завоевать только тело, а женщины завоевывают само сердце мужчины. Не правда ли, что мужчинам нужно прибегнуть к женской тактике, чтобы завоевывать *сердца* женщин? Если и применять силу, то точно не к возлюбленной. Поэтому в рассматриваемом тексте и говорится: чтобы завоевать симпатию, нужно сделаться ниже. Многого ли можно добиться, подчинив себе другого человека физически, взяв его в плен? История давно доказала неэффективность рабского труда. Гораздо большего добиваются, завоевывая симпатию. Будучи преданным другому человеку, вы как минимум преодолеваете собственное одиночество и обретаете смысл жизни. *"Тогда оба получают то, чего они желают"*.

У Юй Кана читаем: *"Женское неизменно покоем ли, послушанием — мужское одолевает, благодаря Покою не претендуя на первенство"*.

В переводе А. Кувшинова значит: *"То, что делает державу великой — это способность развиваться и крепнуть подобно течению реки, вбирающей в себя воды бесчисленных рек и ручейков"*. Река и море потому и велики, что находятся ниже, и все потоки устремляются к ним. Иными словами, сила — в умении *принимать действительность и ощущать единство с ней*. Названный переводчик замечает также, что выражение "быть внизу" или "стоять ниже", употребляемое в комментируемом тексте, означает *уступчивость и готовность ко всему*. Это, как он пишет, есть "неориентированное" спокойствие, то есть спокойствие, не имеющее цели и потому открытое восприятию всего, что бы ни случилось. "С одной стороны, это способность вбирать в себя все и т.о. "развиваться и крепнуть". А с другой — это возможность уступчивостью и податливостью одолевать любую силу. Только тот, кто не имеет конкретной цели, чей внутренний взор не ограничен целью, может достичь неведомого и "увидеть в чудесном чудесное"". См. также тексты №1,2,3,8,37.

Дао — глубокая [основа] всех вещей. Оно — сокровище добрых и защита недобрых людей. Красивые слова можно произносить публично, доброе поведение можно распространять на людей. Но зачем же покидать недобрых людей? В таком случае для чего же выдвигают государя и назначают ему трех советников? Государь и советники хотя и имеют драгоценные камни и могут ездить на колесницах, но лучше будет им спокойно следовать Дао. Почему в древности ценили Дао? В то время люди не стремились к приобретению богатств и преступления протщались. Поэтому [Дао] в Поднебесной ценилось дорого.

Комментарий:

В христианском учении есть очень распространенная формула: *"ненавидь грех, но не грешника"*. В комментируемом тексте высказывается та же мысль: мы не должны ненавидеть плохих людей. В конечном счете, все люди заслуживают любви уже потому, что они люди. Все мы, по сути, находимся в одной и той же ситуации неопределенности, все мы странники в этом мире: не знаем своего предназначения, чувствуем свою слабость перед мировыми законами, и каждый из нас имеет свои заветные мечты, равно как и свои пороки. В этой ситуации тот, кто нашел верный путь, обретает счастье; но, видя в других людях такое же стремление к счастью, какое было однажды у него, разве он не проникнется к ним сочувствием? По аналогии с этим все живое можно любить уже за то, что в нем есть жизнь. Такая любовь достигается эмпатией, то есть вчувствованием в объект, осознанием своего единства с ним. Я — живой, мой пес или кот тоже живой; это означает, что я нахожу в нем нечто существенное, что свойственно также и мне, и поэтому я проникаюсь к нему любовью. Можно возразить: ведь бывают действительно подлые и беспринципные люди! Но возвратимся опять же, к христиан-

ству, и перефразируем слова Иисуса: кто из нас не без греха? Или, словами персонажа М. Горького Луки: "Всякая блоха не плоха — все черненькие"¹⁰. В "плохих" людях можно любить еще не

¹⁰ У Достоевского в "Братьях Карамазовых" детально проработана другая, тесно связанная с изложенной, мысль о том, что "все за всех виноваты". Действительно, если все за всех виноваты, то как можно говорить о том, что один человек плохой, а другой хороший? Достоевский устами своего героя пишет: "Ибо был бы я сам праведен, может и преступника, стоящего предо мною, не было бы", потому что "если бы светил, то светом своим озарил бы и другим путь, и тот, который совершил злодейство, может быть не совершил бы его при свете твоём. И даже если ты и светил, но увидишь, что не спасаются люди даже и при свете твоём, то пребудь тверд, и не усомнись в силе света небесного; верь тому, что если теперь не спаслись, то потом спасутся. А не спасутся и потом, то сыны их спасутся, ибо не умрет свет твой, хотя бы и ты уже умер. Праведник отходит, а свет его остается". Не созвучны ли эти слова принципу "делай что должен, и будь что будет", который, как указывается в ком. к тексту №63, тождественен принципу недеяния? И не совпадает ли сказанное с текстом №33, где утверждается: "Кто умер, но не забыт, тот бессмертен"? Таким образом, невозможностью разделить людей на плохих и хороших Достоевский обосновывает необходимость спонтанных и искренних действий, направленных на самозабвенное служение людям. Он продолжает далее: "Вот ты прошел мимо малого ребенка, прошел злобный со скверным словом, с гневливою душой; ты и не заметил, может, ребенка-то, а он видел тебя, и образ твой, неприглядный и нечестивый, может, в его беззащитном сердечке остался. Ты и не знал сего, а может быть ты уже тем в него семя бросил дурное, и возрастет оно пожалуй, а все потому, что ты не уберёшься пред дитятей, потому что любви осмотрительной, деятельной не воспитал в себе"; "скидывая свою же лень и свое бессилие на людей, кончишь тем, что гордости сатанинской приобщись и на бога возрощешь". Следствия из всего сказанного таковы: "Помни особенно, что не можешь ничьим судьёю быти... Если сможешь принять на себя преступление стоящего пред тобою и судимого сердцем твоим преступника, то немедленно прими и пострадай за него сам, его же без укора отпусти. И даже если б и самый закон поставил тебя его судьёю, то сколь лишь возможно будет тебе, сотвори и тогда в духе сем, ибо уйдет и осудит себя сам еще горше суда твоего. Если же отойдет с целова-

до конца утраченную человеческую сущность, имеющую те или иные возможности для самораскрытия. В любом человеке можно ценить то, чем он может стать.

Вообще, дело, конечно, не в том, заслуживает ли тот или иной человек любви, поэтому бессмысленно даже приводить аргументы в пользу того, что каждый человек достоин любви. Дело в том, что главная причина наших несчастий связана с неспособностью полюбить своего ближнего. Если мы не можем проявлять заботу, уважение и понимание в отношении других людей, не испытываем желание того, чтобы эти люди развивались, то в итоге приходим к неосознанному эгоизму, злости, трудностям в жизни. Таким образом, нас больше должна волновать наша способность любить, чем то, заслуживают ли другие люди любви. Хотя бы неосознанно, каждый человек осознает свое родство с другими людьми. Отрицая ценность других людей, мы подспудно отрицаем и свою собственную ценность. Вот почему отсутствие любви к людям влечет за собой неудовлетворенность собственной жизнью. К. Маркс писал: "Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку".

Важно подчеркнуть, что любовь к другим людям не должна выражаться в форме морального долга (хотя бы потому, что любовь нельзя взрастить насильственно). Она может быть лишь указанием на те следствия, которые влечет достойное отношение к самому себе. Неоспорим тот факт, что от природы в нас заложено

твоим бесчувственный и смеясь над тобою же, то не соблазняйся и сим: значит срок его еще не пришел, но придет в свое время; а не придет, все равно: не он, так другой за него познает и пострадает, и осудит, и обвинит себя сам, и правда будет восполнена". Многие удивляются, почему христианство проповедует страдания, заставляя нас подставлять щеку своему обидчику и намеренно страдать. Очевидно, это не имеет ничего общего с самобичеванием, которым занимались представители христианской секты флагелланства. Дело лишь в том, что все люди едины, тотально связаны, и значит мы не должны проявлять эгоизм и осуждение (страх перед преступниками, гуляющими на свободе, часто есть выражение эгоизма).

жено совсем немного предпосылок для любви к людям как к ближним. Если мы и способны любить всех людей, то только в форме абстрактной "любви к дальним", которая на самом деле очень мало похожа на настоящую любовь. Вот почему требование любви к людям в религиозных системах выражается в требовании постоянной и по существу безнадежной борьбы с самим собой. Это неверный путь. Вместо следования ему, можно было бы, например, попробовать увидеть подлинно человеческое в самом себе, и возможно тогда доброжелательное отношение к другим людям перестало бы быть проблемой.

Стремясь к богатствам, человек, как правило, забывает свое глубокое родство с другими людьми. Достигая процветания, он может заболеть презрением к бедным. Вот почему государь и его советники, согласно комментируемому тексту, ничуть не лучше бедняка (более того — ничуть не счастливее), и всем им лучше спокойно следовать Дао.

63.

Нужно осуществлять недеяние, соблюдать спокойствие и вкушать безвкусное. Великое состоит из мелких, а многое — из малых. На ненависть нужно отвечать добром. Преодоление трудного начинается с легкого, осуществление великого дела начинается с малого, ибо в мире трудное дело образуется из легких, а великое — из маленьких. Поэтому мудрец всегда начинает дело не с великого, тем самым он завершает великое дело. Кто много обещает, тот не заслуживает доверия. Где много легких дел, там много и трудных. Поэтому мудрый человек погружается в трудности, в результате он их не испытывает.

Комментарий:

1. *"Великое состоит из мелких, а многое — из малых"*. Дословное содержание этой строки допускает самые разные толкования: *"Большое маленькое много мало"*. Целый ряд китайских

исследователей считают эту фразу незаконченной. Хэшан-гун предлагает такое толкование: *"Хочешь великого — вернись к маленькому, хочешь многого — вернись к малому"* (см. текст №7); Дэцин развивает это мнение: "Люди в свете считают большим высокое положение, а многим — щедрое жалование. Однако же Путь предельно пуст, мал, безвкусен и ничего не имеет в себе. Премудрый человек отвергает заслуги и славу, отказывается от "большого" и "многого", а берет "маленькое" и "малое"" (по В. В. Малявину).

2. *"На ненависть нужно отвечать добром"*. Как и многое другое в этой книге, данная фраза является скорее не морализаторством, а пожеланием для вашего же блага. *Если вы сможете ответить на ненависть добром, то почувствуете странный прилив сил, вызванный ощущением своего могущества, и тогда вас можно поздравить: вы оказались выше обстоятельств, а чужая ненависть не смогла вам навредить*. Если же вы на ненависть отвечаете ненавистью, то тем самым признаете, что намерение вашего врага причинить вам страдания успешно реализовано. У переводчика А. Кувшинова комментируемая фраза такова: *"И старые, и малые, кто больше, кто меньше, расплачиваются своей собственной силой за враждебность и взаимные обиды"*. Остается только обратить внимание на явные параллели рассматриваемой фразы с христианским учением.

3. *"Преодоление трудного начинается с легкого"*, потому что ни один человек не всемогущ, и очень мало людей обладает действительно большими возможностями помочь другим людям. Прежде всего, это относится к миллионерам, которые, например, могут позволить себе пожертвовать достаточно большие суммы на благотворительность. Большинство людей, напротив, каждый день ощущает свое бессилие изменить что-либо вокруг себя. Конечно, иногда это ощущение связано с неосознаваемым желанием быть ведомым, а не ведущим, и бессознательным страхом перед решительными действиями, а не с реальной конъюнктурой, и в этом смысле каждому из нас нужно быть внимательным по отношению к самому себе. И все же, мы должны признать, что

реальный преобразующий эффект достигается лишь объединением множества "малых дел" множества не имеющих особых возможностей людей. Однако, это не повод сдаваться, отказываться от благодеяний. Каждый из нас должен делать то, что в его силах, и верить в лучшее. (Таково "действие ради действия, а не результата", о котором говорилось в ком. к тексту №2.) Именно эта мысль присутствует в рассматриваемом тексте, где говорится, что "осуществление великого дела начинается с малого, ибо в мире трудное дело образуется из легких, а великое — из маленьких". В нем также отмечается, что если человек жаждет изменить многое, то его, как правило, ждет разочарование. Чаще же он даже не пытается изменить многое, а только обещает это другим. "Кто много обещает, тот не заслуживает доверия". Ср. с переводом Юй Кана: "Великое в Поднебесной должно осуществлять в малом. Вот отчего постигший век не занят великим и оттого способен осуществлять Великое. Легким посулам — мало доверия".

С мысли о "действии ради действия", о том, что нужно "делать что должно, и будь, что будет", собственно говоря, и начинается рассматриваемый текст. Первое предложение о недеянии как бы предваряет все остальные. У А. Кувшинова оно переведено так: *"В мыслях и намереньях освобождайся от мыслей и намерений, совершая дела, не держись за них"*. Иными словами, полезный результат не должен быть нашей главной заботой, иначе мы упустим настоящий момент, которой только и есть у нас в распоряжении. Сам переводчик комментирует приведенную фразу таким образом, что нам не нужно стремиться во что бы то ни стало следовать ранее намеченному, а быть готовыми к любым неожиданностям и изменениям. Тем самым он также предостерегает нас от *чрезмерной приверженности к результату*. Одновременно он указывает и на один из важнейших признаков правильного состояния сознания: *готовность ко всему* (эта готовность не только не предполагает, но и *полностью отрицает страх*, потому как страх именно в том и состоит, что мы не хотим принимать того, что может произойти, но пока что не происходит; страх как

чувство здесь-и-сейчас вполне естественен, проблемы доставляет лишь страх в форме тревоги, фобии или т.п., то есть страх как принятие настоящего).

64.

То, что спокойно, легко сохранить. То, что еще не показало признаков, легко направить. То, что слабо, легко разделить. То, что мелко, легко рассеять. Действие надо начать с того, чего еще нет. Наведение порядка надо начать тогда, когда еще нет смуты. Ибо большое дерево вырастает из маленького, девяти-этажная башня начинает строиться из горстки земли, путешествие в тысячу ли начинается с одного шага. Кто действует — потерпит неудачу. Кто чем-либо владеет — потеряет. Вот почему совершенномудрый бездейтелен, и он не терпит неудачи. Он ничего не имеет и поэтому ничего не теряет. Те, которые, совершая дела, спешат достигнуть успеха, потерпят неудачу. Кто осторожно заканчивает свое дело, подобно тому, как он его начал, у того всегда будет благополучие. Поэтому совершенномудрый не имеет страсти, не ценит трудно добываемые предметы, учится у тех, кто не имеет знаний, и идет по тому пути, по которому прошли другие. Он следует естественности вещей и не осмеливается [самовольно] действовать.

Комментарий:

Смысл данного текста в том, что нам не *следует слишком настойчиво стремиться достигнуть чего-либо или приобрести как можно больше знаний*. Нужно быть спокойными, действовать по обстоятельствам, не брезговать малополезной и мелочной работой, и довольствоваться даже самыми малыми результатами своих действий, а при достижении окончательного результата — не привязываться к нему, и вести себя так, словно бы достигнуто лишь малое. Все тезисы данного текста необходимо трактовать именно с этих позиций.

Если ты действительно владеешь чем-то, то ты спокоен, так как крепко держишься за это, словно за ветку дерева, на котором сидишь. Если же ты падаешь с дерева вниз, то пытаешься судорожно уцепиться за каждую ветку. Это — признак неимения и потери. Поэтому не нужно стараться высчитывать каждый свой шаг, или завершить все дела побыстрее: *более важным является внутреннее равновесие.*

Цзяо Хун выводит следующий практический урок комментируемых строк: *"Столкнувшись с большой трудностью, нужно хранить полный покой и отрешенность от этой трудности. В таком случае Великий Путь свершится сам собой. Вот что называется истинным величием"* (по В. В. Малявину).

65.

В древности те, кто следовал Дао, не просвещали народ, а делали его невежественным. Трудно управлять народом, когда у него много знаний. Поэтому управление страной при помощи знаний приносит стране несчастье, а без их помощи приводит страну к счастью. Кто знает эти две вещи, тот становится примером для других. Знание этого примера есть знание глубочайшего Дэ. Глубочайшее Дэ, оно и глубоко и далеко. Оно противоположно всем существам, но приводит их к полному соответствию [с ним].

Комментарий:

1. Конечно, иногда дополнительные знания не помешают. Например, если вы любите людей и хотите служить им, то вам необходимо знание об их действительных потребностях. Вот и в комментируемом тексте говорится о полезности знания "глубочайшего Дэ". Но не думайте, что чем больше у вас знаний, тем больше в вас любви. *Знание может приближать к счастью, а может отдалять от него.* Проблема в том, что большинство того, что мы знаем, никак не связано со счастьем. Наши знания

забивают нам голову, отвлекая от действительно важных вещей. Поэтому в наиболее типичной ситуации девиз "поглупеть" окажется вполне разумным.

Существует такая дзэнская притча. Японский мастер принимал у себя университетского профессора, пришедшего узнать, что такое дзен. Мастер пригласил его к чаю, налил гостю чашку доверху, и продолжал лить дальше. Профессор следил за тем, как переполняется чашка, и, наконец, не выдержал: "Она же переполнена. Больше уже не войдет!". Мастер ответил: "Так же, как эта чашка, Вы полны Ваших собственных мнений и размышлений. Как же я смогу показать Вам дзен, если Вы сначала не опустошили Вашу чашу?".

(В конце концов, *важно не количество знаний, а их качество*. Подлинное знание выражается в искреннем интересе к предмету познания. Если вы не "пропустили знание через себя", не осмыслили его, не можете передать его своими словами или применить в своей повседневной практике, то оно и не является знанием. Такое псевдознание — сродни фиговому листу, с помощью которого несостоятельная личность пытается прикрыть свою наготу; "псевдознание" не относится к самой личности.)

Согласно В. В. Малявину, в комментируемом тексте говорится о том, что люди должны быть "чисты и цельны, искренни и преданны... Однако позднейшие поколения не поняли наставлений Лао-цзы [предполагаемого автора "Дао дэ цзин" — прим.], и некоторые люди даже полагали, что Лао-цзы проповедовал оглушение народа. В действительности он призывал не к темноте и невежеству, а к тому, чтобы люди были просты и честны".

2. Переводчик А. Кувшинов в примечаниях к данному тексту пишет, что в нем, как и в тексте №61 можно "увидеть скрытое сопоставление понятий "держава" и "человек". Ведь все, что нужно человеку для счастья — это перестать управлять своей жизнью "с помощью знаний", перестать каждый свой шаг соизмерять с тем, "что считается правильным". Доверившись собственному сердцу, ты найдешь в нем ответы на все вопросы, что ставит перед тобой жизнь".

3. *"Оно противоположно всем существам, но приводит их к полному соответствию [с ним]"*. Иными словами, истинная добродетель противоположна эгоизму, но если следовать ей, то придешь к благополучию (в первом случае термин "Дэ" употребляется в значении "добродетель", а во втором — как "благополучие"). У других переводчиков здесь прослеживается мысль о том, что благодаря Дэ все существа возвращаются к своей сущности, к изначальному в них.

66.

Реки и моря потому могут властвовать над равнинами, что они способны стекать вниз. Поэтому они властвуют над равнинами. Когда [совершенно мудрый] желает возвыситься над народом, он должен ставить себя ниже других. Когда он желает быть впереди людей, он должен ставить себя позади других. Поэтому, хотя он стоит над народом, но народу он не в тягость; хотя он находится впереди, народ ему не вредит. Поэтому люди с радостью его выдвигают и от него не отворачиваются. Он не борется, благодаря чему он в мире непобедим.

Комментарий:

Парадоксальные результаты, о которых говорится в данном тексте, уже обсуждались в ком. к текстам №7 и №61. Данный текст в целом повторяет мысли, изложенные в данных текстах.

Вряд ли для властителя будет правильной стратегией демонстрировать другим свое тщеславие и превосходство и унижать их: так можно только оттолкнуть людей от себя. Мудрый властитель умеет вчувствоваться в других, поставить себя на их место. Он управляет "мягкой силой", но это не равнозначно робости и неуверенности, а скорее олицетворяет даосский идеал активного бдения.

Комментарий Цао Синь: "Главный смысл этой главы состоит в том, что принцип совершенствования себя, семьи, государ-

ства и мира един, и этот принцип — отсутствие соперничества. Скромность и готовность стоять ниже других — всего возвышеннее и почетнее. А тот, кто ставит себя выше других, не будет пользоваться уважением" (по В. В. Малявину).

Во всех случаях, когда речь идет о перемещении потоков и запасов силы, необходимо стать местом, расположенным ниже всех потоков, чтобы вместить их силу.

67.

Все говорят о том, что мое Дао велико и не уменьшается. Если бы оно уменьшилось, то после долгого времени оно стало бы маленьким. Не уменьшается потому, что оно является великим. Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое — это человеколюбие, второе — бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других. Я — человеколюбив, поэтому могу стать храбрым. Я — бережлив, поэтому могу быть щедрым. Я не смею быть впереди других, поэтому могу стать умным вождем. Кто храбр без человеколюбия, щедр без бережливости, находясь впереди, отталкивает тех, кто находится позади, — тот погибает. Кто ведет войну человеколюбиво, тот побеждает, и возведенная им оборона неприступна. Небо его спасает, человеколюбие его охраняет.

Комментарий:

1. *"Все говорят о том, что мое Дао велико и не уменьшается. Если бы оно уменьшилось, то после долгого времени оно стало бы маленьким. Не уменьшается потому, что оно является великим"*. Автора данного трактата почитают за просветленного. Ранее много говорилось об изменчивости всего материального, чем обосновывалась бесполезность стремлений. Но Дао — неизменно, и если человек слился с Дао, его величие не уменьшается. Подлинное величие не уменьшается, потому что действительно велико. *Подлинная любовь вечна, потому что*

она подлинна. Таким образом можно обрести постоянство. Так и в Библии: "Любовь никогда не перестает".

(В одной из восточных притч спрашивается, подчиняется ли просветленный закону причинности? Если вы вспомните о неумещающей величии просветленного и на этом основании ответите "нет", то окажетесь неправы. Просветленный един с законом причинности (Дао), в этом источник его постоянного величия, а не во власти над законами природы; просветленный властен лишь над собой самим.)

У В. В. Малявина комментируемые строки выглядят совершенно иначе: *"Все в мире говорят, что мой Путь велик, да как будто ни на что не годен. Да, велик — и оттого как будто ни на что не годен! Будь он для всего пригоден, давно бы уже измелчал"*. Здесь говорится о том, что следование содержащимся в "Дао дэ цзин" наставлениям делает повседневную жизнь людей совершенно иной, а их обычные занятия — невозможными. В глазах совершенномудрого прежние ценности меркнут, сам же он начинает казаться другим людям либо сумасшедшим, либо глупцом. Именно поэтому другие люди могут упрекнуть совершенномудрого, будто он ни на что не годен, хотя и говорит о высочайшем. Но в том-то и дело, что он не годен лишь для негодных занятий, для мелочных забот, для великого же он совершенен. Если бы он был годным для любого несообразного занятия, то не был бы великим.

2. *"Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое — это человеколюбие, второе — бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других"*. Это так называемые три сокровища даосизма. Различные переводчики по-разному переводят 67 главу как в связи с различным пониманием семантики выражений, так и в связи со сложностью передачи даосской терминологии. Первое сокровище — это "цзы": *любовь внутри нас*, которая является причиной добродетелей и благого поведения. *Это беспричинная радость бытия*. А. Кувшинов переводит иероглиф "цзы" словосочетанием *"глубокое чувство любви"*. Второе сокровище — это "цзянь" (*самоограничение, уме-*

ренность, экономность, сдержанность, бережливость), восхваляемое также в тексте №59. Третье сокровище передается фразой из шести иероглифов, и означает буквально: *"не стремиться быть первым под небом"*. Эта мысль уже прослеживалась в текстах №7, 66. Далее разъясняется, что стремление быть первым заставляет отталкивать других. В не самом точном переводе С. Митчелла три сокровища названы: *простота, терпение и сострадание*.

3. *"Кто храбр без человеколюбия, щедр без бережливости, находясь впереди, отталкивает тех, кто находится позади, — тот погибает"*. Аристотель учил, что подлинная добродетель заключается в умении находить "золотую середину" между двумя противоположными крайностями. Так, добродетель храбрости находится посередине между безрассудством и трусостью, благоразумие это середина между распущенностью и бесчувственностью, щедрость это наиболее полезный компромисс расточительности и скупости, а подлинное величие заключается в нахождении срединного пути между спесью и приниженностью. Мы можем понимать комментируемую фразу в контексте этого учения Аристотеля. "Дао дэ цзин", таким образом, учит искать *срединный путь*, и призывает не проявлять излишнюю храбрость, щедрость и гордость. Чрезмерная добродетель ни к чему (см. тексты №18,38). Хуан Чжэньжэнь поясняет: "В деле совершенствования надлежит продвигаться постепенно, не прилагать слишком больших усилий, и тогда можно научиться следовать пути срединности". Познать меру, в свою очередь, возможно путем достижения *максимальной осознанности существования*, в которой открываются внутренние резервы человеческой психики. Осознавая каждое мгновение жизни, мы начинаем радоваться ей, в нас просыпается божественный источник "ци" (см. текст №42, ком. 9 к тексту №10), и тогда мы уже способны на подлинную добродетель ("Дэ"). Б. Виноградский так комментирует вторую добродетель: "... мера щедрости — должны быть самой точной мерой, нельзя просто раскрываясь растрачивать и раскидывать, но нельзя также и, прикрываясь мудростями и святыми

словами, удерживать и сохранять что-то, думая, что можешь судить, кому и сколько надобно".

68.

Умный полководец не бывает воинственен. Умелый воин не бывает гневен. Умеющий побеждать врага не нападает. Умеющий управлять людьми ставит себя в низкое положение. Это я называю Дэ, избегающее борьбы. Это сила в управлении людьми. Это значит следовать природе и древнему началу [Дао].

Комментарий:

1. *"Умный полководец не бывает воинственен"*. Мудрый человек знает, когда следует напасть, а когда лучше повременить. Он не стремится следовать всю жизнь одним и тем же принципам, но и не беспринципен. Он не увлекается всецело лишь одной идеей, лишь одним занятием. Ибо слепая страсть (в т. ч. и к боевым действиям, как в комментируемой фразе) погубит его. "Не будь духом твоим поспешен на гнев, потому что гнев гнездится в сердце глухих" (Еккл. 7:9).

В даосизме много говорится о негативных сторонах человеческой цивилизации. Значит ли это, что мы должны разрушить ее до основания? Конечно же нет, ибо это противоречило бы принципу недеяния. Что бы ни происходило в мире, мы должны позволить этому быть, и не проявлять воинственность. В первую очередь, не следует усугублять уже имеющуюся неестественность. А далее: вода камень точит.

2. *"Умелый воин не бывает гневен"*. Излишним будет доказывать, что гнев притупляет рассудок и приводит к ошибкам (в бою — к смертельным). *Мудрый человек не станет рабом своих эмоций.*

3. *"Умеющий управлять людьми ставит себя в низкое положение"*. См. текст №61. Здесь, как и в последующих строках

комментируемого текста, указывается на то, что *не следует бороться с тем, что выше и сильнее тебя*. Человек, по выражению одного философа, есть лишь тростинка на ветру, его возможности ничтожны по сравнению с процессами, происходящими на нашей планете и во вселенной в целом, и потому глупо с его стороны пытаться сопротивляться этим процессам. Но их можно использовать себе во благо, если познать их суть и сделаться единым с ними. Это не означает капитуляцию и признание собственной ничтожности! Вспомним восточные единоборства: практически все они основаны на умении использовать силу и действия соперника в своих целях. В частности, сила вашего удара многократно возрастет, если вы будете использовать эффект противодействия (по третьему закону Ньютона). Разве это капитуляция? Это поистине мудрое могущество, достигаемое освобождением от гнева и других страстей. Одновременно многие мастера восточных единоборств едины в том мнении, что лучшее сражение — это сражение несостоявшееся, ибо в нем высшее благо. *"Умеющий побеждать врага не нападает"*, — говорится в данном тексте, как бы с намеком на восточные единоборства. Но ведь эту логику можно распространить на любую жизнедеятельность, чтобы следовать Дао во всем! Многие думают, что это равнозначно капитуляции. Но ведь очевидно: *не стоит биться головой об стенку, лучше поискать дверь*. А выход, как говорится, есть всегда.

69.

Военное искусство гласит: я не смею первым начинать, я должен ожидать. Я не смею наступать хотя бы на вершок вперед, а отступаю на аршин назад. Это называется действием посредством недеяния, ударом без усилия. В этом случае не будет врага, и я могу обходиться без солдат. Нет беды тяжелее, чем недооценивать противника. Недооценка противника повредит моему сокровенному средству [Дао]. В результате сражений те, кто скорбит, одерживают победу.

Комментарий:

1. В. В. Малявин пишет: "Лао-цзы излагает главный принцип традиционной китайской стратегии — так называемое "следование ходу событий". Этот принцип не имеет ничего общего с пассивностью, а напротив, предполагает постепенное накапливание стратегического преимущества (что в Китае называли "потенциалом войска") в позиционной борьбе и упреждение противника в нанесении решающего удара".

Об *"ударе без усилия"* говорилось в комментарии к предыдущему тексту. В переводе А. Кувшинова об этой тактике сказано: *"Вот что называется действовать не напрямик, захватывать без помощи рук, отвергать, не противясь, одерживать победу без боя"*. Рассмотрим этот перевод.

Не нужно пытаться подавить в себе вредоносные страсти, нужно лишь всей душой осознать их вредоносность. Это называется "действовать не напрямик".

Если вы действительно осознаете вредоносность своих страстей, то в этот же миг они перестанут существовать. Это означает "отвергать, не противясь".

И когда вы освободились от этих страстей, и готовы принять данность, вы *"одерживаете победу без боя"*. Это будет возможно, потому что при всеединстве *"не будет врага"* и вы сможете *"обходиться без солдат"*.

2. *"Нет беды тяжелее, чем недооценивать противника. Недооценка противника повредит моему сокровенному средству [Дао]"*. В переводе Юй Кана: *"Нет большей беды, чем презренье к противнику: ведет к утрате моих Сокровищ"*. Недооценка противника, выраженная в презрении к нему, означает возвеличивание над ним (вспомним, что в христианстве гордыня — тягчайший грех), то есть отказ от всеединства, о котором говорилось в п. 1 ком. Б. Б. Виноградский выражает это таким образом, что человек, презирающий противника (не считающий его за равного себе), по сути отрицает не только его (противника), но и свою человеческую сущность. Сокровища, которые при этом утрачиваются, описаны в тексте №67.

Мои слова легко понять и легко осуществить. Но люди не могут понять и не могут осуществлять. В словах имеется начало, в делах имеется главное. Поскольку люди их не знают, то они не знают и меня. Когда меня мало знают, тогда я дорог. Поэтому мудрый человек подобен тому, кто одевается в грубые ткани, а при себе держит яшму.

Комментарий:

1. *"Мои слова легко понять и легко осуществить. Но люди не могут понять и не могут осуществлять"*. Христианство учит нас тому, что все люди грешны от рождения и в принципе не способны преодолеть свою греховность. Все, что нам остается, — это доверить себя Господу, который предоставит нам сил снова и снова бороться с грехами, победить которые мы, тем не менее, никогда не сможем. В этом случае акцент делается на преданность Богу, мол сама эта преданность — уже хорошо. Однако такой подход заставляет нас думать, что мы беспомощны и ничемны. Тем самым он как бы снимает с нас ответственность за наши действия, за собственную судьбу. Он отучает нас думать, поскольку нельзя перечить Богу. Итак, мы становимся безответственными, тупыми, бегающими по кругу бесполезных стремлений. Более того, мы постоянно испытываем чувство вины за то, на что не в силах повлиять, а это не очень-то справедливо. Таким образом, этот подход не ведет ни к чему хорошему, он лишь укрепляет нас во грехе.

Мы можем обратиться также в индуистской концепции переселения душ, согласно которой мы должны всю жизнь воздерживаться от материальных удовольствий, отречься от всего, доставляющего чувственное наслаждение, однако скорее всего этих усилий будет недостаточно для слияния с Богом, и мы лишь переселимся в "более высшее" существо, продолжив путь "вос-

хождения" в следующей жизни. Такая концепция превращает жизнь в страдание, и практически ничего не обещает взамен.

В противоположность приведенным концепциям, дзэн-буддизм, например, говорит о возможности каждого достичь просветления здесь и сейчас (в этой, земной, жизни). При этом не важно как много времени у нас уйдет на познание истины — в конце концов, единственный миг просветления уже оправдывает путь к нему. Факт, однако, в том, что каждый из нас может достичь просветления хоть в следующую минуту, и в этом нет ничего сверхъестественного. Таковым является и убеждение, приводимое в "Дао дэ цзин": автор говорит, что его слова *"легко осуществить"*. Это означает, что следование Дао не связано с мучениями, оно не заставляет нас чувствовать вину и страдать несколько жизней к ряду. Все, что нам необходимо, это лишь понять кое-что. *"Но люди не могут понять и не могут осуществить"*, что, впрочем, не подразумевает принципиальную невозможность: *"Мои слова легко понять"*.

2. *"В словах имеется начало, в делах имеется главное"*. Это, вероятно, означает: не нужно размышлять о сущности мира, и нет ничего конкретного, что необходимо знать; не нужно тратить время на пустую болтовню, а лучше заняться делом, ибо о человеке судят в конечном итоге по поступкам; в делах же не стремиться сотворить многое, поскольку нет никаких конкретных дел, которые требуется сделать.

3. *"Когда меня мало знают, тогда я дорог"* указывает на то, что нам следует как можно меньше суетно размышлять и действовать. Тот, кто ничего не стоит, всегда на виду, потому что он только и занят тем, чтобы быть на виду. Тот, кто действительно ценен, обычно неизвестен. У Б. Виноградского: *"Те, кто понимают меня, редки. Те, кто следуют мне, дороги"*.

4. *"Поэтому мудрый человек подобен тому, кто одевается в грубые ткани, а при себе держит яшму"*. Имеется в виду, что мудрый человек беден снаружи, но все его богатство заключается в его внутреннем мире. Он "держит яшму внутри". Внешне, при поверхностном знакомстве с человеком, внутреннее богат-

ство может быть неочевидным, поэтому совершенномудрый — непопулярен, неизвестен.

71.

Кто, имея знание, делает вид, что не знает, тот выше всех. Кто, не имея знаний, делает вид, что знает, тот болен. Кто, будучи больным, считает себя больным, тот не является больным. Совершенномудрый не болен. Будучи больным, он считает себя больным, поэтому он не болен.

Комментарий:

Данный текст — ярчайший пример парадоксального мышления, благодаря которому истина не ускользает от нас. Если подходить к нему с позиций логики, то в нем нет логики. Но он не призван дать нам верную логическую цепочку суждений, его задача важнее — дать почувствовать то, что логикой не выразишь. Другими словами, он заставляет нас думать и искать, вместо того, чтобы пассивно потреблять знание. Дело в том, что если мы пассивно потребляем информацию, она не преобразует нас, а значит не имеет никакой ценности. *Только если мы творчески воспримем новое знание, то есть проделаем внутреннюю работу по его осмыслению, попробуем соотнести его с ранее полученным знанием или даже развить в том или ином направлении, от этого знания будет толк.* Должно быть, это знакомо каждому по личному опыту.

Итак, почему же, имея знание, нужно делать вид незнающего? Хотя бы потому, что люди не любят, когда их учат "как жить" (это своего рода ущемление их самолюбия). *Если вы действительно хотите научить их чему-то, то должны делать это, постоянно задавая наводящие вопросы, как бы побуждая их искать истину самостоятельно.* Вы должны вопрошать, вместо того, чтобы утверждать и демонстрировать свое превосходство. Таков, в частности, был метод Сократа (см. ком. 3 к тексту №57). *Необходимо,*

далее, и самому не цепляться за имеющееся знание, а постоянно держать ум свежим и восприимчивым к новому, уметь вовремя корректировать свои убеждения. Это своего рода признание себя "незнающим", то есть признание возможности того, что и вы можете быть не правы. Сократ говорил: "Я знаю лишь то, что ничего не знаю". И прославился как великий мудрец...

Почему тот, кто, не имея знания, делает вид, что знает, болен? Здесь речь идет о человеке, который *зависим от собственного знания, и в глубине души очень боится прослыть незнающим*. Такой человек боится не только того, что другие люди подумают о нем как о глупце, но и того, что сам о себе так подумает. Следовательно, он скрывает от себя свою же истинную сущность, он не знает даже самого себя. Обладает ли он тогда знанием? Мы видим лишь предпосылки того, что этот человек в познании окружающего мира *не сможет быть объективным* (он будет цепляться за свои прежние познания, боясь поставить их под сомнение). Значит, истинным знанием он не обладает. Более того, с позиции психологии он может быть признан больным (психологически зависимым).

Наконец, ответим на вопрос, почему больной, знающий о своей болезни, не болен? Здесь снова говорится о психической болезни. В то же время основной метод лечения психических заболеваний емко выражается в евангельском принципе *"истина сделает вас свободными"*. Задача психоаналитика заключается в том, чтобы открыть пациенту его же внутренний мир, сделать потаенные страхи, мысли и желания пациента явными для него. Когда пациент ясно осознает их, он тотчас понимает их неразумность. Он понимает, что его психологические механизмы однажды сработали неправильно, и теперь это привело к неблагоприятным последствиям (произошел своего рода побочный эффект). Так больной осознает свою болезнь и с помощью этого осознания и излечивается. Вот почему больной, знающий о своей болезни, уже не болен.

Совершенномудрый — это человек, примиряющийся со своими страхами, мыслями и желаниями. Он принимает не только

окружающий мир, но и свой внутренний мир, он принимает себя со всеми своими несовершенствами. Это позволяет ему сделать бессознательное — осозанным, ибо когда нет ничего нежелательного в себе, то нет и необходимости скрывать это в дальних уголках своей психики. Так совершенномудрый достигает максимальной осознанности. Он не скрывает от себя, что болен, поэтому он совершенно здоров. (У. В. В. Малявина: *"Он знает, что такое болезнь, и потому не болеет"*).

72.

Когда народ не боится могущественных, тогда приходит могущество. Не тесните его жилища, не презирайте его жизни. Кто не презирает [народ], тот не будет презрен [народом]. Поэтому мудрый человек, зная себя, себя не выставляет. Он любит себя и себя не возвышает. Он отказывается от самолюбия и предпочитает невозвышение.

Комментарий:

1. *"Когда народ не боится могущественных, тогда приходит могущество"*. Главное препятствие на пути реализации наших возможностей, раскрытия всех внутренних человеческих резервов, на пути достижения целей заключается в *страхе*. Он сковывает нас, делает из нас рабов обстоятельств, ломает нашу волю, хотя каждый вроде бы и знает, что сильная воля способна решить самые грандиозные задачи. (Вот почему в ком. к тексту №7 утверждалось: не бойтесь умереть, и тогда вы обретете жизнь).

2. *"Не тесните его жилища, не презирайте его жизни"*. Здесь говорится о величайшем законе бытия: *чем больше вы содействуете чужой жизни (жизни других людей, а также животных и растений), тем больше вы цените жизнь как таковую, благодаря чему начинаете ощущать не только радость бытия, проистекающую из осознания собственных возможностей в плане*

заботы и самопожертвования, но и свое единство с природой, то есть преодолеваете изначально данную вам как человеку заброшенность и отчужденность.

3. К сказанному можно добавить: содействуя другим людям, делая их сердца раскованными и мягкими, уводя их от суетности и стесненности, вы пробуждаете в них искру добра, и потому сделанное вами добро рано или поздно возвращается к вам в виде аналогичного самопожертвования со стороны других людей. Вот почему сказано *"Кто не презирает [народ], тот не будет презрен [народом]"*.

4. В переводе Б. Виноградского прокомментированные в п. 2 и п. 3 предложения таковы: *"Не нужно относиться без уважения к тому, что дает вам убежище. Не пресыщайтесь тем, что дает вам жизненную силу"*.

5. *"Поэтому мудрый человек, зная себя, себя не выставляет. Он любит себя и себя не возвышает. Он отказывается от самолюбия и предпочитает невозвышение"*. Здесь речь идет уже о практических следствиях выбора описанной выше установки. Но как это понять: совершенномудрый любит себя, поэтому отказывается от самолюбия? Все очень просто. Под самолюбием здесь понимается эгоизм, который противоположен подлинной любви к себе. Как отмечал выдающийся философ Э. Фромм, эгоист, вопреки устоявшемуся мнению, любит себя скорее слишком слабо, чем слишком сильно. Он чувствует свою неполноценность, и именно поэтому старается урвать от внешнего мира как можно больше, тем самым как бы компенсируя собственные недостатки. Например, если он скучен в общении, то пытается заставить других людей проявлять к нему больше терпения, что со стороны может расцениваться как эгоистическое стремление. Клинический опыт показывает, что эгоцентричность человека, как правило, вызвана тем, что парализована его способность любить и наслаждаться. Итак, в чем же заключается подлинная любовь к себе, которая и свойственна совершенному, и почему в рассматриваемом тексте она тесно связывается с невозвышением им самого себя? Отвечая на этот вопрос, лучше все-

го процитировать средневекового мистика Майстера Экхарта: *"Если ты любишь себя, ты любишь каждого человека так же, как и себя. Если же ты любишь другого человека меньше, чем себя, то в действительности ты не преуспел в любви к себе, но если ты любишь всех в равной мере, включая и себя, ты будешь любить их как одну личность, и личность эта есть и бог и человек. Следовательно, тот великая и праведная личность, кто, любя себя, любит всех других одинаково"*.

73.

Кто храбр и воинственен — погибает, кто храбр и не воинственен — будет жить. Эти две вещи означают: одна — пользу, а другая — вред. Кто знает причины того, что небо ненавидит [воинственных]? Объяснить это трудно и совершенному-дрому. Небесное Дао не борется, но умеет побеждать. Оно не говорит, но умеет отвечать. Оно само приходит. Оно спокойно и умеет управлять [вещами]. Сеть природы редка, но ничего не пропускает.

Комментарий:

1. *"Кто храбр и воинственен — погибает, кто храбр и не воинственен — будет жить"*. Тот, кто стремится показать свою силу, наживает себе завистников и недоброжелателей. Кроме того, вполне возможно, что за этим стремлением показать силу скрывается слабость, и само стремление вызвано ничем иным, как таящейся в глубине слабостью. Итак, *если вы имеете силу, используйте ее на благо людей, чтобы люди не восстали против вас*. Если вы чувствуете свою слабость, не пытайтесь скрыть это от самого себя, иначе вы уйдете от истины и придете к страхам. *Просто примите свое несовершенство. Если вы не можете принять свое несовершенство, примите тот факт, что вы не можете его принять*. Это необходимо сделать, поскольку жизнь, полная страхов и заблуждений — это не жизнь (робе-

ющего глупца можно назвать тем, кто *"погибает"*). В свою очередь, альтернатива *"не быть воинственным"* означает практику надеяния, подробно описанную в ком. к тексту №2. Повторим, что надеяние не подразумевает отсутствие всякого действия, но предполагает спонтанное, естественное действие взамен скованному и спланированному чрезмерным рационализаторством. *Надеяние опирается на чистый разум взамен консервативному уму.* Тотальная осознанность, с которой оно связано, означает тонкое, своего рода интуитивное чувство действительности в настоящем моменте. Принимая решение, вы руководствуетесь интуитивным чувством истины, а не цепляетесь за логическую цепочку, аргументирующую ваши выводы. Конечно, логическое мышление и обоснование может быть вполне уместно, но дело вот в чем. В отсутствие тотальной осознанности вы идете на поводу у своих потаенных желаний и страхов. С одной стороны, они заставляют вас принимать определенные решения, а с другой — стремятся не выдать своего существования. В итоге это ведет не просто к множеству ошибок в суждениях, но также и к чрезмерному количеству самих суждений, вызываемых потребностью сокрыть неосознаваемые желания и страхи аргументами *ad hoc*. Это-то и называется чрезмерным рационализаторством и "цеплянием" за логику. Получается, что неверное решение может иметь достаточно много аргументов, а истинное решение *"обосновать трудно даже совершенному-мудрому"*. Но это не станет великой бедой, если мы вспомним, что аргументы — не главное.

2. *"Небесное Дао не борется, но умеет побеждать. Оно не говорит, но умеет отвечать. Оно само приходит. Оно спокойно и умеет управлять [вещами]"*. Здесь приводятся конкретные выражения тактики надеяния: *полное принятие действительности, отсутствие болтливости и желания убедить (перубедить) кого-либо, спокойствие и уравновешенность в делах.* Естественность поведения проявляется в том, что совершенномудрый *"не вдается в частности, а все искусно рассчитывает"* (перевод В. В. Малявина).

Последующая фраза *"сеть природы редка, но ничего не пропускает"* напоминает также о чувстве единения со всем сущим, сопровождающем надежду. Смысл этой фразы таков: каждый из нас является частью природы, частью общего потока бытия, и сколько бы мы ни сопротивлялись, идя против потока, это не приведет к успеху, лишь отнимет сил и приблизит гибель; суть мироздания есть пустота (см. тексты №4, 11), но это не значит, что можно проскочить сквозь нее, сбежав от потока!

3. *"Кто храбр и воинственен — погибает, кто храбр и не воинственен — будет жить. Эти две вещи означают: одна — пользу, а другая — вред. Кто знает причины того, что небо ненавидит [воинственных]?"*. Следует обратить внимание на альтернативный перевод этого отрывка, сделанный Юй Каном: *"Храбрость при дерзости — губит. Без дерзости же — спасает. И то и другое бывает — полезно, бывает — вредно. Что Небу угодно? Кто Его ведает..."*. Таким образом, переводы Ян Хин-шуна и Юй Кана имеют разные смысл. Первый утверждает, что воинственность (дерзость) всегда верна, второй — что это до конца не известно. Полагаем, что последующие строки комментируемого текста показывают, что перевод Ян Хин-шуна более адекватен. *"Объяснить это [вред воинственности] трудно и совершенному мудрому"*. У В. В. Малявина: *"Тот, кто смел в удали, погибнет. Тот, кто смел в скромности, будет жить"*. Автор трактата, таким образом, учит мужеству скромности.

74.

Если народ не боится смерти, то зачем же угрожать ему смертью? Кто заставляет людей бояться смерти и считает это занятие увлекательным, того я захвачу и уничтожу. Кто осмеливается так действовать? Всегда существует носитель смерти, который убивает. А если кто его заменит, это значит, заменит великого мастера. Кто, заменяя великого мастера, рубит [топором], повредит свою руку.

Комментарий:

1. В комментируемом тексте обыгрывается противопоставление страха и свободы. При этом *страх связывается со смертью, а свобода — с жизнью*. Безусловно, текст связан с осуждением чрезмерно суровых наказаний, и эта позиция традиционна для даосизма. Но мы попытаемся дать несколько иное толкование, найдя в тексте косвенные смыслы.

Многие люди пытаются сделать других людей мелочными, устрашаемся того, "как бы чего не вышло". Родители чрезмерно контролируют детей, лишая последних права учиться на собственных ошибках, и внушая необходимость покорности обстоятельствам, начальники воздействуют на подчиненных, пугая их легальной и нелегальной ответственностью, социальная система в целом поощряет людей мелочных, стремящихся лишь беспрекословно выполнять данные поручения за денежное вознаграждение, а не думающих о глобальных последствиях той или иной политики их начальства. Так распространяется страх, который заставляет людей цепляться за крохи, вместо того, чтобы стремиться к мечте. Стремление к мечте нарекают детским идеализмом, а мелочность, напротив, воспевают как практичность. Но делать так — все равно, что пилить ветку, на которой сидишь (по тексту: *"рубить топором свою же руку"*).

Автор комментируемых строк говорит: я уничтожу того, кто распространяет страх, убивая мечту, кто убивает свободный дух людей, превращая их в серых мышей, не давая им стать великими мастерами. Есть и альтернативный перевод данных строк: *"Если же народ постоянно устрашать смертью, и кто-то совершает незаконные действия, то нужно хватать его и казнить"* (Б. Виноградский). То есть, автор не говорит, что он кого-то "захватит и уничтожит", он говорит, что если правитель выбирает тактику страха, то ему волей-неволей придется быть последовательным. В то же время, только великий мастер (Бог или Дао) ведает жизнью и смертью земных тварей. Пытаться заменить его невозможно без нарушения преданной гармонии.

Только чрезмерная гордыня может побудить человека встать на место Бога, и, конечно, ничем хорошим это не кончится. Поэтому правитель, выбирающий тактику страха, приходит к саморазрушению.

2. Страх смерти в комментируемом тексте рассматривается как наиболее сильный и фундаментальный страх. *"Если народ не боится смерти, то зачем же угрожать ему смертью?"*. Это фразой подчеркивается: *если вы перестанете бояться смерти, то уже ничто и никто не смогут вам угрожать, и это будет торжеством вашей свободы*. Может показаться, что очень мало кто действительно боится смерти, потому что большинство людей просто не думают о ней. Однако это "недумание" и есть первый признак страха: людям не хочется думать о смерти, поэтому они думают о чем угодно, только не о ней; они пытаются занять себя делами, насытиться увлечениями, чтобы уйти от осознания собственной смертности. Так и образуются бессмысленные занятия, а также лживые мыслительные конструкции, эти занятия оправдывающие, так и прожигаются жизни. Но что нужно, чтобы сделать жизнь осмысленной? Самый главный шаг: перестать бояться собственной смерти, заглянуть этой возможности и даже неизбежности в лицо. (Как уже отмечалось в тексте №7, только так мы и можем обрести жизнь.)

3. Приведем в связи с этим перевод комментируемого текста, выполненный А. Кувшиновым: *"Люди не оказывают должного внимания смерти, ибо ничего не могут поделать с тем ужасом, что внушает им смерть. Воистину, неслыханная вещь, чтобы люди постоянно помнили о нависшей над ними смерти. Я получаю во владение жизнь, а затем меня лишают ее. Кто же принимает решение? Тот, кто извечно ведает смертью, тот и забирает жизнь. Тот же, кто пытается занять его место, погибнет, ведь это все равно, что пытаться заменить Великого Мастера, хватаясь за его топор. Тот, кто пытается заменить Великого Мастера, хватаясь за его топор, вряд ли сумеет остаться с целыми руками!"*.

Народ голодает оттого, что власти берут слишком много налогов. Вот почему [народ] голодает. Трудно управлять народом оттого, что власти слишком деятельны. Вот почему трудно управлять. Народ презирает смерть оттого, что у него слишком сильно стремление к жизни. Вот почему презирают смерть. Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тем самым ценит свою жизнь.

Комментарий:

1. *"Народ презирает смерть оттого, что у него слишком сильно стремление к жизни. Вот почему презирают смерть. Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тем самым ценит свою жизнь"*. Иными словами, тот, кто не боится умереть, тот только и живет, тот лишь и познал цену жизни. Тот же, кто слишком цепляется за жизнь, желания и страсти, имущество, связи с людьми, карьеру, — тот умирает. Поэтому следует практиковать недеяние — "отсутствие цепляний". В другом варианте перевода Ян Хин-шуна значится: *"Народ легко умирает оттого, что у него слишком сильно стремление к жизни..."*. В принципе, эта логика касается не только жизни и смерти, поэтому можно сказать и в целом: *тот, кто не боится потерять, тот обретает, а кто страшится потери, имеет лишь жалкие крохи*. Подробно указанный парадокс обсуждался в ком. к тексту №7.

2. *"Народ голодает оттого, что власти берут слишком много налогов. Вот почему [народ] голодает. Трудно управлять народом оттого, что власти слишком деятельны. Вот почему трудно управлять"*. Здесь указывается на пользу недеяния, проявляющуюся, в частности, в предоставлении людям свободы, в отсутствии чрезмерной государственной опеки и контроля. Вероятно, под голодом имеется в виду духовный голод, возникающий при недостатке свободы, которая только и дает

ощущение полноценной жизни. *Каждый человек неосознанно стремится к свободе, если только он прислушивается к своему сердцу.* Очевидно при этом, что человеком, который слушает свое сердце, *"трудно управлять"*: это все равно, что заставить творческую личность стать расчетливой и меркантильной, побудив следовать руслу, которое выгодно ее потенциальным спонсорам. Таким образом, рассматриваемый фрагмент понимается не буквально, а иносказательно. В то же время, иносказание на примере государства не случайно: "Дао дэ цзин" писался в Эпоху Сражающихся Царств (политической раздробленности Китая), то есть большого количества кровопролитных войн, и сопровождающего их деспотизма местных правителей; отсюда ясно, почему автор данного трактата постоянно проводит аналогии с государственной активностью, чтобы показать вред от активного действия и пользу от всеобщего успокоения (народ голодает, потому что верхи забирают себе зерно, поэтому все, что нужно сделать власти для всеобщего спокойствия — успокоиться самой). Конечно, данные обстоятельства указывают одновременно и на некоторую субъективность автора, но выяснение субъективных причин сказанного еще не говорит об ошибочности сказанного.

3. В переводе А. Кувшинова речь идет не о государственной активности, а об активности обычных людей, но при этом также подчеркивается ее излишество: *"Глядя на людей, можно подумать, что они все время голодны, поскольку превыше всего они стремятся к накоплению и умножению своих запасов, потому и не могут насытиться"*. В переводе к другому тексту у А. Кувшинова значится: *"Мудрый не беспокоится ни о чем, поскольку он устал беспокоиться, и потому он не страдает от несчастий и бед"*. Данное изречение развивает сказанное ранее, и также превосходно передает смысл учения о недеянии.

76.

Человек при рождении нежен и слаб, а после смерти тверд и крепок. Все существа и растения при своем рождении нежны

и слабы, а при гибели тверды и крепки. Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое есть то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждает, и оно, подобно крепкому дереву, [гибнет]. Сильное и могущественное не имеют того преимущества, какое имеют нежное и слабое.

Комментарий:

Под *"твердым и крепким"* подразумевается, очевидно, человеческий скелет, который только и остается после смерти. На примере этого скелета утверждается общий закон мироздания: твердое и крепкое суть идущее к гибели, мягкое и нежное суть излучающее жизнь.

Этот закон можно понять достаточно широко, если вспомнить о том, что живость и легкость мышления, как правило, отличают молодых людей от старых. *"Твердость"*, исходя из этого, проявляется, в том числе, и в *"косности мышления"*, и чтобы сохранить жизнь, нам нужно постоянно поддерживать свой рассудок в чистом и незамутненном состоянии.

Важно и другое: жизнь как таковая требует заботы, и *только заботясь обо всем живом, мы начинаем ценить жизнь собственную*, тем самым как бы заново обретая ее (она была у нас и раньше, но только теперь мы можем осознать ее ценность). В этом контексте *"нежность и слабость"* жизни, о которой говорится в комментируемом тексте, должны указывать на необходимость *заботы и любви*.

77.

Небесное Дао напоминает натягивание лука. Когда понижается его верхняя часть, поднимается нижняя. Оно отнимает лишнее и отдает отнятое тому, кто в нем нуждается. Небесное Дао отнимает у богатых и отдает бедным то, что у них отнято. Человеческое же Дао — наоборот. Оно отнимает у бедных и отдает богатым то, что отнято. Кто может отдать другим все

лишнее? Это могут сделать только те, которые следуют Дао. Поэтому совершенномудрый делает и не пользуется тем, что сделано, совершает подвиги и себя не прославляет. Он благоден потому, что у него нет страстей.

Комментарий:

Отметим, что в другом переводе Ян Хин-шуна "*небесное Дао*" заменено "*естественным Дао*", чем еще раз подчеркивается, что следование Дао означает следование естественному порядку вещей. Фраза "*небесное Дао напоминает натягивание лука*" означает, что каждый из нас подобен стреле, которая не выбирает свой путь, но подчиняется воздействию на нее силам; Дао, в свою очередь, натягивает наш "лук", то есть полностью программирует нашу жизнь, что проявляется, в частности, в нашем следовании физическим законам, общественным нормам поведения, выработанным в окружающей социальной среде стереотипам мышления и действия, в нашей зависимости от воспитания и пр. Осознав тот факт, что ни одно наше действие, ни одна наша мысль не могут считаться независимыми, что мы все зависим и от природы, и от других людей, осознав все это, мы должны почувствовать свою *тотальную связанность с окружающим миром, и необходимость подчиниться ему*. Это подразумевает отказ от эгоистических страстей, которые хотя и могут показаться естественными, в конечном счете являются главной причиной нашей отчужденности от себя и от мира, главной причиной депрессии и неудач. Так мы становимся сбалансированными и гармоничными, словно натянутый лук, и во всем следуем "*срединному пути*".

В состоянии осознания единства с миром мы уже не говорим о чем-либо "это мое", потому что не может быть никаких личных вещей. Мы готовы пожертвовать своими вещами именно потому, что не считаем их своими, не дорожим ими даже как памятью. *В умении обходиться малым — наше богатство*. Так небесное Дао посредством нас "*отнимает лишнее и отдает отнятое*

тому, кто в нем нуждается", чем устанавливает всеобщее равновесие. Здесь можно увидеть намек на т. н. естественное право, то есть на тот принцип, которому должны соответствовать принимаемые в обществе нормы поведения: естественным для человеческого общежития признается ситуация, когда богатые помогают бедным. Можно также сказать, что "отнимает лишнее и отдает нуждающимся" не само Небесное Дао, а совершенномудрые, через которых оно действует. В таком случае верной будет другая фраза комментируемого текста: "Кто может отдать другим все лишнее? Это могут сделать только те, которые следуют Дао". Если же мы не следуем Дао, а погрязаем в повседневных заботах, то по сути вступаем на другой путь, который в комментируемом тексте назван "человеческим Дао". Этот путь лишен любви и справедливости, так как "отнимает у бедных и отдает богатым то, что отнято". Следуя этому пути, мы лишаемся возможности чувствовать себя частью мира, и начинаем ощущать неполноценность и отчужденность. Равновесие и гармония ускользают от нас, вследствие чего этот путь нельзя назвать естественным.

В рассматриваемом тексте вкратце напоминается о конкретных проявлениях следования Дао: *"совершенномудрый делает и не пользуется тем, что сделано, совершает подвиги и себя не прославляет"*. См. ком. 2 к тексту №34, ком. 6 к тексту №2.

78.

Вода — это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима, и на свете нет ей равного. Слабые побеждают сильных, мягкое преодолевает твердое. Это знают все, но люди не могут этого осуществлять. Поэтому мудрый человек говорит: кто принял на себя унижение страны — становится государем, и кто принял на себя несчастье страны — становится властителем. Правдивые слова похожи на свою противоположность.

Комментарий:

1. Все мы знаем поговорку: *"Вода камень точит"*. Эта поговорка напоминает нам о недеянии, то есть о том, что торопливые и навязчивые действия иногда бывают бесполезны, и тогда нужно запастись терпением, чтобы добиться успеха. Терпеливость — неперемное качество совершенномудрого. Быть может, напористостью вы добьетесь многого, но точно не добьетесь главного: независимости от смерти. И только *"вода (читай — терпение) в преодолении твердого и крепкого (читай — смерти; см. текст №76) непобедима, и на свете нет ей равною"*.

В "Чжуан-цзы" мы встречаем предостережения от увлеченного нравоучительства, которое только разозлит обучаемого, обнажая его нравственное уродство, и сделает его не лучше, а только мстительнее, повлечет ссору. Поэтому: *"Когда тебя слушают, пой свою песню, когда тебя не слушают, умолкни"*. Иными словами, будь податлив, чувствуй душу людей, с которыми ты общаешься. В том же трактате приводится в пример дрессировка тигров, которым не дают живых животных или целые туши животных, чтобы не пробуждать природную ярость, вместо этого им дают малые куски мяса, и тогда тигры ласкаются к тому, кто их кормит. Означает ли такая методика, что мы идем против тигриной природы, или поступаемся чем-то важным для нас? Отнюдь, мы просто умело используем природную данность, не нарушая ее гармонии.

"Поэтому мудрый человек говорит: кто принял на себя унижение страны — становится государем, и кто принял на себя несчастье страны — становится властителем". Слово *"унижение"* в комментируемом тексте вновь отсылает к сравнению с водой, которая потому властвует в долинах, что принижается до их уровня. Итак, принимая унижение — обретаешь власть. Как это понять?

Тот, кто умеет проявлять терпение, кто умеет принимать данность, и не судит людей за их поступки — тот становится хозяином мира, потому что смог стать хозяином самому себе.

Он также чувствует свою связанность с миром и людьми, и потому не имеет эгоистичных стремлений, а стремиться помогать людям. Он понимает, что среди людей, как это выражено у Достоевского, "все за всех виноваты", и даже готов принять на себя последствия чужой вины, потому что не считает эту вину чужой (см. ком. к тексту №62). Этим он проявляет отеческую заботу о народе, который воспринимает как своих детей (см. текст №49). Не правда ли, что руководящая должность требует большой ответственности? Так же и совершенномудрый, понимая свое единство с другими людьми, считает необходимым помогать им, и проникается чувством собственной ответственности. Не склонны ли мы необоснованно винить в своих бедах наших руководителей? Так и совершенномудрый в какой-то степени решается отвечать за то, о чем люди могли бы позаботиться сами. Во всем этом он подобен государю — властителю страны. Мы видим, насколько тесно связаны категории "власть над собой" и "власть над страной".

А теперь: не созвучно ли это христианской легенде о самопожертвовании Христа? Не был ли Иисус Христос тем совершенномудрым, который решил взять на себя чужой грех? Бог создал людей, зная, что они не смогут быть святыми, так не его ли вина в том, что они мучаются и страдают, пребывая во грехе? Иисус, видимо, познал тотальную связь не только людей друг с другом, но и людей с Богом. И принял на себя общую вину. (Поэтому и считается одновременно и человеком и Богом). Он явил собой яркий пример господина своих страстей ("царя в голове"), который своим смирением "смертью смерть поправ" (см. п.1 ком.), и Небесного Царя, то есть власти одновременно внутренней и внешней.

У А. Кувшинова перевод рассматриваемых строк таков: *"Принять на себя всю грязь Поднебесной — вот что значит занять трон государя. Принять на себя все несчастья страны — вот что значит быть правителем Поднебесной"*. Но возможно ли это? Не является ли такой образ государя ("совершенномудрого", "свободного человека, имеющего власть над собой") утопией?

Возвращаясь к аналогии с водой, приведем здесь комментарий В. В. Малявина: "Легко ли осуществить на деле "простые истины" Лао-цзы [предполагаемого автора "Дао дэ цзин" — прим.]? Не труднее, чем воде течь туда, куда она стремится сама собой, обтачивая по дороге массивные валуны, подмывая скалы, просачиваясь сквозь самый прочный гранит".

79.

После большого возмущения останутся его последствия. Спокойствие можно назвать добром. Поэтому мудрый человек дает клятвенное обещание, что он не будет никого порицать. Добрые люди соблюдают свою клятву, а недобрые ее нарушают. Естественное Дао не имеет родственников, оно всегда на стороне добрых.

Комментарий:

В этом тексте говорится о вреде суровых наказаний. В Древнем Китае был обычай, согласно которому за тяжелые преступления наказывался не только сам преступник, но и три поколения его ближайших родственников. Этот обычай находил свое обоснование в идеологии легизма, основателем которой был Шан Ян. Вероятно, автор "Дао дэ цзин" пытается показать, что столь суровое наказание имеет больше минусов, чем плюсов. В этом, к слову, он солидарен с Конфуцием, хотя обычно даосизм противопоставляет себя конфуцианству. Конфуций писал: "Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться (от наказаний) и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели... народ будет знать стыд и он исправится". Конфуций, таким образом, подчеркивает важность исправления преступника. Наказание служит изоляции преступника от общества (если таковое необходимо), а также его перевоспитанию. Кара же и возмездие, напротив,

антигуманны и ведут лишь к озлобленности человека на мир, поэтому не должны быть целями наказания. В этом и заключается смысл комментируемых строк: *"после большого возмущения останутся его последствия, так как же это назвать добром?"* Забив гвозди в доску, а после выдернув их из нее, вы оставите в доске следы от гвоздей, таким образом, уже не сможете вернуть все на круги своя. Следовательно, лишая человека свободы за преступление ("забивая гвозди"), вы должны подумать о том, кем он выйдет из тюрьмы через несколько лет ("каковы будут следы от гвоздей").

Изложенная позиция, однако, близка скорее конфуцианству. Что же говорит даосизм? Последний, вероятно, ближе христианству, чем конфуцианству, и предлагает путь тотального прощения (см. текст №62: *"преступления прощались"*, текст №63: *"на ненависть нужно отвечать добром"*; текст №49: *"добрым я делаю добро и недобрым также делаю добро"*).

Преступников вообще не нужно наказывать, а с нарушителем договора не нужно пытаться взыскать долг, поскольку при глобальном рассмотрении оказывается, что "все за всех виноваты" (см. ссылку к ком. к тексту №62). *"Дао не имеет родственников"*, то есть ты связан не только со своими близкими, а вообще со всеми людьми, за всех виноват и за всех ответственен.

Нужно строго соблюдать свои обязательства по заключенному соглашению (с отдельным человеком либо со всем обществом, по т. н. "общественному договору"), при этом не виня других в нарушении их обязательств и не требуя от них выполнения этих обязательств (*"добрые стремятся к соглашению, а недобрые — к вымогательству"*)!

"Поэтому совершенномудрый дает клятву, что он не будет никого порицать". У Юй Кана то же: *"Вот отчего постигший верен во всем Согласно, но людей — не обязывает и не обвиняет"*.

Последние цитаты, впрочем, можно понимать и так, что совершенномудрый (как имеющий власть) клянется не наказывать

других людей руководствуясь лишь мстью или желанием получить личную выгоду, но не отказывается от наказания как средства перевоспитания, осуществляемого во благо самого нарушителя. Однако при таком толковании важно понимать, что совершенномудрый в любом случае не считает перевоспитание других людей своей неперменной целью, ибо в принципе свободен от таковых. (Не лишним здесь будет вспомнить текст №3, в котором утверждается, что совершенномудрый не стремится поощрять порядочных и способных людей, потому что это ведет к лицедейству и взаимному соперничеству.)

Б. Виногородский обращает в своем комментарии на другой аспект, руководствуясь следующим переводом первой строчки рассматриваемого текста: *"Когда после большой обиды достигают мира, у одного обязательно остается небольшая обида"*. Совершенномудрый человек склонен добиваться такого примирения, при котором ни у кого не остается обиды. У самого совершенномудрого никогда не бывает упреков к людям, поскольку он нетребователен. Когда же у человека недостаточно силы духа, он всегда будет чувствовать себя обделенным, вне зависимости от того, сколько у него уже есть.

80.

Пусть государство будет маленьким, а население — редким. Если в [государстве] имеются различные орудия, не надо их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко [от своих мест]. Если в [государстве] имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять. Даже если имеются воины, не надо их выставять. Пусть народ снова начинает плести узелки и употреблять их вместо письма. Пусть его пища будет вкусной, одеяние красивым, жилище удобным, а жизнь радостной. Пусть соседние государства смотрят друг на друга, слушают друг у друга пение петухов и лай собак, а люди до самой старости и смерти не посещают друг друга.

Комментарий:

Комментируемый текст в очередной раз отсылает нас к теме надеяния. Часто жители деревень всеми силами рвутся в город, мечтают о "передовой" городской жизни и больших возможностях. Они пытаются возвыситься, найти новых друзей, сделать карьеру, и возможно даже стать знаменитыми. Но такие стремления ведут к тому, что они забывают об истинных жизненных ценностях, погрязают в развратном мире денег и лести¹¹. Поэтому и говорится: *"Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко [от своих мест]"*.

В комментируемом тексте утверждается, что искать счастье лучше в самом себе, а стремление к накопительству, деньгам, славе, развлечениям — это путь, уводящий от счастья.

Мало кто из нас может похвастаться знанием конкретных просветленных личностей. И это, конечно, не означает, что таких личностей не существует. Просто *те, кто достиг счастья, понимают никчемность славы, и не стремятся публично демонстрировать свои достоинства.*

Пытаясь нажать побольше вещей, мы в заботах часто не оставляем себе времени пользоваться ими, либо начинаем воспринимать эти вещи как нечто само собой разумеющееся, и в конце концов забываем их ценность.

Стремясь заработать как можно больше денег, которые являются лишь выражением абстрактной возможности приобретения, мы забываем о своих действительных потребностях, ради которых эти деньги зарабатываются. В итоге типич-

¹¹ Ситуации, подобные описанной, нередко становились основой сюжетов поучительных кинофильмов и книг. Одна такая ситуация, например, представлена в романе Т. Драйзера "Американская трагедия". Главный герой этого произведения — неглупый молодой человек, воспитывавшийся в религиозных традициях — развращается, попадая в мир роскоши и денег, и в итоге совершает убийство ради карьерных перспектив, желая жить "на широкую ногу" и быть членом высшего общества.

ная ситуация такова, что человек, имеющий высокую зарплату, тратит ее на совершенно ненужные ему вещи только потому, что рынок позиционирует их как престижные.

Между тем, вполне возможно оставаться всю жизнь там, где ты родился, и каждодневно ощущать вкус имеющейся пищи, видеть красоту имеющихся одежд, довольствоваться удобствами своего жилья, не мечтая о большем. Можно видеть то, как живут люди в соседних селениях или даже государствах, но не иметь никакого желания подражать их блеску. Поэтому где бы вы ни были и что бы вы ни имели, следует помнить, что все условия для радости есть уже сейчас. Желание большего порождает войну. Автор "Дао дэ цзин", живя в Эпоху Сражающихся Царств, предупреждает нас о разрушительных последствиях войны, так как не понаслышке знает о них.

С. Митчелл в своем переводе отмечает благотворное воздействие труда на человека, переводя начало комментируемого текста таким образом: *"В стране, управляемой мудро, народ наслаждается работой собственных рук, не растрачивая время на изобретение трудосберегающих машин"*. Казалось бы, изобретение трудосберегающих машин — это не растрата времени, а его экономия. Однако стоит лишь обратиться к трудам раннего К. Маркса, и воспринявших их ведущих философов современности, чтобы понять истинность указанных строк: *машинное производство способствует отчуждению человека от результатов собственного труда, превращению работника в "винтик" довлеющей над ним системы, и лишает его возможности свободного творческого самовыражения, в котором и заключается смысл жизни*. На Востоке это поняли еще тысячи лет назад, задолго до Маркса. В "Чжуан-цзы" сказано: "тот, кто работает с машиной, сам все делает, как машина, у того, кто все делает, как машина, сердце тоже становится машиной. А когда сердце становится, как машина, исчезает целомудрие и чистота. Если же нет целомудрия и чистоты, не будет и твердости духа. А тот, кто духом не тверд, не сбережет в себе Путь".

Если люди самодостаточны духовно и материально, то у них нет нужды использовать других людей для удовлетворения своих потребностей и воспринимать их в таком качестве, нет нужды постоянно стремиться создать новые приборы и устройства, произвести новые мысли, пищу, одежду, общественные связи, поэтому отсутствуют войны и конфликты, "государства смотрят друг на друга, но не посещают друг друга".

81.

Верные слова не изящны. Красивые слова не заслуживают доверия. Добрый не красноречив. Красноречивый не может быть добрым. Знающий не доказывает, доказывающий не знает. Совершенномудрый ничего не накапливает. Он делает все для людей и все отдает другим. Небесное Дао приносит всем существам пользу и им не вредит. Дао совершенномудрого — это деяние без борьбы.

Комментарий:

В заключительном тексте автор "Дао дэ цзин", во-первых, предупреждает нас о том, что *в поиске истины опасно доверять красноречивым словам*. Очень многим людям нравится читать красивые цитаты известных писателей и философов, они даже покупают сборники таких цитат, надеясь через них обрести некоторую житейскую мудрость. Как правило, впечатление производят именно красивые цитаты. Однако не правда ли, что красота обманчива? Красивое утверждение может быть как истинным, так и ложным. При этом необходимо помнить, что человек, стремящийся к красноречию, как правило, оставляет стремление к истине, ибо так устроен этот мир, что выдающийся успех приходит лишь к тем, кто полностью посвящает себя какому-либо делу в ущерб остальным делам (как говорится, за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь), и если хочешь быть красноречивым в суждениях, то придется пожертвовать истин-

ностью последних. Поэтому сказано: *"Верные слова не изящны. Красивые слова не заслуживают доверия"*. Или, как в "Чжуан-цзы": *"речь становится невнятной из-за цветистости"*.

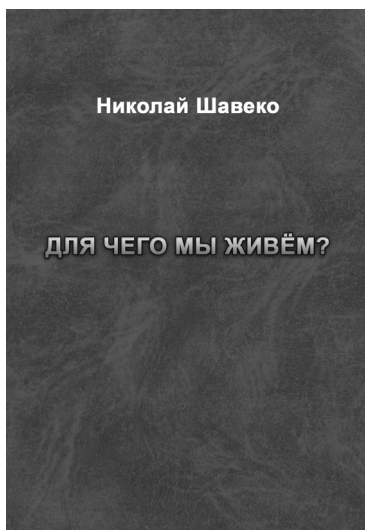
Наряду с красноречивыми словами, не следует доверять красноречивым людям. Как правило, это те, кто пытается создать себе определенный образ положительного человека, то есть пустить вам пыль в глаза. Люди делятся на две категории: одни пытаются показаться добрыми и хорошими, другие просто делают добрые дела и попросту не успевают обращать внимание на мнение окружающих. Поэтому сказано: *"Добрый не красноречив. Красноречивый не может быть добрым"*.

"Знающий не доказывает, доказывающий не знает" — см. ком. 1 к тексту №56. У знающего (совершенномудрого) не имеется навязчивого стремления доказать свою правоту. Он самодостаточен независимо от того, поддерживают ли окружающие его точку зрения. Поэтому мы можем заключить: истина не зависит не только от красноречия, но и от настойчивости проповедника. В трактате "Чжуан-цзы" сказано: *"Большое знание безмятежно-покойно. Малое знание ищет, к чему приложить себя. Великая речь неприметно тиха. Малая речь гремит над ухом"*.

Далее в комментируемом тексте говорится: *"Совершенномудрый ничего не накапливает"*. Здесь подчеркивается, что совершенномудрый не имеет никаких навязчивых стремлений, в том числе стремления к материальным богатствам, а не только стремления доказать свою правоту. Как писал К. Маркс, *"чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество, тем больше твоя отчужденная жизнь"*. *Совершенномудрый довольствуется тем, что имеет, поэтому любое его действие имеет в основе не навязчивое стремление, а спонтанную, естественную активность, и представляет собой выражение творческой энергии человека.* Он проникнут любовью к миру, поэтому *"делает все для людей и все отдает другим"*. Это не значит, что совершенномудрый непременно обязан раздать все свое имущество другим людям (хотя бы потому, что он тоже человек, и заботится о себе в той

же мере, что и о других людях). Но если он обладает вещью, то он не зависим от нее, не боится ее потерять, и при этом полностью использует ее полезные свойства во благо жизни. Пожалуй, он относится к ней даже с *любовью*, если учесть, что подлинная любовь подразумевает искреннюю заинтересованность в объекте любви, но при этом — отсутствие привязанности к нему. Отличие такой "любви" от любви к живым существам будет в том, что вещь, в отличие от живого существа, не станет рассматриваться как "цель в себе".

Внешняя активность совершенномуудрого, таким образом, является спонтанным выражением его внутренней активности. Эта внутренняя активность, основанная на свободном и критически мыслящем уме, и есть то самое даосское "недеяние". Это — "деяние, осуществляемое без борьбы", без конфликта с миром и с живыми существами, но с любовью к ним.

Шавеко Н.

**Для чего мы живём?
Сборник философских эссе
(издание 2-е, испр. и доп.)**

*Мягкая обложка, 60x84 1/16,
272 стр., 2015 г.*

В чем смысл жизни? Как устроен мир, что мы вообще можем о нём знать, и что нам нужно делать? Этими философскими вопросами время от времени задается каждый из нас. Сквозь призму взглядов известных мыслителей различных эпох автор данной книги в доступной форме излагает своё видение философских проблем, делая философию максимально приближенной к повседневной жизни. Эта книга равно далека от обыденной псевдомудрости, сухой науки и религиозных догм, что и делает её такой полезной и интересной.

Предлагаемый на суд читателя сборник состоит из собственно книги «Для чего мы живём?», предназначенной для подростков, а также нескольких философских эссе для читателей более старшего возраста, которые задумываются над «вечными» вопросами. Дополнением служит собрание стихотворений автора.

Николай Шавеко

**КОММЕНТАРИЙ
К
ДАО ДЭ ЦЗИН**

(в переводе Ян Хин-шуна)

В авторской редакции

Подписано в печать 02.04.2019. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 13,95. Тираж 50 экз.

Издательство "Бон Анца" (ИП Пашкина С. С.)
426063, г. Ижевск, пр. Дзержинского, 3.
Тел. (3412) 63-21-63. E-mail: mail@izhcat.ru

